

Министерство высшего образования СССР
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том LXVI

Выпуск исторический

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОММУНИСТ»
С а р а т о в — 1958

Министерство высшего образования СССР
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том LXVI

Выпуск исторический

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОММУНИСТ»
Саратов — 1958

Редакционная коллегия:

доценты Л. А. Дербов, И. С. Кашкин, В. К. Медведев
А. И. Озолин, В. А. Осипов, М. С. Персов (председатель),
И. В. Порох, Э. К. Путный, С. М. Стам.

В. ОСТРОВСКИЙ

**КОМСОМОЛ НА ФРОНТЕ
СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
(1930—1932 гг.)***

I.

В конце 1929 г., с началом массового вступления крестьян в колхозы, партия и Советская власть развернули решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту, провозгласив политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Новая политика была закреплена историческим постановлением ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое стало конкретной программой борьбы за победу колхозного строя. XVI съезд ВКП(б) определял новый курс партии как «штурм рабочего класса на последний оплот капиталистической эксплуатации в стране»¹.

Провозглашение новой политики в деревне положило начало глубочайшему революционному перевороту,

* Данная статья является продолжением опубликованной в 47 томе «Ученых записок» СГУ (выпуск исторический) статьи «Всесоюзный комсомольский поход за урожай и коллективизацию сельского хозяйства». Поэтому автор счел излишним ставить повторно целый ряд общих вопросов, получивших освещение в первой статье (Р. О.)

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, стр. 559, изд. 7-е.

скачку из старого качественного состояния в новое качественное состояние, равнозначному по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.

Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства потребовало максимального напряжения сил партии, всех трудящихся города и деревни. Активное участие в решении этой труднейшей задачи диктатуры пролетариата принимал ленинский комсомол. Комсомольский поход за урожай и коллективизацию сельского хозяйства в 1929 г. был первым шагом в перестройке работы комсомола соответственно требованиям периода реконструкции. Однако, несмотря на некоторые успехи, работа комсомола отставала от возросших темпов социалистического строительства, от потребностей нового этапа колхозного движения. Нацеливая все массовые организации на решение новых задач, партия уделила большое внимание комсомолу. В резолюции ноябрьского пленума 1929 г. ЦК ВКП(б) указал на «недостаточность работы комсомольских организаций в деле коллективизации» и поставил перед ними задачу идти в первых рядах колхозного движения и выделять из своей среды тысячи и тысячи организаторов колхозов»².

29 декабря 1929 г. ЦК партии принял специальное решение «Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве»³.

О работе комсомола в деревне в этом решении указывалось, что он должен максимально усилить свое участие в колхозном строительстве, развернуть работу по внутреннему укреплению колхозов, их объединению, увеличению в них неделимых капиталов, по культурно-бытовому обслуживанию колхозников, решительно бороться с кулацкими происками в колхозах. ЦК ВКП(б) считал обязанностью комсомола переносить в деревню из промышленности опыт организации труда и социалистического соревнования, принять самое активное уча-

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, стр. 532, изд. 7-е.

³ «ВКП(б) о комсомоле и молодежи». Сб. решений и постановлений партии о молодежи (1903—1938), изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1938 г., стр. 165—169.

ствие в строительстве совхозов и МТС — опорных пунктов коллективизации деревни.

Наряду с этим «комсомол должен развить массовое движение крестьянской молодежи за овладение сельскохозяйственной машинной техникой и агроколхозными знаниями». В решении ставилась задача путем организации кружков, курсов, заочного обучения, проведения экскурсий в лучшие колхозы в кратчайший срок ликвидировать неграмотность среди сельской молодежи в области агротехники, развернуть подготовку кадров механизаторов и руководителей колхозного производства.

Выдвигая эти хозяйственные задачи, ЦК ВКП(б) особо подчеркивал их огромное воспитательное значение. В решении говорилось, что «коммунистическое воспитание подрастающего поколения, особенно в нынешних условиях бурных темпов социалистической реконструкции страны, проходящей в обстановке обострившейся классовой борьбы, возможно только при действительном участии молодежи в социалистическом строительстве».

Решения ЦК ВКП(б) вооружили комсомол боевой программой действий. Пленум ЦК ВЛКСМ в декабре 1929 г., обсудив вопрос об участии молодежи в сплошной коллективизации сельского хозяйства, заверил партию, что свою роль «быть ударной бригадой молодежи» комсомол выполнит с честью⁴.

По призыву партии в комсомоле началась мобилизация сил под лозунгом: все на борьбу за сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Оживилась работа сельских ячеек. Повсеместно были проведены собрания, митинги, совещания актива, конференции, демонстрации молодежи.

Объявляя себя мобилизованными на борьбу за коллективизацию сельского хозяйства, комсомольцы Средне-Волжского края писали: «О преданности партии, революционности каждого комсомольца и каждой деревенской организации следует судить именно с точки зрения их участия в коллективизации сельского хо-

⁴ Архив ЦК ВЛКСМ, стенограмма VI Пленума ЦК ВЛКСМ, книга 5, л. 2—5.

зяйства, в классовой борьбе, которая развернулась вокруг колхозов и внутри колхозной деревни». Пленум Средне-Волжского крайкома ВЛКСМ призвал каждого комсомольца вступить в колхоз и активно помогать партийной организации в деле вовлечения в колхозы всего трудящегося крестьянства⁵.

23 декабря 1929 г. расширенное совещание секретарей райкомов и окружкомов ВЛКСМ Нижне-Волжского края приняло решение, в котором говорилось, что активное участие комсомола в коллективизации сельского хозяйства «должно явиться важнейшей проверкой того, насколько быстро, энергично и своевременно комсомол Нижне-Волжского края перестроит свою работу, соответственно темпам социалистической реконструкции сельского хозяйства»⁶.

«Даем торжественное обещание бросить все силы на сплошную коллективизацию района, — писали участники пятитысячного митинга молодежи нескольких сел Новоусманского района ЦЧО. — Комсомол района мобилизован... Задачу сплошной коллективизации выполним, докажем нытикам и маловеерам из лагеря правых и левых незыблемую правоту ленинской линии ЦК ВКП(б)»⁷. Это решение по духу и стилю своему типично для десятков тысяч молодежных собраний тех дней.

На основе постановления VI Пленума ЦК ВЛКСМ окружкомы и райкомы в январе—феврале 1930 г. послали в помощь деревенским ячейкам 20000 человек из числа активистов окружных и районных центров. Это были в большинстве своем рабочие, политически грамотные, имеющие опыт комсомольской работы. Среди них был значительный процент коммунистов. Об этом можно судить по составу группы, посланной Сталинградским окружкомом ВЛКСМ Нижне-Волжского края. Все 45 человек были рабочими сталинградских заводов

⁵ Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 156. 1930 г. Приложение: информационное сообщение Средне-Волжского крайкома ВЛКСМ, л. 4.

⁶ Архив ЦК ВЛКСМ. Информационный отдел (Нижняя Волга), д. 195, 1929 г., л. 12.

⁷ Газета «Молодой коммунарь». Орган Обкома ВЛКСМ ЦЧО № 154, 12/XII-1929 г.

со стажем от 3 до 9 лет, в возрасте 19—24 лет, из них 24 человека — члены и кандидаты партии⁸.

После постановления ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) комсомол послал в счет 25-тысячников 5000 лучших своих членов.

Кроме рабочих-активистов, временно для оказания помощи ячейкам, выехал и аппарат руководящих органов комсомола. В окружках и райкомх Нижне-Волжского края, например, оставалось буквально по одному-два работника⁹.

Стремление рабочей молодежи активно включиться в перестройку деревни было настолько велико, что оно стихийно вылилось в организацию массового шефства заводов, фабрик и даже отдельных цехов над районами и селами сплошной коллективизации. По почину комсомольцев московских и сталинградских заводов в деревню выезжают сотни молодежных бригад агитаторов, трактористов, культармейцев, ремонтников и т. д. За рабочими заводов поднимаются комсомольцы-железнодорожники, поставив задачу создать «социалистическое окружение транспорта», коллективизировать районы вокруг железнодорожных магистралей¹⁰.

Откликаясь на призыв комсомольской организации совхоза «Хуторок» Армавирского округа Северо-Кавказского края, молодежь совхозов взяла на себя обязательство принять самое активное участие в коллективизации, организовать рациональное использование машин в колхозах, помочь в ремонте инвентаря, сборе семенного фонда, в организации труда¹¹.

Под руководством комсомола в работу включаются и пионерские организации. Молодые ленинцы Северного Кавказа, например, взяли на себя обязательство написать 100000 лозунгов, создать в колхозах 1000 библиотек, послать в деревни 2000 книгонош и чтецов газет, 4000 агроразведчиков, организовать 300 экскурсий кре-

⁸ Саратовский областной партийный архив (СОПА), ф. 56, д. 96, 1930 г., л. 5—8.

⁹ Там же, ф. 56, д. 125, л. 116.

¹⁰ Архив ЦК ВЛКСМ. Приложение к протоколу Бюро ЦК № 149, п. 9, 1929 г.

¹¹ «Комсомольская правда», № 46, 25/II-1930 г.

стьян в колхозы и совхозы, активно участвовать в подготовке и проведении весеннего сева¹².

Пионеры показывали настоящие образцы стойкости и мужества. Образ Павлика Морозова, погибшего на боевом посту от зверской руки кулаков, воплощает дух молодой смены комсомола.

Короче говоря, в январе—феврале 1930 г. на передовую линию наступления социализма — сплошную коллективизацию сельского хозяйства — вышла под руководством партии 2-миллионная армия комсомола.

В условиях обострившейся классовой борьбы комсомольские ячейки развернули большую организационно-хозяйственную и политическую работу. Партия направляла комсомольцев на самые ответственные участки. Они состояли членами бригад по обобществлению скота, инвентаря, семенного фонда, входили в комиссии по описи и конфискации кулацкого имущества, дежурили в райкомах партии и сельских Советах, организовывали ночные дозоры на больших проезжих дорогах, предупреждая побеги кулаков, вскрывали кулацкие хлебные ямы, вели агитационную и разъяснительную работу среди крестьян. Например, в Усть-Медведицком районе Хоперского округа Нижне-Волжского края при комиссиях работало 14 комсомольских групп (94 человека), в бригадах по раскулачиванию участвовало 208 комсомольцев и 46 человек беспартийной молодежи. Ими обнаружено 32 случая скрывания кулаками имущества и конфисковано 4000 пудов спрятанного хлеба¹³. На Северном Кавказе комсомольцы создавали конные «полки» и «сотни», которые, разъезжая по станицам, помогали создавать колхозы, ремонтировать общественный инвентарь, строить хозяйственные постройки. Сводки окружкомов и райкомов ВЛКСМ пестрят сообщениями о том, что по инициативе комсомольцев повсеместно создавались сотни артелей, товариществ и коммун. На Средней Волге например, только за 10 дней января 1930 г. силами комсомола было организовано 61 простейшее товарищество

¹² Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 156, 1930 г., приложение, л. 52.

¹³ СОПА, ф. 56, д. 89, 1930 г., л. 21—22.

и 110 колхозов, в которые вступило 3589 комсомольцев¹⁴.

В Камышинском округе Нижне-Волжского края за 10 дней января комсомольцы организовали 9 артелей, а ячейка села Гнилой Проток Краснокутского района всем составом вступила в колхоз. Ячейки этого района в первые два месяца обобществили 1170 голов скота и 519 сельскохозяйственных орудий. В Алексеевском районе того же края комсомольцы были организаторами коммун «Большевик», им. Комсомола и т. д.¹⁵.

Таких примеров можно привести множество. Еще большее значение имело, что комсомольцы первыми вступали в колхозы и своей решительностью, активностью действий увлекали крестьян. Пример молодежи, сбрасывавшей груз мелкособственнических пережитков и решительно порывавшей с дедовскими методами хозяйствования, был одним из сильнейших агитационных средств. Число комсомольцев колхозников росло в первые месяцы 1930 г. буквально по дням. Если в ЦЧО на 1 декабря 1929 г. в колхозах было 33,9% всех членов организации ВЛКСМ, то к 1 марта 1930 г. процент поднялся до 91,1%¹⁶. На Нижней Волге члены таких окружных и районных организаций, как Аткарская, Вольская, Хоперская, Камышинская, Краснокутская, на 100% состояли в колхозах уже в конце января 1930 г.¹⁷. На Средней Волге и Северном Кавказе процент коллективизации крестьян-комсомольцев приближался к 100%¹⁸.

Приведенные цифры убедительно говорят о передовой роли комсомольцев. Особенно велика эта роль была в тех селах и деревнях, где не было партийных ячеек. Здесь на плечах комсомольских ячеек лежали все трудности первых шагов массового колхозного строительства.

Коллективизация крестьянских хозяйств сопровождалась ожесточенной классовой борьбой. Обреченное на гибель кулачество всячески пыталось сорвать коллек-

¹⁴ Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 156, приложение—Сводки Средне-Волжского крайкома ВЛКСМ, л. 5—6.

¹⁵ СОПА, ф. 56, д. 125, л. 115—115 (об).

¹⁶ Архив ЦК ВЛКСМ, Информотдел (ЦЧО), д. 209, 1930 г., л. 4.

¹⁷ СОПА, ф. 56, д. 125, 1930 г., л. 115.

¹⁸ Архив ЦК ВЛКСМ, Протокол Бюро ЦК № 156, 1930 г. Приложение, лл. 8, 12.

тивизацию, используя для этого самые различные способы. Оно агитировало крестьян против вступления в колхозы, провоцировало массовый убой скота, распродажу семян и инвентаря, организовало террор против сельских активистов. Особенно остро шла борьба вокруг обобществления семян, инвентаря и тягловой силы. Под руководством партийных организаций комсомольские ячейки развернули широкую агитацию не только словом, но и делом. Они взяли под свой контроль сохранность лошадей, волов, инвентаря, семян, следили за каждым крестьянским хозяйством, стремясь своевременно давать отпор кулацким проидам.

Нельзя не отметить в связи с этим вопросом большую организующую роль комсомольцев 25-тысячников и рабочих-шефов. Приехав в деревню, они активно включались в работу комсомольских ячеек, колхозов, сельских Советов. «Участие рабочих в перестройке сельского хозяйства воодушевляет крестьян,— писал комсомолец 25-тысячник из села Тагай Нижне-Волжского края,— это было заметно решительно на всех проводимых мною мероприятиях. Бедняцко-батрацкие массы, видя, что с ними весь рабочий класс, ведут все более решительную борьбу с кулаком». «Работа очень трудная,— писал другой,— когда я приехал, семенной материал был собран на 48%. Я собрал актив бедноты, и мы в 3 дня выполнили задание. Посевной материал собран на 110%. Не было совершенно кузницы. Организовали три кузницы. Трудно работать, но я надеюсь оправдать доверие рабочих масс»¹⁹.

В других письмах, которые опубликовала «Комсомольская правда», организовав переключку 25-тысячников-комсомольцев, рассказывается о борьбе с кулачеством, организации труда в новых колхозах и т. п.

В декабре 1929 г. в директиве райкомам и обкомам партии ЦК ВКП(б) обратил их внимание на необходимость более широкого использования комсомольских организаций при проведении обобществления крестьянских хозяйств, сборе семенных материалов и подготовке к севу²⁰. На этот участок были направлены все силы дере-

¹⁹ «Комсомольская правда» № 51, 2/III-1930 г., № 126, 3/VI-1930.

²⁰ «Правда» № 308, 28/XII—1929 г.

венской общественности. «Засыпка семян — экзамен каждой комсомольской ячейки» — под таким лозунгом «Комсомольская правда» призывала развернуть социалистическое соревнование при решении этой боевой задачи.

Комсомолы показывали настоящие образцы мужества. Когда, например, в Бузулукском районе Средне-Волжского края потребовалось в момент разлива рек перебросить семенные материалы в отрезанные водой сельсоветы, комсомолы первыми взялись за дело и с большими трудностями, опасностью для жизни выполнили его²¹.

На Красной доске, организованной в газете «Комсомольская правда», с каждым номером появлялись все новые и новые организации. Первыми выполнили план подготовки семенного материала комсомолы Балашовского и Хоперского округов Нижней Волги, а за ними комсомол остальных округов Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги²².

Важнейшим условием успешной работы комсомола было партийное руководство его организациями. Оно осуществлялось повседневно в самых различных формах и различными методами.

Наиболее ярко его можно показать в период борьбы с искривлениями партийной линии в колхозном строительстве. Партийные организации помогли комсомольским ячейкам вскрыть допущенные ошибки, укрепить руководство опытными коммунистами, наметили комсомолу его ближайшие задачи по исправлению ошибок и укреплению колхозов.

Типичным примером этого может служить факт из жизни Сталинградской окружной организации Нижне-Волжского края. В апреле месяце, в самый острый момент борьбы с искривлениями и подготовки сева, пленум Сталинградского окружкома ВКП(б) специально рассмотрел вопрос о работе комсомола, его очередных задачах, об улучшении партийного руководства. В решении прямо указывалось на ошибки и отдельные провалы в работе комсомольской организации: снижение

²¹ Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 185, 1930 г., приложение, л. 3.

²² «Комсомольская правда» № 3, 4, 18, 19, 47 за февраль 1930 г.

пролетарского ядра, расхлябанность и недисциплинированность многих членов организации, аполитичность некоторых комсомольцев и даже ячеек, слабость воспитательной работы, отсутствие должной критики и самокритики, примиренческое отношение к допущенным искривлениям. Пленум указал пути исправления этих недостатков и прежде всего потребовал от комсомольских ячеек активного участия в подготовке и проведении первой колхозной весны. На основе этого решения был укреплен состав руководящих комсомольских кадров и партприкрепленных, устранен формализм в партийном руководстве. Пленум резко поставил вопрос о партийной ответственности всех коммунистов, работающих в комсомоле, и партийных руководителей, не принимающих должных мер к устранению недостатков в комсомольской работе²³.

Насколько своевременным и действенным было это решение, можно судить по тому, что уже первое свое испытание — весенний сев и уборку урожая — комсомол округа «выдержал блестяще», как писала об этом «Комсомольская правда»²⁴.

Решительные меры, принятые партией, помогли комсомолу укрепить свои ряды, оздоровить организации и ячейки, очиститься от чуждых и разложившихся элементов. Например, по 5 округам того же Нижне-Волжского края за бездеятельность, отказ от работы по коллективизации и подготовке весеннего сева, за моральное разложение и демонстративный выход из колхозов было исключено из комсомола 180 человек, распущено 9 ячеек, 28 бюро ячеек²⁵.

На Дону из комсомола было исключено за 1930 г. 1500 человек, но вместо них комсомол принял в свои ряды 16000 новых членов — передовых представителей крестьянской молодежи²⁶.

Основное внимание комсомольских организаций весной 1930 г. было сосредоточено на весеннем севе, от ус-

²³ СОПА, ф. 56, д. 28, 1930 г., л. 45—49.

²⁴ «Комсомольская правда» № 177. 24/VII—1930 г.

²⁵ СОПА, ф. 56, д. 125, 1930 г., л. 117.

²⁶ А. К. Прозоров. «Комсомол Дона — помощник партии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства (1928—1930 г.)» Автореферат. Ростов-на-Дону, 1950 г., стр. 11.

пешного проведения которого зависел дальнейший ход колхозного строительства.

Прежде всего надо было организовать труд в колхозах, подготовить к севу инвентарь, тягловую силу и семенные материалы, провести целый ряд организационных и хозяйственных мероприятий. Комсомолу в решении этих задач партия отводила одно из важнейших мест. Комсомольцы должны были стать инициаторами внедрения новых методов труда, социалистического соревнования, застрельщиками ударного проведения первой колхозной весны.

Ячейки направили комсомольцев на наиболее ответственные участки: в бригады, на скотные дворы, на ремонт инвентаря и очистку зерна. В любую работу они вносили свой огонек, дисциплину и организованность. Например, комсомол Северного Кавказа в эти дни протравил и очистил 405.340 пудов зерна²⁷. В Романовском районе Нижне-Волжского края комсомольцы подготовили 4287 пудов семян и отремонтировали 118 сельскохозяйственных машин и орудий. В Ртищевском районе того же края подготовили 39.040 пудов семян, а ячейка села Тростянки Камышинского округа очистила 6000 пудов и отремонтировала 75 машин²⁸.

Немаловажную роль в подготовке к севу сыграли отряды «легкой кавалерии». Организуя «налеты» на колхозы, совхозы, МТС, земельные органы, они вскрывали имеющиеся неполадки в составлении планов сева, снабжении МТС запасными частями и горючим, ремонте инвентаря. По их сигналам партийные организации принимали решительные меры и исправляли положение дел²⁹.

Велика была роль комсомола в организации социалистического соревнования на колхозных полях. По сравнению с 1929 г. оно стало более массовым, более глубоким, отразив такие важнейшие вопросы колхозного производства, как повышение производительности и рационализация труда, экономия горючего и материалов.

²⁷ «Комсомол Северного Кавказа в цифрах». Стат. сб. к 6-й крайконференции и IX съезду Союза. Ростов-на-Дону, 1930 г., стр. 26.

²⁸ СОПА ф. 56, д. 125, 1930 г., л. 118.

²⁹ См. СОПА, ф. 56, д. 125, 1930 г., л. 119, «Комсомольская правда» № 23, 29/I-1930 г., № 96, 27/IV-1930 г., № 37, 14/II-1930 г.

Развертыванию соревнования способствовал 1-й Всесоюзный съезд ударных бригад, состоявшийся 5 декабря 1929 г. Съезд выдвинул лозунг «От ударных бригад к ударным колхозам и совхозам».

На помощь деревне в развитии соревнования пришли и комсомольцы города. Ударники Московского электрoзавода писали, например, в свой подшефный район, что они поставили перед собой задачу передать весь накопленный опыт ударничества и социалистического соревнования, показать участие заводской молодежи в производственных совещаниях и результаты этой работы. «Кроме того мы поделимся с вами опытом, как мы организовали изобретательство, как проводили месячник по борьбе за промфинплан и по борьбе с рвачеством и прогулами. Для этого мы обязуемся выпустить вам специальную памятку». «Мы будем вместе с вами драться во всех трудных боях,—писали комсомольцы ударники заводов Северного Кавказа. — Быстрее двигайте комсомольские отряды, скорее создавайте ударные бригады, вступайте в поход решительнее и смелее»³⁰.

Используя опыт фабрик и заводов, комсомол поднимал в деревне знамя социалистического соревнования. Начали создаваться молодежные ударные бригады, заключаться договора между комсомольскими организациями, колхозами, совхозами, МТС. Например, в ЦЧО в весенний сев работало в каждом из округов от 50 до 423 ударных молодежных бригад. По неполным данным, в области насчитывалось 1200 бригад с охватом 6991 человека³¹. На Средней Волге количество ударных бригад в некоторых округах достигало 300³². На Северном Кавказе работала 1321 ударная бригада с охватом 29703 человек комсомольцев и молодежи. Ударная работа таких комсомольско-молодежных бригад помогла колхозам Дона, например, выполнить план сева раньше южных районов края, хотя приступили к севу они на 7—10 дней

³⁰ «Комсомольская правда» № 281, 3/XII-1929 г., № 92, 2/IV-1930 г.

³¹ Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (ЦЧО), д. 209, 1930 г., л. 1—2.

³² Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 156, приложение, л. 4.

позже. А. А. Андреев, оценивая комсомол и молодежь как громадную силу в колхозном производстве, указывал в своей речи на XVI съезде партии, что на Северном Кавказе в весеннем севе, весенней полке и т. д. выдающуюся роль сыграли молодые кадры крестьянства³³.

Начатое комсомолом социалистическое соревнование сыграло огромную роль в повышении классовой боеспособности колхозов, в перевоспитании крестьянства, в борьбе против кулачества, в выполнении плана весеннего сева по колхозному сектору. Успешным проведением весеннего сева партия создала почву для нового подъема колхозного движения.

Участие в сплошной коллективизации сельского хозяйства было для комсомола настоящим политическим экзаменом. В ожесточенной борьбе с классовым врагом проверялась боеспособность ячеек и организаций, их авторитет в массах молодежи, политическая выдержка и стойкость каждого комсомольца «Отдай комсомольский билет, если испугался кулака, хнычешь, дезертируешь с боевого фронта» — писала в эти знаменательные дни «Комсомольская правда». И комсомол с честью выдержал этот экзамен. Вырос его авторитет, укрепилась связь с молодежью. Об этом можно судить по цифрам роста рядов ВЛКСМ. Состав ячеек увеличивался в первые месяцы 1930 г. вдвое, втрое. Так, на Северном Кавказе за 1 квартал в комсомол вступило 28813 человек. Если по Нижне-Волжскому краю за период с августа 1928 г. по октябрь 1929 г. было принято 1642 человека, то с октября 1929 г. по апрель 1930 г. организация выросла в 4,5 раза³⁵. Такая же картина наблюдается по Средней Волге. За 9 месяцев 1929 г. там было принято всего 23964 человека, а за 4 месяца 1930 г. 20113 человек³⁶.

³³ «Комсомол Северного Кавказа в цифрах», стр. 26; см. также А. К. Прозоров «Комсомол Дона—помощник партии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства», автореферат диссертации, стр. 16.

³⁴ Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел. (Сев. Кавказ), д. 136, 1930 г., л. 7.

³⁵ СОПА, ф. 56, д. 181, 1930 г., л. 124, 262, д. 125, 1930 г., л. 116 (об), д. 89, л. 29.

³⁶ Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 185. 1930 г., приложение, л. 10.

Всего с января по июль 1930 г. комсомол принял в свои ряды 419.570 человек, из них 260.657 человек, т. е. больше 50%, в деревне³⁷.

Приведенные цифры говорят о том, что комсомол сумел сплотить вокруг партии миллионные массы молодежи, что политика партии находила горячий отклик у молодежи и вдохновляла ее на самоотверженную борьбу.

Оценивая работу комсомола, ЦК партии указывал в своем решении от 26 декабря 1930 г., что «комсомол во всей своей практической работе повернулся лицом к производству—к выполнению промфинплана на предприятиях и к делу коллективизации в деревне... Значительно выросла роль комсомола, как организатора сельской общественности, в борьбе против кулака, за сплошную коллективизацию, за строительство совхозов и МТС, за поднятие агротехнического уровня сельского хозяйства»³⁸.

II.

26 июня 1930 г. собрался XVI съезд партии.

Подводя итоги проделанной работы, съезд в своих решениях поставил задачу обеспечить и в дальнейшем боевые большевистские темпы социалистического строительства, добиться выполнения пятилетки в четыре года.

Работе комсомола на этом этапе социалистического строительства партия уделяла большое внимание. «Констатируя достижения в работе комсомола в деле развертывания социалистического соревнования и ударничества,—говорилось в решениях XVI съезда ВКП(б),—съезд считает, что возрастающее значение молодежи, комсомольских и пионерских организаций требует усиления внимания и помощи со стороны партийных организаций»³⁹. Съезд указывал, что дальнейшее улучшение работы среди молодежи в колхозах становится необходимой предпосылкой успешной работы партии по социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Выполняя указания съезда, ЦК партии 26 декабря 1930 г. специально обсудил вопрос и принял решение «О

³⁷ Архив ЦК ВЛКСМ. Статистический сектор. Итоговая таблица, лл. 1—2, 5.

³⁸ «ВКП(б) о комсомоле и молодежи», стр. 73.

³⁹ «КПСС в резолюциях», ч. II, стр. 563.

состоянии и работе комсомола»⁴⁰, в котором наметил меры по укреплению комсомольских организаций в деревне и повышению их роли в колхозно-совхозном производстве.

Решение ЦК ВКП(б) непосредственно предшествовало IX съезду ВЛКСМ в январе 1931 г. и легло в основу его работы.

IX съезд имел большое значение в жизни комсомола. Он наметил конкретные формы участия молодежи в борьбе за выполнение пятилетки в четыре года, за завершение построения фундамента социалистической экономики.

Съезд специально обсудил вопрос о задачах комсомола в колхозном строительстве. Основное звено, за которое должен был взяться комсомол на новом этапе, состояло в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Колхоз был наиболее боевым участком комсомола⁴¹. Поэтому съезд обязал каждого деревенского комсомольца вступить в колхоз и вести активную работу по его укреплению. Перед ячейками была поставлена задача глубже вникать в жизнь колхозов, знать их потребности и планы, всемерно разворачивать социалистическое соревнование, бороться за повышение политического и культурного уровня колхозников и, особенно, приложить все силы к тому, чтобы обеспечить подготовку из молодежи квалифицированных колхозных кадров. «Того, кто сопротивляется этому, кто мешает колхозному движению,—говорилось в резолюции,—исключать из комсомола как явно кулацкую агентуру»⁴².

Вместе с тем, «решительно борясь с теорией и практикой самотека в колхозном движении, комсомол должен значительно усилить свою работу среди бедняцких и середняцких хозяйств, подчинив ее задаче вовлечения их на добровольных началах в колхозы»⁴³.

Для того, чтобы обеспечить выполнение комсомолом этих больших и сложных задач, партия провела ряд организационно-политических мероприятий.

⁴⁰ См. «ВКП(б) о комсомоле и молодежи», стр. 73—74.

⁴¹ «IX съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», стр. 212.

⁴² Там же, стр. 423.

⁴³ Там же, стр. 422—423.

В связи с проведенным в 1930 г. районированием были упразднены окружные комитеты ВЛКСМ и за счет освободившегося актива усилено руководство районными организациями. Это мероприятие приблизило руководящие органы к массам, устранило бюрократизм, повысило уровень руководства практической работой ячеек.

С целью улучшения хозяйственной и политической работы комсомола в деревне была изменена структура низовых организаций. Вместо территориальных сельских и деревенских ячеек созданы самостоятельные комсомольские ячейки в каждом колхозе, в производственных бригадах—группы во главе с комсоргом, а в МТС, совхозах и наиболее крепких колхозах — комитеты ВЛКСМ, осуществлявшие руководство молодыми колхозными ячейками. Проведение этого мероприятия вызывалось как сложностью новых задач, так и резко изменившимся качественным составом комсомола в деревне. К периоду IX съезда ВЛКСМ большинство комсомольцев уже состояло в колхозах. Комсомол деревни фактически превратился в колхозный комсомол, и старая структура становилась тормозом в решении задач подъема колхозного производства. По стране в среднем комсомольские ячейки имелись только в 40 % колхозов, 68,6 % совхозов и 58,8 % МТС⁴⁴, в то время как в деревне к IX съезду комсомол насчитывал в своих рядах 1.890.000 человек, большинство из которых состояло в колхозах. По СССР процент комсомольцев-колхозников достигал 76 %, а в основных зерновых районах страны, вошедших в первую очередь коллективизации, 90—100 %⁴⁵. Всего же молодежи в колхозах, по данным Наркомзема и статистического сектора ЦК ВЛКСМ, на апрель 1931 г. насчитывалось 11 млн. человек⁴⁶. Естественно, что создание колхозных ячеек было назревшей задачей и способствовало повышению роли комсомола в колхозном производстве.

Придавая этому мероприятию первостепенное значе-

⁴⁴ Архив ЦК ВЛКСМ. Материалы инстат. сектора ЦК (приложение к протоколу Бюро ЦК № 11, 1931 г.).

⁴⁵ Процент комсомольцев-колхозников дается относительно общего числа комсомольцев деревни.

⁴⁶ Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 1, 1931 г. Материалы инстатсектора ЦК и стенограмма II Пленума ЦК 1931 г., книга 1, л. 82.

ние, ЦК ВКП(б) принял 1 апреля 1931 г. постановление «О работе колхозных ячеек комсомола», в котором указал на их основные задачи, на необходимость всемерной помощи им со стороны вышестоящих партийных и комсомольских органов, на подготовку для них кадровых руководителей⁴⁷.

Для проведения всей организационной перестройки ЦК ВЛКСМ по предложению низовых работников ЦЧО и газеты «Комсомольская правда» послал сроком на 1 год во вновь созданные ячейки 30000 комсомольцев-активистов и ударников из «старых» колхозов⁴⁸. Они помогали новым ячейкам в постановке воспитательной работы, распространяли опыт организации труда и соревнования в колхозах, способствовали выращиванию нового комсомольского актива.

Наряду с организационной перестройкой потребовалось значительно улучшить и воспитательную работу комсомольских организаций. Это вызывалось их быстрым ростом за счет молодежи, которая не имела революционной закалки гражданской войны, была слабо подготовлена теоретически. Возрастная характеристика комсомола этих лет может служить ярким подтверждением этого. На 1 июля 1930 г. из 2.885.697 членов союза было в возрасте 16 лет 421.312 человек, 17—20 лет—1.204.432, 21—22 лет—958.052, 23 лет и старше—481.911 человек. Это значит, что половину всех членов комсомола (48,1%) составляла молодежь в возрасте до 20 лет⁴⁹. Поэтому работу комсомольских ячеек нужно было поставить более конкретно с точки зрения охвата каждого комсомольца и окружающей его беспартийной молодежи своим влиянием⁵⁰.

Совершенствуя и улучшая все стороны воспитательной работы с молодежью, партия обратила особое внимание на повышение ее политического и теоретического уровня.

С этой целью в комсомоле было организовано широ-

⁴⁷ См. «ВКП(б) о комсомоле и молодежи», стр. 74—75.

⁴⁸ «Комсомольская правда» № 103, 14/IV, № 109, 20/IV, № 132, 15/V—1931 г.

⁴⁹ Архив ЦК ВЛКСМ. Статистический сектор. «Итоговые таблицы», л. 5.

⁵⁰ «IX съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», стр. 215.

кое изучение решений XVI съезда, работ В. И. Ленина и И. В. Сталина о социалистическом строительстве.

В 1930—31 гг. были внесены изменения в сеть комсомольской политечебы. Для обучения менее подготовленных комсомольцев созданы школы новичков, в программу которых вошло изучение решений XVI съезда партии, устава и программы комсомола. С целью ликвидации элементарной политической неграмотности введен в 1931 г. контроль за изучением политминимума. Усилена пропаганда через печать и радио, особенно «Комсомольскую правду» и специальную радиопередачу «Час молодежи». В два раза выросла сеть заочного политобучения.

В 1930—1931 гг. политечейей было охвачено по стране в среднем 60—70 % всех комсомольцев, а в передовых организациях промышленных центров и крупных зерновых районов 90—100 %⁵¹.

Расширение политечейей и повышение уровня теоретической учебы особенно остро поставили вопрос об обеспечении ее высококвалифицированными пропагандистами. По указанию ЦК ВКП(б) местные организации направили на работу в комсомольскую политечейей значительное число пропагандистов из партийной сети. На Средней Волге и ЦЧО они составляли более 50 %⁵². Вместе с этим они помогли подготовить пропагандистов из числа наиболее грамотных комсомольцев путем организации краткосрочных курсов. На Северном Кавказе подготовили таким образом 1328 человек, на Украине 4500, на Средней Волге около 20 человек в каждом районе и т. д.⁵³. Специальную подготовку на краткосрочных курсах прошли секретари комсомольских ячеек колхозов, совхозов и МТС. При совпартшколах были организованы постоянно действующие семинары актива и пропагандистов, вдвое увеличен контингент центральных комсомольских курсов, а состав заочного комсомольского

⁵¹. Архив ЦК ВЛКСМ. Стенограмма III Пленума ЦК, книга III, л. 190.

⁵². Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 41 и 43, 1931 г.

⁵³. Архив ЦК ВЛКСМ. Стенограмма Пленума ЦК, книга III, л. 100, 341.

университета доведен до 20000 человек, расширены комсомольские отделения комвузов с 1000 до 1500 человек⁵⁴.

Пристальное внимание, конкретная помощь и повседневное руководство со стороны ЦК ВКП(б) и местных партийных организаций обеспечили боеспособность комсомольских ячеек деревни, повышение уровня их воспитательной работы, подняли, активность масс колхозной молодежи в борьбе за завершение коллективизации сельского хозяйства.

III.

Вскоре после XVI съезда партии, с августа 1930 г. до конца осенних полевых работ, комсомол провел свой «колхозно-производственный поход», который перерос в 1931—32 гг. в новый поход под общим лозунгом борьбы за высокий урожай.

Форма похода явилась наиболее удачной формой вовлечения молодежи в борьбу за дальнейшую коллективизацию сельского хозяйства и укрепление колхозного строя. Она сосредоточивала внимание организаций на основных хозяйственно-политических задачах, облегчала организацию молодежи на их решение, наконец, поход вносил в повседневные будничные дела дух молодежной романтики.

Комсомольский поход, продлившийся с августа 1930 г. до конца 1932 г., имел несколько направлений работы. Одним из важнейших среди них была подготовка колхозных кадров и повышение агротехнического уровня молодежи и всего колхозного крестьянства. Создать колхозные кадры—значило создать одно из важнейших условий укрепления коллективизации. В решении этой задачи комсомол был активным помощником партии.

В 1930—1932 гг. под непосредственным руководством местных партийных организаций рождаются самые разнообразные формы массовой учебы, охватившие широчайшие круги сельского населения: месячники агроколхозной учебы, агроликбезпоходы, культэстафеты, агрономические курсы, кампания «книгу колхозам», деревенские университеты, заочный молодежный институт сель-

⁵⁴. Архив ЦК ВЛКСМ, Протокол Бюро ЦК № 2 и 26, 1931 г. Приложение.

скохозяйственного образования, походы по ликвидации технической неграмотности, вечерние и ускоренные школы колхозной молодежи (ШКМ) и т. д.

Во всем многообразии этих форм, в разной степени применявшихся в тех или иных районах страны, можно выделить четыре основных линии, по которым велась работа:

повышение общего культурного и агрономического уровня колхозного крестьянства и молодежи;

подготовка из колхозной и совхозной молодежи кадров массовой квалификации (бригадиров, полеводов, счетоводов, учетчиков, трактористов);

участие в подготовке кадров через ШКМ;

повседневная работа по подбору и подготовке из среды рабочей и колхозной молодежи контингентов студентов вузов.

Наиболее распространенными формами работы были месячники агроколхозной учебы (Нижняя Волга и Северный Кавказ), культэстафеты и агроликбезпоходы (ЦЧО, Средняя Волга). Комсомол мобилизовал огромную армию культармейцев, которые выявляли неграмотных, создавали ликбезные пункты и агрономические кружки, за частую являлись и руководителями их. Результаты работы были весьма показательными. Уже в начале 1930 г. курсами агроликбезпохода, колхозного и районного актива, месячниками и пятидневками агроучебы было охвачено на Северном Кавказе 170.000, в ЦЧО—225.000, на Нижней Волге 150.000 колхозников⁵⁵.

После XVI съезда партии, когда во весь рост стала задача превращения районов сплошной коллективизации в районы сплошной грамотности, комсомол проводит культэстафеты в масштабе районов. Для обучения грамоте комсомол послал 250.000 культармейцев⁵⁶. В 1931—32 гг. для ликвидации неграмотности создавались постоянно действующие ликбезные пункты и агрокружки. В результате этого уже к 1932 г. была полностью ликвидирована неграмотность среди комсомольцев, а процент грамотности населения по стране поднялся с 67 % в 1930 г. до 90 %.

⁵⁵ «Правда» № 10, 10/I; № 30, 31/I-1930 г.

⁵⁶ «Комсомольская правда» № 193, 9/VIII, № 194, 10/II-1930 г.

На базе ликвидации неграмотности в более широких масштабах развернулась и агроколхозная учеба. В конце 1930 г. ЦК ВЛКСМ объявил всесоюзный агротехнический всеобуч молодежи⁵⁷. В комсомольской политсети деревни был введен специальный агрочас. При ячееках созданы различные сельскохозяйственные кружки.

Большой размах приобрело обучение молодежи в созданных в 1930 г. деревенских университетах и молодежном институте заочного сельскохозяйственного образования. В институте обучалось около 57500 человек, а в университете, например, только по Нижней Волге—4000 человек молодежи⁵⁸.

В апреле 1931 г. агрономы, механики, работники МТС Комсомольского района Нижне-Волжского края обратились с призывом к специалистам—работникам сельского хозяйства помочь комсомолу и молодежи в овладении знаниями. Они предложили организовать изучение молодежью трактора, сложных машин, агротехники и зоотехники. Состоявшееся 14 апреля в Москве совещание комсомольского актива вместе со специалистами сельского хозяйства одобрило эту инициативу и положило начало массовому агротехническому походу молодежи. Особенно широко он развернулся зимой 1931—32 гг., когда к руководству кружками были привлечены учителя, агрономы, механики, инженеры и трактористы МТС, опытные бригадиры и полеводы⁵⁹.

В феврале 1932 г. в Москве собралось второе Всесоюзное комсомольское агротехническое совещание с участием специалистов и ученых, которое, подводя первые итоги учебы, наметило дальнейшие пути развития массового обучения молодежи. В частности, совещание предложило ввести в пятидневку один час агроучебы⁶⁰. Решение этого совещания было окончательно закреплено VII Всесоюзной конференцией ВЛКСМ 1 июля 1932 г.⁶¹

Активное участие принял комсомол и в работе пар-

⁵⁷ «Комсомольская правда» № 177, 24/VIII-1930 г.

⁵⁸ «Известия» ЦК ВЛКСМ № 19—20. 1930 г., стр. 72, СОПА, ф. 56, д. 7. 1930 г. л. 71.

⁵⁹ «Комсомольская правда» № 101, 12/IV-1931 г. Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (Урал), д. 123, 1932 г., л. 31—33.

⁶⁰ «Молодой коммунар» № 42, 21/II—1930 г.

⁶¹ См. Стенограммы VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ. (Архив ЦК ВЛКСМ).

тии по подготовке кадров массовой квалификации, потребность в которых росла из года в год. Особенно остро ощущался в те годы недостаток в трактористах, комбайнерах, машинистах для МТС, бригадирах, полеводах, зоотехниках, счетоводах для колхозов. Достаточно сказать, что на 1931 г. необходимо было подготовить только по госсектору, не считая колхозного и кооперативного, 300.000 трактористов, 13000 шоферов, 25000 рабочих ремонтных мастерских, а по колхозному сектору 165.000 счетоводов, бригадиров, учетчиков и других специалистов⁶².

Комсомол был важнейшим помощником партии в решении этой сложной и ответственной задачи.

В первой половине 1930 г. по указанию ЦК ВКП(б) комсомол подготовил и послал в колхозы счетоводами 20.000 лучших своих членов. В их числе были передовые колхозники, служащие, рабочие, комсомольские работники⁶³. По договору с Трактороцентром, заключенному в сентябре 1930 г., комсомол развернул массовую подготовку механизаторов сельского хозяйства. Лозунг «Комсомолец,—на трактор» стал боевым лозунгом дня. Часто ячейки всем составом занимались на курсах трактористов. В результате из 2,5 млн. трактористов, комбайнеров и механиков, подготовленных в 1931—1934 гг., 80% составляли комсомольцы и молодежь⁶⁴.

Быстро росло число комсомольцев и молодежи, обучающихся на других курсах. Например, только в 1930 г. в период массового агроколхозного похода по 57 районам Нижне-Волжского края училось 23.900 человек. Из их числа готовили: полеводов и семеноводов—4.354, зоотехников—1226, ветсанитаров—282, садоводов и огородников—501, чабанов—1891, птицеводов—840, техников по борьбе с вредителями—1131, бригадиров—6829 и десятки других специалистов различных отраслей сельского хозяйства⁶⁵. Помимо этого комсомол помог организовать в колхозах бригадное и индивидуальное ученичество.

⁶² «Отчет ЦК ВЛКСМ IX съезду», стр. 64—65.

⁶³ «Комсомольская правда» № 60, 14/III—1930 г. Архив ЦК ВЛКСМ, протокол Бюро ЦК № 159. 1930 г.

⁶⁴ «ВЛКСМ в цифрах и фактах», стр. 32.

⁶⁵ СОПА, ф. 56, д. 701. 1930 г., л. 12.

В 1930—1932 гг. значительно расширилась сеть школ колхозной молодежи. Летом 1930 г. комсомол организовал набор 100.000 человек в дневные ШКМ и вместе с органами Наркомпроса обеспечил работу 3000 ускоренных школ. За период 1930 и 1932 учебных годов контингент учащихся ШКМ вырос со 138.000 до 386.000 человек. Помимо этого в 1931 г. училось 100.000 человек в школах совхозуча, 240.000 в ускоренных и 250.000 в вечерних ШКМ, т. е. в 1931 г. учебой в ШКМ и совхозных школах было охвачено 976.000 человек комсомольцев и молодежи⁶⁶.

Большое число молодежи училось заочно в вузах. По ЦЧО, например, в конце 1931 г. заочников насчитывалось 7.000 человек, из них 50% комсомольцев и 60% молодежи⁶⁷. Непрерывно рос состав и очных отделений сельскохозяйственных вузов и техникумов. За 1930—32 гг. вузы выпустили 23600, а техникумы 51900 молодых специалистов сельского хозяйства. Из них 29000 комсомольцев⁶⁸.

Таковы основные моменты в работе комсомола по подготовке кадров социалистического сельского хозяйства. Эти кадры, под руководством партии, активно боролись с трудностями социалистической переделки деревни. А трудности были огромны. В колхозах находились вчерашние единоличники, не имевшие опыта в организации коллективного производства. Еще сильны были частнособственнические пережитки среди некоторой части колхозников, которые давали себя знать и которые использовало кулачество в борьбе против колхозного строя.

Потерпев неудачу в открытой борьбе против колхозов, кулаки проникали в них и тихой сапой наносили вред: залагали трудовую дисциплину, запутывали учет труда, извращали принципы его оплаты, истребляли конское поголовье, расхищали колхозные фонды. В преодолении этих трудностей, в огне классовой борьбы и закалялся комсомол.

⁶⁶ «Отчет ЦК ВЛКСМ IX съезду», стр. 65—66.

⁶⁷ Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (ЦЧО). л. 116, 1931 г., л. 192.

⁶⁸ «Молодежь СССР. Делегату X съезда ВЛКСМ». Стат. сборник, М. 1936 г., стр. 195, 202.

В 1930—31 гг. определялись основные формы и методы работы комсомола по подъему колхозного производства. Прежде всего следует отметить, что в повседневной жизни колхозов, совхозов и МТС комсомольцы и молодежь занимали одно из ведущих мест и часто возглавляли наиболее ответственные участки в производственном процессе. Весной 1931 г. по 159 МТС они составляли $\frac{2}{3}$ всех квалифицированных рабочих. В 84 совхозах, по учету на осень 1930 г., комсомольцев и молодежи было среди трактористов — 32,9%, инструкторов-механиков — 61,4%, помощников инженеров и механиков — 30%, агрономов — 30%, помощников заведующих участками — 19%, землеустроителей — 17%, заведующих участками — 5,5%⁶⁹.

Аналогичная картина наблюдается и в колхозах. В начале 1931 г. в колхозах страны насчитывалось более 1.500.000 комсомольцев и 11 млн. человек молодежи в возрасте 18—20 лет.

Относительно высоким был процент комсомольцев в числе руководящих кадров колхозов. В 1930 г. председателями и членами правления колхозов было избрано 21.000 комсомольцев. Комсомольские организации завоевали это доверие самоотверженным трудом на колхозных полях, умением своевременно исправить недостатки, защитить интересы крестьян от кулацких происков в колхозах.

Активную роль комсомола в колхозном производстве можно видеть на целом ряде примеров.

В селе Дмитриевка (Украина) колхоз возник осенью 1929 г. Вместе с партийной ячейкой комсомол села был инициатором его создания. С первых дней существования колхоза все свои силы комсомольские ячейки направляли на его укрепление. На основе колхозного плана ячейка составила свой план, доведя его до каждой бригадной группы и каждого комсомольца. Была поставлена задача сделать колхоз ударным. Комсомольской ячейке принадлежала заслуга в развитии рационализаторской работы, инициатива общественного буксира и социалистического соревнования. Комсомольцы были во всем впереди: на весенней вспашке они перевыполняли нормы на 1,5 га; в дни уборки, чтобы сохранить урожай

⁶⁹ «Отчет ЦК ВЛКСМ IX съезду», стр. 46, 51.

свеклы, работали по 16 часов в сутки; на косовице они повысили производительность труда на 25% и т. д. Ячейка занималась не только хозяйственными вопросами. Она помогала партийной ячейке вести большую культурно-воспитательную работу: проводила читки газет, обсуждение статей, выпускала стенные газеты, создавала передвижные библиотеки.

Сочетание хозяйственной и политической работы дало положительные результаты. В 1930 г. чистый доход колхоза составил уже 400 тыс. руб. Успехи колхоза в свою очередь явились важным фактором в коллективизации района. Не случайно поэтому «Комсомольская правда» характеризовала ячейку этого колхоза как «боевой отряд на колхозной стройке»⁷⁰.

Не менее характерна и работа ячейки ВЛКСМ в колхозе «Свободная жизнь» Бузулукского района Средне-Волжского края. Комсомольцы этого колхоза распределили свои силы на всех участках производства и стали инициаторами борьбы за повышение производительности труда. Летом 1930 г. ячейка решила «дать бой старой привычке пассивного ожидания урожая» и взяла шефство над пропажными и техническими культурами. Поле было разделено на участки, где установлены комсомольские сигнальные посты по борьбе с вредителями. Во время уборки ячейка помогла правлению колхоза составить план работ, установить нормы выработки, организовать круглосуточную сменную работу⁷¹.

Таких примеров множество. Идя в первых рядах колхозного крестьянства, комсомольцы выступали инициаторами новых методов труда, правильного использования машин, планового ведения хозяйства, рационализации и социалистического соревнования.

Уже весной 1930 г. остро стал вопрос о составлении хозяйственных планов колхозов. Поэтому партия и направляла на этот участок работы комсомол, колхозную молодежь, как наиболее грамотную часть колхозного крестьянства. ЦК ВЛКСМ вместе с Наркомпросом мобилизовал на помощь колхозам в составлении перспективных и рабочих планов весеннего сева 25000 учащихся

⁷⁰ «Комсомольская правда» № 147, 13/VIII—1930 г.

⁷¹ Там же, № 135, 18/V—1931 г.

старших групп ШКМ. Они помогли правлениям колхозов выявить имеющиеся резервы, спланировать севооборот, наметить ближайшие перспективы роста хозяйства.

С конца 1930 г. колхозные ячейки стали создавать в колхозах молодежные планово-оперативные группы, в задачу которых входило изучение внутренних возможностей расширения производства, контроль за состоянием посевов и хозяйственных работ, выяснение возможностей повышения производительности труда⁷². Они стали активными помощниками партийных организаций в борьбе с уравниловкой в оплате труда, в организации работы производственных бригад.

Июльский пленум ЦК ВКП(б) 1931 г. поставил задачу во всех созданных колхозах ввести сдельщину, бригадный метод организации труда, ликвидировать обезличку, ввести строгий учет количества и качества труда колхозников. Внимание комсомола было обращено на эти важнейшие задачи. При создании производственных бригад ячейки обычно распределяли свои силы так, чтобы в каждой бригаде имелась комсомольская группа в 5—10 человек. Например, в 26 районах Западно-Сибирского края к концу 1931 г. непосредственно в бригадах работало 13518 человек из 22775 членов сельских организаций (60,9%). Из них (по 15 районам) 2039 имели закрепленные за собой машины, 570 работало бригадами, 481—учетчиками. В крае было создано 1589 бригадных комсомольских групп, которые были надежными помощниками партийных ячеек в организации массовой воспитательной и политической работы⁷³. Помимо этого по согласованию с правлениями колхозов ячейки стали создавать комсомольско-молодежные бригады. Особенно много их было в крупных зерновых районах страны: на Северном Кавказе 1321 бригада с охватом 29.703 человек, в Западной Сибири 2979—13631 человек⁷⁴. Это были передовые бригады, показывающие образцы производительности труда, строгого учета, плановости — «Группы агитации делом», как часто называли их в колхозах.

⁷² Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 26, 1932 г.

⁷³ Архив ЦК ВЛКСМ. Отдел по работе в деревне, д. 10, л. 4. Протокол Бюро ЦК № 80, 1932 г., приложение, л. 2.

⁷⁴ Комсомол Северного Кавказа в цифрах, стр. 25—26. Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (Зап. Сибирь) ф. 40, 1932 г., д. 11:

II Пленум ЦК ВЛКСМ в июле 1931 г. специально обсудил вопрос об участии комсомольских организаций в выполнении решений Пленума ЦК ВКП(б) о налаживании учета труда в колхозах и бригадах. Пленум обязал комсомольские ячейки провести широкую разъяснительную работу среди крестьян о важности учета, добиться его гласности так, чтобы каждый колхозник знал результаты своей работы, ее плюсы и минусы. В резолюции пленума прямо говорилось: «считать союзной обязанностью каждого комсомольца колхозника изучение в кратчайший срок элементарной техники учетного дела в колхозах»⁷⁵.

Выполняя установки пленума, комсомольские организации уже летом 1931 г. выдвинули без отрыва от основной работы 100.000 комсомольцев учетчиками труда в группах и бригадах.

Немаловажную роль в упорядочении учета сыграла «Комсомольская декада проверки и организации учета колхозного труда». Она была проведена по инициативе «Комсомольской правды» в июне 1931 г. В ней принимали активное участие студенты вузов, техникумов, учащиеся ШКМ, отряды «легкой кавалерии». В ходе декады комсомол помог правлениям колхозов проверить состояние трудовых книжек колхозников, систематичность и правильность учета количества и качества проделанной работы⁷⁶.

Колхозы еще не имели опыта в организации и учете труда и сталкивались с большими трудностями. Учитывая это, Северо-Кавказский крайком ВЛКСМ провел в 1930 г несколько массовых экскурсий молодых колхозников на заводы и фабрики, где они могли поучиться организации и учету труда, почерпнуть опыт социалистического соревнования и ударничества. Более того, при заводах были созданы курсы на 500 человек для секретарей колхозных ячеек и ударников. Опыт дал положительные результаты, и делегаты Северного Кавказа на

⁷⁵ Архив ЦК ВЛКСМ. Стенограмма II Пленума ЦК, книга III, л. 21. См. также «Комсомольскую правду» № 186 8/VII — 1931 г.

⁷⁶ «Комсомольская правда» № 171 23/VI—1931 г. № 136, 15/V—1931 г. Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (Московск. обл.), д. 21, 1931 г., л. 20.

IX съезде ВЛКСМ обратились с призывом распространить это во всех комсомольских организациях страны⁷⁷. ЦК ВЛКСМ поддержал инициативу и предложил комсомольским организациям провести в первой половине 1931 г. массовый поход колхозной молодежи на промышленные предприятия за опытом в организации труда. Проведенные экскурсии, по отзывам их участников, дали много полезного и помогли комсомольскому активу в деле организации производственных бригад, насаждения сдельщины и развития социалистического соревнования в деревне⁷⁸.

Колхозный строй открыл простор развитию творческих сил крестьянства, развязал инициативу масс, которая с первых шагов существования колхозов и особенно с переходом на сдельщину и бригадный метод вылилась в массовое социалистическое соревнование. С каждой новой сельскохозяйственной кампанией 1930—32 гг. оно охватывало все новые и новые слои колхозного крестьянства. Весной 1931 г. более чем 50% всех и «старых» и «новых» колхозов основных зерновых районов соревновались между собой. В каждом колхозе, в среднем, имелось по 50—57 человек ударников⁷⁹. Для 1931 г. это были высокие показатели, свидетельствовавшие о том, что соревнование становилось важнейшим методом повышения производительности труда и укрепления колхозного строя.

Комсомолы были застрельщиками этого большого и нового дела. Начиная с весеннего сева 1930 г. вопросы социалистического соревнования не сходили с повестки дня в работе комсомольских организаций и ячеек деревни. Осенью 1930 г. по инициативе комсомольцев Северного Кавказа в основных зерновых районах страны была проведена хлебная эстафета. Ее задача состояла в том, чтобы, развернув социалистическое соревнование молодежи и колхозного крестьянства, ударными темпами, в самые сжатые сроки, как по эстафете, убрать хлебные по-

⁷⁷ «Комсомольская правда» № 13, 18/I—1931 г.

⁷⁸ Архив ЦК ВЛКСМ, Стенограмма II Пленума ЦК, книга III, л. 51, книга II, л. 24. Информотдел (Московская обл.), д. 21. 1931 е. л. 10, «Комсомольская правда» № 142, 25/V—1931 г.

⁷⁹ «Колхозы весной 1931 г.». Стат. сб., М. 1931 г., стр. 113—114.

ля и, обмолив хлеб на токах, ссыпать его в закрома государства и колхозов. Инициатива комсомола была поддержана всеми заготовительными организациями и переросла в общесоюзное соревнование по досрочному выполнению плана уборочной и заготовительной кампании. К 15 августа комсомольские организации основных зерновых районов страны уже включились в соревнование. Оно развернулось между организациями, ячейками, колхозами, бригадами, отдельными комсомольцами.

По Дону, где родилась эта инициатива, было создано 3000 комсомольско-молодежных ударных бригад, охвативших 50000 колхозников. В помощь заготовителям на Северном Кавказе было послано 18000 комсомольцев. Комсомол взял на себя обязательство заготовить и сдать государству не менее 35% плана хлебозаготовок⁸⁰.

Суммарные итоги эстафеты привести не представляется возможным. Однако некоторые цифры могут служить определенной иллюстрацией ее успеха. По Дону, например, соревнуясь между собой, комсомольско-молодежные бригады убрали 132.337 га и обмоливали 905.284 га колхозных посевов. К 30 декабря комсомол Дона выполнил взятые обязательства и обеспечил сдачу государству 5.033.600 пудов хлеба⁸¹.

Соревнование комсомола сыграло значительную роль в успешном выполнении плана уборки и хлебозаготовок 1930 года.

Значение хлебной эстафеты было велико во всех отношениях и, прежде всего, в том, что в ходе ее родились новые формы соревнования, получившие в последующие годы самое широкое распространение. Среди них следует отметить сквозные бригады, когда все работы от косовицы до заготовок выполнялись силами одной ударной бригады, хлебные конвейеры—комбинированная работа нескольких бригад по участкам, ударные бригады и ударные колхозы, ударные молодежные тока и молотилки, общественный буксир и т. д.⁸². Армия комсомоль-

⁸⁰ А. К. Прозоров. «Комсомол Дона—помощник партии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства», стр. 11.

⁸¹ Там же.

⁸² Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (Сев. Кавказ) д. 155,

цев-ударников пополнялась в дни эстафеты новыми тысячами передовой колхозной молодежи. За четвертый квартал 1930 г. в комсомол вступило на Северном Кавказе 25.783 человека, на Украине—68.891, в ЦЧО—11.500, в Западной Сибири—10.743, на Нижней Волге — 10.696 человек⁸³. Молодежь еще теснее сплачивалась вокруг партии, становясь в ряды активных борцов за упрочение колхозного строя.

Весной 1931 г. комсомол провел второе мероприятие по развертыванию социалистического соревнования. В конце марта ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС объявили призыв ударников второй большевистской весны. В ходе подготовки к севу комсомольские организации провели большую агитационную и пропагандистскую работу, разъясняли цели и методы соревнования, его формы и значение в деле подъема производительности труда. Прошедшие в большинстве сельскохозяйственных районов слеты и конференции молодежи брали повышенные обязательства, выдвигали встречные планы. Только по ЦЧО слеты колхозной молодежи дали 15000, а слеты трактористов МТС и совхозов—780 ударников весеннего сева⁸⁴. В дни призыва была особенная тяга молодежи в комсомол. За первый квартал 1931 г. в его ряды вступило в ЦЧО 18.522, по Нижней Волге—18.144, по Северному Кавказу—2625 человек. Большинство вступивших было ударниками весеннего сева⁸⁵.

В 1931 г. широкое распространение получили встречные планы колхозов—одна из форм социалистического соревнования, впервые возникшая в промышленности. Комсомол стал активным помощником партии в распро-

1930 г., л. 1—86—материалы эстафеты. Информотдел (Урал) д. 106, 1931 г., л. 1—15. Информотдел (Зап. Сибирь), д. 61, 1930 г., л. 45—47. Информотдел (ЦЧО), д. 206, 207, 1930 г., л. 1—41. СОПА, ф. 56, д. 83, 1930 г., л. 62, д. 89, л. 95—96 «Комсомольская правда» № 208, 198, 228, 209 за 1930 г. «Правда», № 229, 1930 г.

⁸³ Архив ЦК ВЛКСМ. Протокол Бюро ЦК № 8, 10, 11 за 1931 г. Приложение—стенограммы отчетов местных организаций. Информотдел (Нижняя Волга), д. 120, л. 10. Протокол Бюро ЦК

⁸⁴ Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (ЦЧО), д. 155, 1931 г., л. 159—168 «Молодой коммунар» № 84, 9/IV—1930 г.

⁸⁵ Архив ЦК ВЛКСМ, Информотдел (ЦЧО), д. 153, л. 190; Информотдел (Нижняя Волга), д. 120, л. 10. Протокол Бюро ЦК № 11, 1931 г., л. 1.

странении ее и в деревне. Инициатива родилась в ячейке ВЛКСМ деревни Заволенье, Куровского района, Орехово-Зуевского округа. Она составила встречный план, который был обсужден на собрании партийной ячейки и с соответствующими дополнениями был выдвинут как встречный план колхоза.

Начинание было новым для деревни. «Комсомольская правда» поддержала его и помогла массовому распространению. «Создание в колхозах встречных производственных планов,—писала газета,—должно быть основным лозунгом начавшегося колхозно-производственного похода комсомола»⁸⁶. В 1931—32 гг. инициатива комсомола получила широкое распространение в большинстве районов страны⁸⁷. Встречные планы стали стимулом развития инициативы масс, средством укрепления дисциплины и воспитания колхозного крестьянства.

В июле 1932 г. VII Всесоюзная конференция ВЛКСМ приняла решение о задачах комсомола в социалистическом соревновании⁸⁸. Обобщая опыт проделанной работы, конференция нацелила организации на борьбу с обезличкой в соревновании в виде заключения стандартных договоров, на всемерное развитие таких новых форм соревнования, как хозрасчетные бригады и встречные планы. Конференция подчеркнула недопустимость текущести и сезонности в ударничестве, обязав комсомольские организации поддерживать ударников, всячески развивать индивидуальное соревнование за повышение производительности труда и улучшение качества продукции. Конференция дала новый толчок развитию соревнования молодежи как в городе, так и в деревне.

В 1930—1932 гг. соревнование в деревне развивалось не только вширь, захватывая новые массы крестьянства, но и поднялось на новую более высокую качественную ступень. Комсомольцы и молодежь выступали зачинателями рационализаторского движения. Используя опыт промышленных предприятий, они выискивали пути повы-

⁸⁶ «Комсомольская правда» № 206, 22/VIII—1930 г.

⁸⁷ Архив ЦК ВЛКСМ. Стенограмма II Пленума ЦК ВЛКСМ 9 созыва, книга II, л. 12. «Молодой коммунар» № 54, 8/III—1932 г.

⁸⁸ Архив ЦК ВЛКСМ. Стенограмма VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ, л. л. 255—256.

шения урожайности, рационализации труда на фермах, внедряли новые методы агротехники. В колхозах стали создаваться молодежные рационализаторские группы, кружки, которые давали ценные предложения по улучшению производства. Например, комсомольцы колхоза им. «Комсомольской правды» в с. Дмитровка (Украина) провели хронометраж работы на весеннем севе и устранили ненужный перегон сеялок и лошадей. В результате производительность труда повысилась на 27%. Проведя эксперименты на пахоте, они внедрились новый метод в бригадах, что дало колхозу экономию в размере 5.987 рублей. Правильной организацией труда на молотье они сэкономили 17.760 рублей, подняв производительность труда на 21%. Группа рационализаторов этого колхоза изменила технику вязки снопов, в результате чего бригады стали убирать за день вместо 25 га. по 35—37 га. Это дало экономию на уборке в размере 18.750 руб.⁸⁹.

В 1932 г. после постановления ЦК ВКП(б) о сохранении и развитии колхозного конского поголовья, комсомол взял шефство над конем и объявил поход по улучшению ухода за скотом и сохранению молодняка. Оба мероприятия сыграли положительную роль в борьбе с кулачеством, пытавшимся насадить обезличку и истребить поголовье скота в колхозах.

Интересны и такие формы работы комсомола, как походы по снегозадержанию («снегопоходы») в колхозах, поход за охрану урожая и другие. Все это было началом того движения, которое в наши дни ярко выражается в самоотверженном труде сотен тысяч героев и новаторов колхозных полей.

Мы рассмотрели основные вопросы хозяйственного укрепления колхозов, в решении которых комсомол принимал самое непосредственное участие. Как наиболее передовая, более восприимчивая ко всему новому часть крестьянства, комсомольцы и молодежь выступали застрельщиками новых методов труда, рационализации производства, социалистического соревнования, передовыми борцами за большевистские колхозы и зажиточную жизнь колхозников.

⁸⁹ «Комсомольская правда» № 4, 4/1—1931 г.

Не менее существенным был вклад комсомола и в дело коллективизации крестьянских хозяйств. Используя достижения колхозов, наглядно демонстрирующие их преимущества перед мелкими индивидуальными хозяйствами, комсомольские ячейки вели большую и разностороннюю агитационную работу. Успехи первых колхозов играли решающую роль в дальнейшем проведении коллективизации на данном этапе. Они служили лучшим агитационным материалом.

Так, к 1933 г. колхозы страны увеличили посевные площади на 21 млн. га в сравнении с площадями 1927—28 гг. Выросла товарная продукция. Вместо 700 млн. пудов сданного государству хлеба в 1927—28 гг., из которого только 10% составлял хлеб колхозов и совхозов, в 1931—32 гг. было сдано государству 1.400 млн. пудов, из которого товарный хлеб колхозов и совхозов составил уже не менее 75%. Народный доход, в том числе доходы рабочих и крестьян, вырос по сравнению с 1928 г. на 85%⁹⁰.

Учитывая огромное агитационное значение достижений колхозов, ЦК ВКП(б) неоднократно на протяжении 1930—32 гг. указывал на необходимость их широкой популяризации среди крестьян. С этой целью ежегодно, и особенно осенью 1931 г., проводились собрания в селах с отчетами колхозов по итогам года. Комсомольцы в эти дни помогали организовывать колхозные выставки, экскурсии в передовые колхозы и совхозы, выступали с докладами и отчетами, вместе с крестьянами окружающих деревень создавали новые колхозы и товарищества.

Зимой 1930—31 г. в районах первой и второй очереди коллективизации родились новые формы агитационно-массовой работы—вербовочные бригады и инициативные группы колхозников. Одно из замечательных завоеваний колхозного движения тех дней состояло в том, что оно выдвинуло тысячи организаторов и десятки тысяч агитаторов колхозного дела из самих крестьян. Так, в феврале—марте 1931 г. в зерновых районах страны насчитывалось 17.079 вербовочных бригад, с охватом около

⁹⁰ «КПСС в резолюциях», ч. II, стр. 721, 723.

170.000 лучших колхозников-активистов и 15.505 инициативных групп⁹¹.

В распространении этих форм комсомол сыграл огромную роль. Это можно видеть хотя бы на примере комсомольской организации ЦЧО, области, где родились новые формы.

С 5 января по 5 февраля 1931 г. в ЦЧО проводился месячник коллективизации и подготовки к севу. Комсомол области объявил в связи с этим комсомольский призыв в колхозы имени IX съезда ВЛКСМ. Районные организации и ячейки создали 562 комсомольско-молодежных вербовочных бригады в составе 5179 человек, 3985 членов ВЛКСМ и 1194 беспартийных колхозника, которые разъехались по селам и деревням, не имевшим колхозов. Они проводили собрания, вечера, беседы, организовывали на местах инициативные группы, создавали колхозы. За месячник силами комсомольских бригад было организовано 104 колхоза и 87 инициативных групп. За 10 дней января в колхозы вступило 176.105 крестьянских хозяйств.

Учитывая первый положительный опыт, Обком ВЛКСМ предложил 20 февраля удвоить количество вербовочных молодежных бригад, а там, где их не было, создать не менее одной при каждом колхозе с тем, чтобы вовлечь в работу 100000 человек молодежи. Это задание было выполнено, в результате чего к 10 марта был организован еще 81 колхоз⁹².

Подобная же работа широко велась и на Северном Кавказе, и на Урале, в Западной Сибири, Нижней и Средней Волге. На Урале вербовочные бригады назывались «красными сватами» и насчитывали около 20000 агитаторов⁹³.

⁹¹ С. Трапезников, «Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства», Госполитиздат, 1951 г., стр. 152 — 154.

⁹² Изложено на основе архивного материала: сводок Обкома ВЛКСМ, по работе в деревне, решений районных комсомольских организаций. Архив ЦК ВЛКСМ. Информотдел (ЦЧО), д. 155, 1931 г., л. 147—159, д. 116, 1931 г., л. 24—137.

⁹³ Архив ЦК ВЛКСМ. Отдел по работе в деревне, д. 8, 1928—1930 гг., л. 80, 86. Информотдел (Зап. Сибирь), д. 17, 1931 г., л. 2—5 и «IX съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет», стр. 323.

Массовая агитационная работа, в которой комсомол принял самое активное участие, обеспечила мощный прилив в колхозы. Только за последние три года было создано более 200.000 колхозов. К началу 1933 г. было коллективизировано 61,5% крестьянских хозяйств. Колхозы вместе с совхозами охватывали около 80% всех посевных площадей. Теперь партия поставила в качестве основной задачи в деревне задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

В постановлении январского Пленума ЦК ВКП(б) 1933 г. «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов», в постановлениях «О расстановке партийных и комсомольских сил в колхозах и совхозах» от 15 мая 1932 г. и «О мероприятиях по помощи комсомолу» от 7 сентября 1932 г. были поставлены новые задачи и перед комсомолом.

Руководствуясь этими решениями, комсомол помогал партии в годы второй пятилетки полностью завершить коллективизацию и окончательно утвердить колхозный строй в деревне.

В. К. МЕДВЕДЕВ

БОРЬБА БАТРАЧЕСТВА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТОВ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ 1928—1929 ГОДА

(На материалах Нижне-Волжского края)

После XV съезда Коммунистической партии Советского Союза наша страна приступила к решению важнейшей и сложной задачи социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Индивидуальное сельское хозяйство становилось недостаточной сырьевой и продовольственной базой для дальнейшего роста промышленности. Боевой задачей партии стала работа по поднятию сельскохозяйственного производства на основе развития колхозов и строительства совхозов.

Основным рычагом мобилизации широких трудящихся масс на решение выдвинутых жизнью задач был советский государственный аппарат, его органы в городах и селах. Необходимо было обновить и усилить Советы, укрепить в них единый фронт рабочих и деревенской бедноты с середняцкими массами. К этому стремилась партия, организуя перевыборы Советов в зиму 1928—1929 года.

Огромную роль в перевыборах Советов сыграло батрачество. Вместе с тем перевыборы Советов дали возможность поднять организованность и политическую сознательность сельскохозяйственного пролетариата, поднять его роль как передового борца за коллективизацию сельского хозяйства.

В ноябре-декабре 1928 года проводилась отчетная кампания, в январе 1929 года состоялись перевыборы Советов, а в феврале-марте — выборы районных исполнительных комитетов на районных съездах Советов.

Одной из задач выборной кампании было увеличение батрачко-бедняцкого ядра Советов. В старых Советах, избранных в 1927 году, ядро батраков и бедняков было незначительным. Так, в составе сельских Советов Саратовского округа Нижне-Волжского края батраки составляли 0,5%, в Балашовском округе—0,9%, в Сталинградском—3%¹. В составе председателей сельсоветов по РСФСР батраков и рабочих было всего 3%².

ЦК Коммунистической партии, придавая огромное значение роли батрачества и бедноты в перевыборах и укреплении Советов, дал указание партийным органам по работе среди этих слоев населения. В письме ЦК «Об организации смотра групп бедноты» от 24 октября 1928 г. указывалось, что организация бедноты является важнейшим условием действительного оживления Советов и осуществления ленинского кооперативного плана³.

Президиум ЦИК СССР обратился к местным органам власти с письмом «О проведении кампании перевыборов в Советы в 1928—1929 году», в котором указывалось на необходимость активизации, прежде всего, сельскохозяйственного пролетариата, сезонных рабочих, батраков и батрачек, а также бедняцких слоев крестьянства. Президиум ЦИК СССР рекомендовал, в частности, «в интересах поднятия активности батрачества и лесных рабочих (лесорубы и т. п.) проводить специальные отчетные собрания в местах работы или скопления этих групп пролетариата»⁴.

В целях обеспечения активного участия батрачества в выборах, местные партийные и советские организации проводили собрания групп бедноты, общие собрания батраков и бедняков с участием середняков, профсоюзные собрания. Накануне выборов в Советы была организова-

¹ СОПА, (Сарат. областной партархив, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 334.

² И. Багнев. Батрачество и перевыборы Советов, стр. 30. М. 1929 г.

³ Известия ЦК ВКП(б), 1928 г., № 32, стр. 7.

⁴ Известия ЦИК СССР, 22 ноября 1928 г.

на проверка деятельности групп бедноты, созданы были новые группы бедноты при тех Советах, где их раньше не было. Так, за период подготовки к выборам в Аркадакском районе было проведено 200 собраний батрачества и бедноты. В Камышинском округе состоялось 108 собраний групп бедноты при сельских Советах, 88 предвыборных собраний батраков, 483 бедняцких собрания. В Саратовском округе проведено 818 бедняцких собраний⁵. В это время было создано значительное количество новых групп бедноты. Так, по 10 районам Балашовского округа до выборов было всего 45 групп бедноты, а в результате роста активности батрачества и бедноты уже в первые недели перевыборной работы только по 5 районам было создано 122 группы бедноты с количеством 804 человека в них, а к весне 1929 года—360 групп⁶.

В ноябре и декабре состоялись районные и окружные конференции групп бедноты, которые обсудили вопросы о роли батрачества и деревенской бедноты при перевыборах Советов, в выполнении плана хлебозаготовок, в подготовке весеннего сева и колхозном строительстве⁷.

Передовые элементы батрачества и бедноты правильно понимали и поддерживали установки нашей партии. Характерны выступления делегатов на бедняцких собраниях. «Мы будем выступать против кулаков и отдадим свои голоса за кандидатуру партии» (село Рудня). «Зажиточные желают выбрать в Советы своих, мы не допустим»; «Выберем такого, который бы выполнял все директивы нашей власти и партии» (Елань)⁸.

Об активизации батраков и бедняков свидетельствуют нередкие обращения их к партийным организациям. Так двадцать два бедняка из села Морозова, Красноярского района (Камышинский округ) обратились с письмом в райком партии. В письме говорилось, что в старом Совете было засилье кулаков и их агентуры, а в новый Совет надо не допустить их. «Дайте нам помощь, мы не допустим ни одного кулака в Совет»⁹.

⁵ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 83, л. 237 и д. 207, л. 270 и др.

⁶ Там же, д. 83, л. 184.

⁷ СОГА, (Сарат областной Госуд. архив МВД), ф. 636, д. 67.

⁸ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 294.

⁹ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 83, л. 294.

Усиление союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняцкой массой крестьянства—такова была одна из задач партийных организаций при проведении перевыборов в Советы.

Одним из методов сплочения деревенской бедноты с середняком было приглашение середняков на собрания батрачества и бедноты, на заседания групп бедноты, учет высказываний среднего крестьянства при обсуждении всех важнейших вопросов хозяйственной и политической жизни деревни. Средняки составили 45% от числа всех присутствующих на бедняцких собраниях¹⁰. Средняки привлекались к активному участию при выдвижении кандидатов в Избиркомы, при составлении списков граждан, лишенных права голоса, при составлении списков для голосования в члены Советов и т. д. Партия спланировала бедноту и середняков в едином противокулацком фронте, мобилизуя их на выполнение очередных задач по социалистическому строительству, укреплению Советов, экономической и оборонной мощи страны.

В ходе перевыборной кампании партийными и советскими органами были устранены ошибки, явно мешавшие укреплению союза с середняком. Так, Хоперский окружком осудил антисередняцкую ошибку секретаря Алексеевского райкома партии о недопущении середняков на бедняцкие собрания¹¹.

Антисередняцкую ошибку допустила группа бедноты Готовского сельсовета Вольского округа, внеся в список кандидатов для голосования одних бедняков и не включив в него ни одного середняка. Ошибка была вовремя устранена уполномоченным райкома партии. В Осиновском сельсовете, где подобная ошибка не была своевременно устранена, ею воспользовались кулаки, они повели за собой середняков и провалили предложенный список. Так же получилось в селе Студенка, Саратовского округа¹². Ошибки антисередняцкого порядка проявлялись также в фактах лишения избирательных прав некоторых середняков (Скуратинский сельсовет),

¹⁰ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 83, л. 323.

¹¹ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 83, л. 206—207.

¹² СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 186

Хоперского округа, Рудня, Камышинского округа, Б. Мелик, Балашовского района¹³.

Все эти ошибки так или иначе вскрывались и устранялись.

В ходе перевыборов союз рабочего класса и деревенской бедноты с массами середняков действительно окреп. Средняк тянулся к бедноте, как опоре Советской власти в деревне. «Наша дорога вместе с беднотой»,—заявляли середняки на собраниях в селах Балашовского округа¹⁴. Вольский окружком сообщал Крайкому партии, что в большинстве своем батрачество и беднота достаточно организованы и при поддержке середняков одерживают победу в классовых боях с кулачеством¹⁵.

Огромную помощь местным деревенским ячейкам и советским органам оказали городские организации «Шефство рабочих над деревней». Шефские рабочие организации Нижне-Волжского края явились инициаторами посылки рабочих бригад в подшефные села и районы. Застрельщиками создания рабочих бригад были сталинградские рабочие. Сталинградское шефское общество послало в деревню 147 человек рабочих и 450 студентов. Саратовское шефское общество организовало посылку рабочих бригад с участием 156 рабочих. Посланы были рабочие также из Вольска, Балашова, Астрахани, Камышина¹⁶. Помощь рабочих шефов значительно активизировала бедноту и батрачество в отстаивании классовой линии, в борьбе с кулачеством.

Уже при организации избирательных комиссий батрачество проявило значительную активность. В задачу избирательных комиссий входило составление списков избирателей и списков лишенных избирательных прав, помощь сельским Советам в подготовке и проведении стечных, а затем выборных собраний граждан. Важно было обеспечить такой состав комиссий, чтобы они работали в интересах батрачества, бедноты и середняков, а не кулаков. Кандидатуры в избирательные комиссии обсуждались на собраниях батрачества и бедноты. Проф-

¹³ Там же, д. 83, л. 110.

¹⁴ Там же, д. 83, л. 323.

¹⁵ Там же, д. 83, л. 237.

¹⁶ СОГА, ф. 636, д. 67, л. 446. «Поволжская Правда» 22 декабря 1928 г.

союз сельхозлесорабочих выдвигал в комиссии своих представителей.

В ряде сельсоветов, в частности в Хоперском округе, избирательные комиссии, созданные с нарушением классового принципа, распускались по требованию батрачества. Так, в хуторе Глазуновском собрание батраков вызвало недоверие избирательной комиссии и потребовало создания новой. Решением райисполкома комиссия была распущена, а во вновь организованную вошло 4 батрака¹⁷.

Батрацкое ядро в избирательных комиссиях оказалось довольно значительным. Так, по Камышинскому округу батраки в комиссиях составляли 16,1%, в Пугачевском—10,9%, в Астраханском и Вольском—8,7%, в Михайловском районе Хоперского округа—8,2%. В крупных селах с большим количеством батрачества в Избиркомы было введено по 2—3 батрака, в остальных селах—не менее одного представителя от батраков и бедняков¹⁸.

Батрачество проявило живой интерес к составлению списков избирателей и списков лишенных избирательных прав. По этому вопросу развертывалась ожесточенная классовая борьба. Кулацкие элементы пытались проникнуть в Советы, стремились повлиять на выборы, вырвать из рук партийных ячеек руководство середняками и беднотой. Так, в хуторе Скурижинском (Хоперский округ) лишенцы пытались проводить свои собрания, привлекая на них середняков и бедняков. Они говорили, что бедноте, батракам и середнякам ходить на собрания, организованные коммунистами, незачем, так как коммунисты-де решили вопросы «без нас». Кулацкая агитация иногда давала свои плоды. Когда созвано было собрание бедноты в указанном хуторе, один батрак стал доказывать, что беднякам и батракам без зажиточных прожить нельзя, что кулаков не стоит лишать избирательных прав. Собрание длилось 8 часов, прежде чем было разбито это неправильное мнение. Бедноту и батраков

¹⁷ СОГА, ф. 636, д. 67, л. 240, 492. Докладные записки о состоянии подготовительной работы к отчетно-выборным собраниям Советов.

¹⁸ Там же, д. 67, л. 491.

удалось оторвать от кулачества. Об этом свидетельствует тот факт, что через 2 дня после указанного собрания батраки собрались по собственному почину для обсуждения списков лишенцев и добавили в него еще 14 человек. На этом собрании батраки выдвинули своих кандидатов для голосования в члены Совета¹⁹.

В Сталинградском округе при обсуждении списков лишенных избирательных прав на собраниях батрачества было выявлено дополнительно 130 человек, которых следовало лишить избирательного права.

Большую активность проявило батрачество в период **отчетных собраний**. Явка батраков на отчетные собрания во многих населенных пунктах доходила до 100%. Так было в Галушкинском и Ново-Киевском сельских Советах (Хоперский округ), в слободе Гончаровской, селе Калашниковском, Калиновой Балке (Камышинский округ) и др.²⁰.

Об активности батрачества свидетельствует масса выступавших в прениях по отчетным докладам Советов. На отчетных собраниях 174 сельсоветов Камышинского округа выступило 540 из 4215 батраков, присутствовавших на собраниях, или 12,5%, в Сталинградском округе 9%, в Саратовском, Ягодно-Полянском, Вязовском районах выступили 13% всех батраков, бывших на отчетных собраниях.

При большой активности батрачества, бедноты на отчетных собраниях деятельность Советов подвергалась суровой критике. Работа ряда сельских и хуторских Советов была признана неудовлетворительной. В числе мотивов выдвигались следующие: слабость работы по коллективизации населения, по выявлению укрытых кулаками от учета объектов обложения, нарушение классового принципа в работе, слабость работы секций и т. п.

Так, в Баланде в одиннадцати из двенадцати избирательных участков работа Совета была признана неудовлетворительной и только в одном—под натиском кулаков—удовлетворительной²¹. В одном случае была принята такая резолюция: «Ввиду того, что Сельсовет невни-

¹⁹ СОГА, ф. 636, д. 67, л. 124, 240; 241.

²⁰ Там же, л. 240.

²¹ Известия ЦК ВКП(б), 1929 г., № 14—15, стр. 2.

мательно относился к нуждам бедноты и поощрял зажиточных, работу его считать неудовлетворительной»²². Вопросы четкости классовой линии в работе Советов выдвигались беднотой на первый план.

Активность батрачества проявилась при составлении наказов отчетных собраний граждан новому составу Советов. Наказ депутатам, принятый собраниями в Николаевском районе Камышинского округа, включал такие требования избирателей: всемерно бороться с проявлениями грубости и невнимательного отношения к запросам и нуждам трудящихся, искоренять бюрократизм и волокиту, охранять революционный порядок на селе, всемерно содействовать укреплению и улучшению сельского хозяйства путем организации самодеятельности населения (создание местных семенных фондов, поднятие ранних паров, зяби, организация показательных полей, мелиоративных работ, переход на многополье и пр.), всеми мерами содействовать организации колхозов из бедняцких и середняцких хозяйств. Наказ содержал 19 параграфов по вопросам культуры, здравоохранения, кооперативной работы, бюджета сельского Совета и пр. В пункте 7 наказа говорилось о том, чтобы Сельсовет и депутаты обращали особое внимание на защиту правовых и экономических интересов батрачества и бедноты, не допускали найма без договоров и без регистрации их в Совете, не допускали кабальных условий батрацкого труда, следили за точным проведением законов о труде, предоставляли льготы бедноте, содействовали укреплению ККОВ и т. п. Эти требования заблаговременно обсуждались на собраниях батраков и в их организациях. Так, при обсуждении наказа на заседании Самойловского сельрабочкома были внесены следующие дополнения: вести точный учет батрачества и хозяйств промышленного типа, своевременно выделить уполномоченных для заключения трудовых договоров с пастухами, вести учет всех прибегающих к найму и не заключающих трудовых договоров, при наступлении трудовой кампании вести разъяснительную работу среди батрачества и крестьянства о

²² СОГА, ф. 636, д. 67, л. 497. Доклад Нижне-Волжского краевого комитета союза сельхозлесорабчих о переыборной кампании Советов.

батрацких и пастушеских законах, не допускать подворного харчевания пастухов²³.

По мере того, как развертывалась перевыборная кампания Советов, усиливалась и классовая борьба, приобретая различные формы.

Кулаки проявили большую активность, чтобы завоевать какие-либо позиции в Советах. Они прибегали к различным уловкам, чтобы восстановить себя в избирательных правах. Некоторые прекращали барышничество и подавали заявление о восстановлении себя в избирательных правах как тружеников. Некоторые старались показать свою лояльность к Советской власти и к бедноте. Так, в хуторе Скоринском, Калачевского района, кулак, владелец трактора, вспахал бедноте пашню по 5 рублей за десятину, дешевле, чем колхоз, и получил в сельсовете справку о том, что он друг бедноты²⁴. В хуторе Гнилом Иловлинского района (Сталинградский округ) бывший жандарм Просвиров «пожертвовал» ячейке комсомола 6 рублей на культработу и 5 пудов хлеба ячейке МОПР, а затем обратился к этим организациям с просьбой, чтобы они ходатайствовали о восстановлении его в избирательных правах²⁵.

По сводкам с мест выясняется, что кулаки задолго до образования сельских избирательных комиссий стали обсуждать кандидатуры в них и в сельсоветы. В борьбе за голоса кулаки проводили беседы на завалинках, приглашали бедняков и середняков «зайти попить чайку и поговорить», давали ссуды беднякам и батракам, чтобы те выступили за кандидатуры, желательные кулакам, вели агитацию через церковь среди религиозно настроенного населения. Кулаки требовали политической власти себе, в листовках выдвигали лозунг создания «Советов без коммунистов» (Рудня и Николаевка Камышинского округа²⁶). Кулаки требовали права создавать «крестьянские союзы», якобы в целях защиты интере-

²³ СОГА, ф. 636, д. 67, л. 342, выписка из протокола № 7 заседания Самойловского сельрабкома от 21 декабря 1928 г. л. 372-373—наказ депутатам.

²⁴ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 83, л. 81.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, д. 85, л. 253.

сов крестьянства... от рабочих. Агитировали за демагогический лозунг установления крестьянам-беднякам жалованья, как городским рабочим и т. д. (с. Брыковка и др. Духовницкого района). В Питерском районе кулаки заявляли: «В Советы надо избирать тех, которые больше свободны от своего хозяйства и не нуждаются в жалованье»²⁷. Кулаки выступали не только против избрания бедняков, но и середняков (в Руднянском районе)²⁸.

Кулачество старалось срывать собрания батрачества и бедноты. Кулаки агитировали против созыва бедняцких собраний, против особых форм работы с беднотой. Ртищевский райком партии сообщал: «кулаки настойчиво спрашивают, кто должен организовать бедноту? Где, в каком законе записано, чтобы ее организовать? Для чего такая организация? Выдумали — середняк, бедняк. Зачем нас разъединяют?»²⁹ Кулаки задавали массу провокационных вопросов, требовали пропорционального представительства от различных слоев населения. Интересы крестьянства старались противопоставить интересам городских рабочих.

Организованные партийными ячейками, массы батрачества и бедноты давали отпор проискам кулачества. Не надеясь на избрание в Советы представителей из своей среды, кулаки стали создавать свою агентуру из отсталых и колеблющихся элементов бедняков и даже батраков. Из числа этих граждан, перешедших со своих классовых позиций на позиции кулачества, кулаки выдвигали кандидатов в Советы. Их тогда называли подкулачниками. В отчете Балашовского окружкома партии о результатах перевыборов сообщалось, что зажиточная часть населения старалась проводить свое влияние на перевыборах не только своей организованной явкой и выступлениями, «но главным образом через подставных лиц», подкулачников³⁰. В селах Лохматовка, Киевка и др. кулаки спаивали бедняков, организуя их вокруг себя. В Тростянском сельсовете (Балашовский же округ)

²⁷ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 401.

²⁸ Там же, л. 186.

²⁹ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 83, л. 186.

³⁰ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 198.

кулаки выдвинули «своих бедняков» в Совет и настаивали на их голосовании³¹.

В деревне Б. Рельня (Лысогорского района) на собрании бедноты выступили бедняки—подкулачники Куприянов и Афонин с сыном. Они заявили, что в селе нет кулаков, чтобы не делать «расслоения», а в Советы избирать представителей от всех слоев населения пропорционально. Их выступление было разоблачено учительницей Аристовой и другими участниками собрания. Бедняк Волков говорил: «Афонины отец и сын навязывают нам братство с кулаком. Хотя заделаться подхалимами и получить от кулака пуд»³². Советская власть дала возможность взять власть бедноте в свои руки. Нет братьев, а есть классы и классовая борьба. Кто за братство с кулаком, тот подкулачник³³.

Проводя сельские собрания, районные и окружные конференции групп бедноты и батрачества по подготовке к перевыборам Советов, партийные организации добивались мобилизации широких бедняцко-середняцких масс села на развитие колхозного движения, на реализацию решений XV съезда Коммунистической партии. Политика расширения колхозного строительства отвечала коренным экономическим интересам батрачества и бедноты. Призывы партии к бедноте и батрачеству активно участвовать в строительстве колхозов вызывали на окружных конференциях в декабре 1928 года горячую поддержку делегатов. При их обсуждении выявились многочисленные факты инициативы бедняков в строительстве колхозов. Колхозница Шпакова (Баландинский район) высказалась за усиление работы среди женщин. «Женщины,— говорила она,— великая сила в деревне. Мы 12 женщин-вдов явились в сельсовет и потребовали организовать колхоз, выделить землю, дать нам трактор для вспашки. Совет помог, и мы организовали артель. Этого бедняки добились сами,—говорила она,— и больше не ходят работать к кулакам³⁴». Бедняк

³¹ Газета «Советская деревня» от 2 декабря 1928 г.

³² Афонины действительно получили перед этим собранием «ссуду» от кулака.

³³ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 350—351.

³⁴ Там же, д. 145, л. 26.

Королев из Екатериновского района сказал: «Товарищи! Что мы теряем от перехода к коллективной организации? Ничего не теряем, кроме своих цепей и гнилых хижин. В коллективы! В этом единственный выход из нашего затруднительного положения»³⁵. «В колхозах скорее можно объединить бедняка с середняком» — говорили делегаты на районных конференциях Хвалынского, Саратовского, Камышинского и др. районов³⁶. За время проведения выборов было создано несколько сот новых артелей и простейших производственных объединений. Перевыборная кампания дала толчок к дальнейшему развитию колхозного движения в Нижне-Волжском крае. К апрелю 1929 года, когда заканчивалась выборная кампания, уровень коллективизации по краю поднялся до 4,1% против 3,8% на 1 октября 1928 года. А в мае 1929 года в колхозы вошло уже 6,3% от числа всех крестьянских дворов³⁷.

В ходе перевыборной кампании кулаки и их агенты выступали против колхозов, старались провалить колхозников на выборах. Кулацкая агитаторша в селе Осановка (Балтайский район, Вольского округа), шинкарка заявила: «Давайте не допустим ни одного коллективиста в сельсовет, а то они всех нас затащат в коллективы». Кулакам и зажиточным удалось провалить список для голосования, в котором было 8 крестьян колхозников. В селе Камышовка кулак давал бедняку 40 пудов ржи, чтобы тот вышел из колхоза и не участвовал в общественной обработке земли³⁸.

С приближением выборных собраний, когда стали известны списки избирателей и списки лишенцев, кулаки перешли к террористическим методам. По Нижне-Волжскому краю учтено 175 террористических актов за период выборной кампании³⁹. Из этого количества было убийств и покушений на убийство 30, поджогов 35, избиений 39, угроз и хулиганских выходок 46, случаев противосовет-

³⁵ «Поволжская Правда», 26 декабря 1928 г.

³⁶ СОГА. ф. 63, д. 67, л. 495. Доклад Нижне-Волжского краевого комитета союза сельхозлесорабочих о перевыборной кампании Советов.

³⁷ СОПА, ф. 55, 1929 г., д. 467, л. 51.

³⁸ Там же, д. 85, л. 241.

³⁹ Там же, ф. 55, 1928 г., д. 83, лл. 192, 250.

ской агитации 15 и пр. В Песчанке (Самойловского района) кулаки стреляли в председателя Сельизбиркома, демобилизованного красноармейца. В соседнем селе Криюше они убили председателя колхоза саратовского рабочего Колбасина. В селе Репинском (Заволжье) был убит секретарь избирательной комиссии и т. д. Убийства, избиения, угрозы, поджоги были направлены против коммунистов, колхозников-активистов, комсомольцев, учителей, селькоров. Кулаки срывали выборные собрания, организуя в момент их проведения поджоги, хулиганства и пр. В колхозе «Интернационал» Екатериновского района кулаки сожгли все сено, заготовленное на зиму. В Астраханском районе были потоплены рыбацкие лодки колхозов, уничтожены рыболовецкие сети⁴⁰. Чтобы отвлечь хотя бы часть батраков и бедняков от участия в выборах, кулаки в Камышинском округе посылали батраков на время собраний «по делам» в другие районы и села, угоняли со скотом на зимовки, загружали хозяйственными «делами»⁴¹.

Кулаки мстили батракам за их активное участие в выборной кампании. Так, в селе Михайловском, Харабалинского района, кулак прогнал с работы батрака за участие в перевыборах Совета. Другой кулак не пустил возвратившуюся батрачку Богатову ночевать в избу, и она ночевала в сених. В селе Новая Липовка (Саратовский район) сын кулака избил до полусмерти батрака-активиста. Во многих селах Пугачевского и Хоперского округов зарегистрированы факты покушений на жизнь батраков-общественников.

Церковники и сектанты всеми мерами стремились сорвать выборные собрания, назначая в дни выборов Советов отчетные и выборные собрания религиозных общин, торжественные богослужения, торжественные похороны, выборы своих церковных «женуполномоченных», беседы и бесплатные обеды с музыкой и пр. В селе Орлов-Гай сектанты пытались организовать союз христианской молодежи — «Христомол» и противопоставить его комсомолу. Штундисты провели два съезда

⁴⁰ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 290—293.

⁴¹ СОПА, ф. 55, д. 83, л. 317, д. 85, л. 402.

сектантов в селе Скаковке, Ягодно-Полянского района, где обсуждались вопросы по срыву выборов в Советы⁴².

Кулацкая «работа» только прочнее сплачивала батрачество, бедноту и середняков вокруг партии. В ответ на акты террора, поджогов и хулиганства батраки, бедняки и середняки требовали привлечения к суду врагов Советской власти. Так, на расширенном заседании Ново-Киевского сельрабочкома 6 батраков и 13 бедняков потребовали привлечь к суду кулаков, покушавшихся на убийство члена Избиркома, и просили суд применить к ним суровую меру наказания вплоть до расстрела⁴³.

На выборных собраниях, проводившихся в январе 1929 года, большинство батраков проявило классовую сознательность и активность. Явка их на эти собрания составила 67%, увеличившись против предыдущих выборов на 14,5%. По ряду сельсоветов явка батраков составляла 80—93%. В отчете о выборном собрании в селе Разночинном (Астраханский округ) говорилось, что беднота и батрачество вели себя активно, давали отводы зажиточным. Подкулачники выставляли кандидатуры друг друга. Им удалось протащить в ревизионную комиссию бывшего торговца, скрыв его прошлое. Когда это выяснилось, как говорится в отчете, — «собрание (по настоянию батраков и бедняков) постановило пересмотреть его в избиркоме и лишить права голоса. Председателем нового сельсовета избран батрак»⁴⁴. В селе Широкий Буерак батраки и бедняки добились снятия из списков для голосования кулака Батурина и растратчика общественных денег Уткина⁴⁵.

В отличие от предыдущей выборной кампании в этих выборах охотнее выдвигались кандидаты из батрачества. Так, по четырем административным районам — Аткарскому, Екатериновскому, Лысогорскому и Баландинскому в выборной кампании 1927 года было выдвинуто в кандидаты для голосования 159 батраков, избрано — 124. В 1929 году было выставлено кандидатами

⁴² СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 402.

⁴³ СОГА, ф. 636, д. 67, л. 412, резолюция протеста.

⁴⁴ СОГА, ф. 636, д. 67, л. 315. Материалы по перевыборам Советов в Астраханском округе.

⁴⁵ СОПА, ф. 55, 1928 г., д. 85, л. 295.

для голосования батраков 341, а избрано 242. Об этом же свидетельствуют данные по Камышинскому округу.

Было избрано в состав сельсоветов в 1927 и в 1929 годах⁴⁶:

батраков		67	146
батрачек		7	13,
пастухов		8	76,
рабочих		28	33,
служащих		20	11,
всего.		130	309.

По краю в целом число батраков в сельсоветах увеличилось по сравнению с выборами 1927 года с 1364 до 3032 (по неполным сведениям), т. е. более чем в два раза.

Весьма положительным результатом выборов 1929 года явилось увеличение числа председателей сельсоветов, членов ревизионных комиссий, членов райисполкомов, выдвинутых из батрачества. В 1927 году среди председателей сельсоветов батраки составляли 2,5% (77 человек), а в 1929 году — 6,3% (169 человек). В составе ревизионных комиссий батраки составляли в 1927 году 1,8% (143 человека), а в результате выборов 1929 года—3,1% (189 человек).

Выдвижению батраков на посты председателей сельсоветов и пр. способствовали мероприятиям по подготовке кадров из батрачества на окружных и краевых курсах сельских советских работников. Из 350 человек, окончивших эти курсы, значительная часть (280 человек) была выдвинута партийными и профсоюзными организациями на работу в выборные советские органы⁴⁷.

В новых Советах значительно усилилось ядро женщин батрачек. По данным Астраханского и Балашовского округов и двух райкомов Союза СХЛР — Аткарского и Саратовского,— в составе сельсоветов женщины батрачки составили 15,4%⁴⁸.

В результате огромной работы, проделанной партийными организациями края по организации батрачества и бедноты, по укреплению союза рабочего класса и бед-

⁴⁶ СОГА, ф. 636, д. 67. л. 334.

⁴⁷ СОГА, ф. 636, д. 67. л. 475.

⁴⁸ Там же, л. 506.

нейшего крестьянства с середняцкими массами деревни, удалось усилить местные Советы рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Их социальный состав изменился в лучшую сторону. Если в сельских Советах, избранных в 1927 году, батрацко-бедняцкое ядро составляло 45,4%, середняцкое — 47,4%⁴⁹, группа зажиточных крестьян и кулаков 7,2%, то в результате новых выборов батрацко-бедняцкая группа увеличилась по округам от 50 до 62%, а зажиточно-кулацкая группа уменьшилась до 1,5%⁵⁰.

Улучшение социального состава низовых Советов, укрепление в них батрацко-бедняцкого ядра и очищение Советов от кулацких и колеблющихся элементов не могло не отразиться на улучшении всей деревенской работы. Именно на период деятельности этого состава сельских Советов приходится развертывание массовой коллективизации. Советы стали еще более мощными рычагами социалистического строительства. 1929 год стал годом великого перелома в развитии сельского хозяйства, годом массового перехода крестьян от единоличного хозяйства к коллективному.

Таким образом, борьба батрачества за обновление Советов, способствовала развертыванию коллективизации, претворению в жизнь ленинского кооперативного плана.

⁴⁹ «Нижнее Поволжье» № 8 за 1927 г., стр. 3.

⁵⁰ «Нижнее Поволжье», № 1 за 1929 г., стр. 97.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ в 90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

В итоге реформы 1861 года, проведенной помещиками-крепостниками, крестьянство России было ограблено. Особенно это было характерно для Саратовской губернии, где у крестьянства было отрезано более 600.000 десятин, что составляло 42,7% всей земли, находившейся прежде в пользовании крестьян. По абсолютной величине площади «отрезков» Саратовской губернии принадлежало первое место.

Крестьяне были лишены лугов, пастбищ, лесов. Крестьянские земли были окружены огромными массивами помещичьих владений. Крестьяне села Юнгеровки, Аткарского уезда, говорили по этому поводу: «Наше село представляет из себя мирную крепость, которую тесным кольцом окружают неприятели в лице помещика со своими угодьями»¹.

К началу XX века крестьянское землепользование еще больше сократилось. Так, у бывших помещичьих крестьян средний крестьянский надел сократился почти на 28,8% и стал равен 2,03 десятины на душу мужского пола, у бывших удельных на 33,3% и стал равен 3,67 десятины и у бывших государственных крестьян на 34,2 и оказался в 4,76 десятины. В целом по губернии у всех групп крестьянства надел сократился на 30,8% и равнялся 3,59 десятины на душу².

¹ «Приволжский край» № 101, 1906 год.

² Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Саратовской губернии. Саратов, 1903, стр. 56.

Общее распределение земли по Саратовской губернии к началу XX века представлялось в следующем виде: у 330 тысяч крестьянских хозяйств находилось около 3,8 млн. десятин, или около 11 десятин на двор в среднем, в том числе у 60% крестьянских дворов — 6 десятин на хозяйство, а у 893 крупнейших помещиков более 2 млн. десятин, или по 2240 десятин в среднем на помещичью латифундию. Распределение земли в Саратовской губернии соответствовало распределению земли в Европейской России. В конце XIX века в России 10,5 млн. крестьянских дворов с 75 млн. десятин земли противостояли 30 тысячам владельцев латифундий с 70 млн. десятин.

Крестьянская реформа 1861 года создала предпосылки для быстрого развития капитализма не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Капиталистическая эволюция сельского хозяйства при сохранении помещичьего хозяйства сопровождалась быстрым процессом расслоения крестьянства на два противоположных класса: сельскую буржуазию и сельский пролетариат.

В. И. Ленин иллюстрировал это, в частности, и данными по Камышинскому уезду Саратовской губернии. В этом уезде зажиточное крестьянство составляло около $\frac{1}{5}$ крестьянских дворов уезда, а имело в своих руках 53,3% всего посева, в среднем 27,6 десятины посева на двор. В руках этой же группы крестьянства находилось 56,1% общего количества крестьянского скота, или 14,6 головы на двор (в переводе на крупный скот). Сельская беднота, представлявшая почти половину всех крестьянских дворов (46,7%) имела только 12,3% площади посева и 11,8% общего количества скота³.

Об этом же свидетельствуют данные подворного исследования крестьянского скотоводства 1897 года и военноконской переписи 1899 года о лошадности крестьянских дворов по Саратовской губернии. Согласно названным данным, в губернии насчитывалось безлошадных 26,5% от общего числа крестьянских дворов, однолошадных 33,7, в целом тех и других 60,2%, двухлошадных 22%, трех- и более лошадных 17,8%⁴.

³ См. В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 68.

⁴ См. Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Саратов, 1903 г., стр. 5.

Таким образом, в Саратовской губернии около 60% крестьянских дворов составляла беднота и почти 18% дворов являлись зажиточно-кулацкими хозяйствами. Количество безлошадных дворов все более увеличивалось. Если в 1882 году в губернии их было 21,7%, то к 1899 году безлошадных стало 26,5%.

Необеспеченность землей: пашней, сенокосом, выгонами, лесом—принуждала крестьянина идти в кабалу, арендовать у помещика землю, уплачивать за нее втридорога. В Саратовской губернии в конце XIX века арендная плата поднялась до 20 и более рублей за десятину. Большая часть арендной платы взималась с крестьянина при помощи отработков.

В начале 90-х годов XIX века крестьяне в Европейской России арендовали более 10 миллионов десятин земли. Саратовское крестьянство арендовало более 900 тысяч десятин⁵. На этой земле крестьяне имели более 25% посева. По аренде земли Саратовская губерния занимала одно из первых мест в России.

Самой кабальной формой отработков была польная аренда. В Саратовской губернии польный посев составлял 11% к общему посеву на арендованной земле, а в уездах: Сердобском, Петровском и Царицынском более 20%. При польной аренде хозяйская, владельческая половина урожая была всегда большей, чем половина урожая крестьянина-арендатора. Так, например, в Жуковской волости, Петровского уезда, арендатор должен был при аренде лугов убрать сено, сложить его в копны и отдать помещику две копны из трех⁶. Кабальные арендаторы обычно плохо обрабатывали землю. Такие земли давали меньшие урожаи, чем крестьянские наделные земли.

Средством принуждения крестьян к отработкам являлось часто ростовщичество. Помещики и кулаки «одадживали» крестьянам деньги, хлеб и др. За эти «одождения» крестьяне попадали в тяжелую кабалу к ростовщикам. В Юловской волости, Вольского уезда,

⁵ Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Саратов, 1903 г., стр. 1.

⁶ Сборник сведений по Саратовской губернии за 1901 год. Саратов, 1903, стр. 66—67.

за каждый пуд пшеницы крестьяне обязывались обработать 240 квадратных саженой площади посева: вспахать, сжать, привезти, обмолотить и ссыпать зерно в амбар владельца⁷.

Крестьянин деревни Шаленки, Аткарского уезда, М. Жуков за 2 рубля 25 копеек, взятые им у помещика Балашова, обязывался убрать десятину ржи, тогда как по вольному найму эта работа стоила 8—8 руб. 50 коп.⁸.

В. И. Ленин, разоблачая сущность так называемой помещичьей культуры ведения хозяйства, писал: «Помещичья культура есть ростовщичество по отношению к обнищавшему крестьянину, которого обирают, как липку, и кабелят за десятину земли, за выпас, за водопой, за лес, за пуд муки, данной в ссуду голодному мужику зимой за безбожные проценты, за рубль денег, выпрошенный крестьянской семьей...»⁹.

Тяжелым пережитком крепостничества являлись подати и повинности. Податная система и после реформы носила сословный характер, падая всей своей тяжестью на крестьянство. Крестьянство Саратовской губернии выплачивало почти 9/10 (87,5%) поземельного налога и земских сборов. Если с крестьянской наделной земли государство взимало 2 рубля 3 копейки, то с частновладельческой всего по 31 копейки с десятины¹⁰.

Кроме поземельного налога и земских сборов, крестьяне привлекались к уплате сборов и повинностей натурального характера. В переводе на деньги крестьянское хозяйство отдавало еще 3 рубля 5 копеек. Крестьянство Саратовской губернии выплачивало податей, повинностей и сборов более 8 млн. рублей.

Самыми тяжелыми для крестьян были выкупные платежи. На 1 января 1901 года за Саратовским крестьянством числилось задолженности по выкупным платежам около 6 млн. рублей (5.818.934 рубля).

О том, каков был податный гнет, говорят очень убедительно

⁷ Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905 год, в. 1, стр. 92.

⁸ ЦГИАЛ, фонд 892. Материалы по именным Саратовской губернии, 1895 г., д. хр. 1337.

⁹ В. И. Ленин. Соч. т. 12, стр. 239.

¹⁰ Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Саратов, 1903, стр. 3, 4.

тельно бывшие государственные крестьяне Ново-Дубровского общества, Савкинской волости, Петровского уезда, в своем постановлении от 20 августа 1896 года.

Наше «экономическое положение так расстроилось,— писали они.— что платежные средства населения истощились до крайности». Разные годовые платежи и недоимки по платежам с деревни составляли 5378 рублей 80,5 копейки, а если еще прибавить к этому различные другие долги и сборы, то общая сумма годового оклада налогов и недоимок составит 7628 рублей 80,5 копейки. Крестьяне говорили: «Если уплатить эту сумму, то даже в урожайный год они совершенно должны разориться и прийти в большой упадок»¹¹.

Подати и повинности полукрепостнического характера, как правило, превышали чистый доход крестьянского хозяйства, вызывали разорение и обнищание деревенского населения, подрывали производительные силы сельского хозяйства страны.

Крестьянство России в конце XIX века было на положении сословно-неравноправного населения, оно находилось в состоянии приниженного податного сословия. Крестьянин не мог никуда уйти без согласия сельской общины. Община с ее круговой порукой сковывала крестьянина, привязывала его к голодному наделу. Гнет общины был особенно чувствительным в Саратовской губернии, где общинное землевладение составляло 96,4% (на долю участково-подворного оставалось всего 3,6%).

Крестьянская община, привязывая крестьянина к наделу, приковывала его и к помещику. Община закрепляла старые формы эксплуатации и прикрывала кулацкое засилие в деревне. Она была одним из дешевых средств в руках царизма для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки.

Крестьянское хозяйство в конце XIX века находилось в состоянии крайней отсталости. В Саратовской губернии преобладающее положение среди орудий по обработке почвы занимала деревянная соха (76%). Совершенно ничтожным было применение машин для сортирования, посева зерна и уборки урожая.

¹¹ Саратовская земская неделя. Приложение к № 11, 12, Саратов, 1902, стр. 59.

Слабое распространение улучшенных сельскохозяйственных машин и орудий в деревне объяснялось плохой обеспеченностью крестьянских хозяйств рабочим скотом, малоземельем, о чем говорили сами крестьяне: «Переводится рабочий скот, переводятся и плуги» (д. Федоровка, Федоровской волости, Хвалынского уезда)¹².

Письма крестьян подтверждали вывод В. И. Ленина о том, что распределение обычного крестьянского инвентаря соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота.

Недостаток в рабочем скоте, удаленность крестьянских земель от усадьбы и др. причины тормозили применение удобрений в крестьянских хозяйствах.

Сохранение старого средневекового землевладения стало препятствием для развития производительных сил сельского хозяйства, главной причиной непреходящего кризиса, исключительной нищеты и разорения крестьянства. Особенно тяжелым было положение крестьянства во время неурожаев и голодовок, которые приводили население к неисчислимым жертвам.

Весь ход экономического и политического развития страны требовал ликвидации остатков крепостничества. Борьба против пережитков крепостничества должна была стать и стала основой крестьянского движения, которое развернулось в конце XIX века.

**

Крестьянское движение 90-х годов XIX века в России исследовано недостаточно, а по Саратовской губернии совершенно нет ни одного исследования, тогда как крестьянское движение в губернии было довольно значительным.

Автором данной статьи сделана попытка составить сводные данные о крестьянских выступлениях по уездам губернии. Всего в губернии было с 1890 по 1899 год 137 крестьянских выступлений. В 80-е годы было учтено по губернии всего 5 выступлений из 332 крестьянских выступлений по России¹³.

¹² См. Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Саратов, 1904, в V. ч. 1, стр. 27—28.

¹³ Журнал «Красный архив», 1938 год, № 4—5 (89—90), стр. 251—252.

Крестьянские выступления в губернии по их характеру распределяются следующим образом: поджоги помещичьих имений—101, потравы помещичьих посевов, лугов и пастбищ — 7, попытки захватить помещичьи земли — 5, податные забастовки — 5, нападения на помещичьи усадьбы и их владельцев—2, «холерные бунты»—17. Всего выступлений 137¹⁴.

Кроме того, своеобразной формой крестьянского движения в Саратовской губернии были самовольные крестьянские переселения, о чем будет сказано ниже.

Крестьянские выступления имели место во всех уездах губернии. Однако количество выступлений по отдельным уездам было неодинаково. Например, в Кузнецком уезде, где были развиты промыслы, и Царицынском уезде, где размеры крестьянских наделов были больше, чем в других уездах губернии, выступлений было меньше. Наибольшее количество крестьянских выступлений было в Балашовском, Сердобском, Петровском, Аткарском и Саратовском уездах (90 выступлений из 137), т. е. в северо-западной и центральной части губернии, где крестьянство больше всего подвергалось помещичьей эксплуатации.

Характерной чертой аграрного движения 90-х годов была стихийность, что особенно проявилось в «холерных бунтах» 1892 года.

Неурожай 1891 года, являвшийся последствием сохранения в деревне крепостнических пережитков и реакционной аграрной политики царизма, привел к тому, что огромная территория страны с населением до 40 млн. человек была охвачена массовым голодом. Массовый голод вызвал «голодные бунты». За «голодными бунтами» 1891 года последовали в 1892 году «холерные бунты», получившие исключительно широкое распространение. В Саратовской губернии от холеры погибло, по официальным, сильно преуменьшенным данным, свыше 20.000 человек¹⁵. «Холерные бунты» захватили большую часть Саратовской губернии, от Царицына до Хвалынска.

«Холерные бунты» возникли сразу, как только вспых-

¹⁴ Сводные данные о крестьянских выступлениях составлены на основе архивных документов ЦГИА и Государственного архива Саратовской области.

¹⁵ ГАСО, фонд № 1. Отчет Саратовского губернатора за 1892 год, стр. 2.

нула эпидемия холеры, быстро поразившая значительную часть населения губернии. Холера, спутник голода, пришла в Поволжье с Востока от границ Персии, через Кавказ. В Саратовской губернии она попала на хорошо подготовленную почву: здесь царили разорение, нищета, голод.

Старший врач Саратовской городской больницы писал: «Смертность была высокой, даже во второй половине июня месяца она достигла 50—60 процентов». «Такая большая смертность объясняется условиями жизни крестьян, собирающихся для полевых работ из различных местностей, живущих в совершенно невообразимых гигиенических условиях, без всякой врачебной помощи; она же, смертность, становится совершенно понятной, если принять во внимание, что заболевшие были уже изнурены голодом, сыпным тифом и цынгой, свирепствовавшими в течение предшествовавшей зимы и весны»¹⁶.

Крестьянство и бедное население городов, истощенное голодом и надломленное рядом болезней (тиф, цынга и др.), обобранное и ограбленное налогами и повинностями, не в силах было бороться с холерой. «Ограбленные помещиками, задавленные произволом чиновников, опутанные сетями полицейских запретов, придирок и насилий, связанные новейшей охраной стражников, попов, земских начальников, крестьяне так же беззащитны против стихийных бедствий и против капитала, как дикари Африки»¹⁷.

Беспомощным оказался также и государственный аппарат России перед лицом страшной эпидемии. «Внезапность появления и быстрое распространение болезни застигло земские и городские учреждения»¹⁸.

Мероприятия правительства и его местных органов власти по борьбе с эпидемией холеры проводились в незначительных размерах. Причем делалось это все казенно-полицейскими методами. Поэтому мероприятия, проводимые местными органами власти, часто не встречали содействия ни в городе, ни в деревне, а, наоборот, ускоряли выступления населения против местных органов

¹⁶ ГАСО, фонд № 1, д. 42, 1892 год, лл. 94—106.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 473.

¹⁸ ГАСО, фонд № 1, Отчет саратовского губернатора за 1892 г.

власти и их чиновников. В анонимной записке на имя министра внутренних дел сообщалось: «Население видело и видит в этих органах нечто для себя чуждое. В особенности это представляется верным в отношении полиции, на мероприятия которой, не всегда к тому же и правомочной, население смотрело, как на притеснение»¹⁹.

Развертыванию «холерных бунтов» в Саратовской губернии способствовали и различные слухи, распространяемые тогда в Саратовской губернии и смежных с нею — в Тамбовской, Пензенской и др. Так, например, в деревне Абакумовке, Тамбовского уезда, и в соседних с нею деревнях распространялся слух, что «от господ должны были к 1 сентября отобрать землю, а потому господа подкупали докторов и священников морить людей и для этого доктора отравляют воду, а священники — святые тайны, что все власти и губернатор подкуплены, а царь ничего не знает что делается с народом...»²⁰.

О распространении различных слухов саратовский губернатор сообщал по телеграфу министру внутренних дел: «Распространение ложных слухов... повторяется в разных уездах... Испрашиваю указания подвергать виновных наказанию розгами... Заключение в тюрьму затруднительно, так как в тюрьме холера»²¹.

Но ни розги, ни тюрьма не смогли приостановить распространение слухов, они жили, пока свирепствовала холера. Конечно, не слухи, а голод и истощение ускорили взрыв негодования, которое получило выражение в так называемых «холерных бунтах».

«Холерные бунты», как народные волнения, распространились на большую часть уездов губернии, они имели место как в городе, так и в деревне, особенно много их было в Хвалынском и Саратовском уездах. В Хвалынском уезде «холерные бунты» охватили уездный центр, а также Ново-Спасскую, Федоровскую, Шалкинскую, Шиковскую, Широкинскую волости, селения Гай, Полиха, Благодатное, Вертуновка и др. В Саратовском уезде «холерные бунты» были в Вязовской, Мариинской, Поповской волостях, в Кузнецком уезде в селе Безводное, в

¹⁹ ЦГИА, ф. 535, 1892 г., д. 105, л. 2.

²⁰ ЦГИА, ф. 535, 1892 г., д. 105, лл. 1—3.

²¹ ГАСО, ф. № 1, 1892, д. 42, л. 60.

Аткарском уезде в селе Баланда, в Ерзовской и Ивановской волостях Царицынского уезда и т. д.²².

«Холерные бунты» 1892 года, распространившиеся в губернии, приводили местные власти в состояние панического страха. Поэтому с мест к губернатору, а от губернатора в Петербург посылались телеграммы с просьбой о высылке войск. Саратовский губернатор 4 июля 1892 года телеграфировал в Петербург: «Для охраны Саратова войск хватает, но для уездов нет... Некоторым помещикам крестьяне угрожают... Ожидаю беспорядков. Необходимы войска»²³ или: «Получил известие, что в Мариинке (Саратовского уезда) собралась толпа вооруженных... Приостановить ничем не могу без войска. Беспорядки остаются безнаказанными, поощряя дальнейшее опасное положение. Состояние умов здесь в брожении. Из некоторых деревень известия крайне неблагоприятны... Угрозы начальникам и полиции»²⁴.

Губернские блюстители «порядка» писали министру внутренних дел о том, что только там не страшно, где имеется войско. Так, например, сообщалось: «Настроение в Вольске беспокойное, но присутствие войска уменьшает опасение беспорядков»²⁵.

Местные власти видели эффективную меру борьбы с волнующимися крестьянами в применении репрессий, в высылке на места вооруженной силы. Войские части вводились почти во все уезды губернии (7 из 10-ти) и находились в селах от двух недель до двух месяцев на содержании населения. Широко применялись телесные наказания.

Так, например, земский начальник 4-го участка Сердобского уезда писал об экзекуции, какую он учинил над «виновниками беспорядков» Абрамовым и Барабановым. Иван Барабанов получил 100 ударов. «Народ с ужасом рассказывает, как отрезали ножницами лоскуты тела у Барабанова и Абрамова. Барабанов не может ни сидеть, ни лежать...»²⁶.

²² ГАСО, ф. № 1, 1892, д. 62, лл. 79—80, 247; там же, д. 42, лл. 57, 177.

²³ ГАСО, ф. № 1, 1892, д. 72, л. 52.

²⁴ ГАСО, ф. № 1, 1892, д. 72, л. 52.

²⁵ ЦГИА, ф. 535, д. 105, 1892, л. 4.

²⁶ ГАСО, ф. № 1, 1892 г., д. 62, л. 79, 80.

Царское правительство подавляло «холерные бунты» самым жестоким образом. Это особенно видно на примере «холерного бунта» 1892 года в городе Хвалынске.

Хвалынский «хслерный бунт» привел местные органы власти в панику. Хвалынский уездный исправник писал Саратовскому губернатору, что городские власти (управа) находятся в состоянии страха и «надеются в розгах найти средство навести на мещан панический страх...»²⁷

Исправник рекомендовал в целях прекращения «бунта» вместо телесного наказания административную ссылку, а городскому управлению следовало бы «озаботиться о создании новой почвы к соглашению с мещанами по земельному вопросу, который так волнует и будет волновать их, пока не сделано им будет со стороны городского управления какой-либо уступки. Тогда, с одной стороны, строгие меры против беспокойных (удаление из общества) и, с другой стороны, уступки по почину городской управы, скоро бы и окончательно водворили в Хвалынске мир и тишину...»²⁸.

Неизвестно, были ли сделаны уступки хвалынцам со стороны властей, но жестокая расправа с «беспокойными» участниками «бунта» была учинена. По хвалынскому делу отдано под суд по законам военного времени 45 человек, среди них 7 человек крестьян. К смертной казни было приговорено 4 человека, к каторжным работам — 12, в арестантские роты — 10, в тюрьму — 12 человек.

В официальных документах причины «холерных бунтов» по Саратовской губернии объяснялись ее особым географическим положением, благодаря которому через ее территорию двигались массы переселенцев в поисках заработка. Это объяснение несостоятельно, так как «холерные», как и «голодные бунты» имели значительное распространение и в других губерниях.

«Голодные» и «холерные бунты», порожденные неурожаями и голодом, были результатом не географического положения губернии, а господства помещичьего землевладения и всех других пережитков крепостничества. Стихийные выступления крестьянства и населения

²⁷ ГАСО, ф. № 1, 1892 г., д. 62, лл. 414—415.

²⁸ ГАСО, ф. 1, 1892 г., д. 62, 415—416.

городов были ответом на аграрную политику царизма и непосильный полуфеодальный гнет.

Одним из средств борьбы крестьянства против полукрепостнического гнета являлись податные забастовки, или отказ крестьян от выплаты многочисленных податей и повинностей.

Правительство взыскивало подати с крестьянства принудительно, опираясь главным образом на полицию. Этого не мог скрыть даже царский министр внутренних дел в своем верноподданическом отчете императору, заявивший о том, что «дело взимания податей, сильно обременяющее ныне местные административно-полицейские учреждения и плодящее громадную переписку в центральных учреждениях министерства внутренних дел, организовано в настоящее время столь неудовлетворительно, что можно сказать, непринужденного поступления податей вовсе нет, а есть только взыскание недоимок, лежащих тяжелым бременем на многочисленных органах местной полиции и поглощающих значительную часть ее сил и времени»²⁹. Министр внутренних дел писал об этом царю, чтобы освободиться от этой неприятной обязанности и передать сбор податей, недоимок с крестьянства министерству финансов.

О том, что взыскание податей и недоимок по ним было принудительным, показывают многочисленные документы. Так, например, исправник Кузнецкого уезда в донесении саратовскому губернатору о недоимках крестьян деревни Благодатки Никольской волости сообщал, что «взыскание с них (крестьян—И. Б.) может быть сделано при условии продажи с торгов их последнего имущества...»³⁰.

Крестьяне деревни Благодатки были разорены и жили в нищете. Даже уездный исправник в донесении губернатору писал, что у крестьян нет «ни скота, ни имущества, ни хлеба; поголовно почти у всех нет, а что уродилось в прошлом году, то было продано с торгов на погашение арендной платы»³¹. За крестьянами деревни Благодатки числилось недоимки в 1551 рубль.

²⁹ ЦГИА, ф. 535, 1898 г., д. 40, лл. 10, 15.

³⁰ ГАСО, ф. 1, 1899, д. 49, л. 1.

³¹ Там же.

В Саратовской губернии отказы от уплаты податей были в ряде селений Камышинского и Аткарского уездов.

Массовые отказы крестьян платить подати имели место в селениях Матышевской волости Аткарского уезда. Инициаторами этого выступления были крестьяне Судачинского сельского общества. Сельский староста доносил аткарскому уездному исправнику, что крестьяне Судачинского общества «упорно не платят числящихся за ними податей»³². За судачинскими крестьянами было недоимок к концу 1894 года 2801 рубль 44 копейки. Эти недоимки с крестьян Матышевской волости были взысканы при помощи полицейских репрессий.

В Камышинском уезде отказывались от уплаты податей крестьяне села Красный Яр, которые в 1893 году, собравшись на сельский сход, заявили: «Мы податей не признаем»³³. Крестьяне прогнали с собрания сельского старосту и писаря, пытавшихся сорвать сход. Выступление крестьян села Красный Яр было подавлено. Полицией было арестовано 8 человек, виновниками «беспорядков» было объявлено 18 человек. В том же Камышинском уезде отказывались от выплаты податей крестьяне села Барановского³⁴.

Протест крестьянства был сломлен силой правительственных репрессий, против которых оно не имело достаточных сил и организованности.

Своеобразной формой протеста крестьянства против полуфеодального гнета в деревне являлись так называемые выступления против питейных заведений. Такие выступления крестьян были в селе Красный Яр Камышинского уезда в мае и декабре 1896 года. Непосредственными причинами выступлений крестьян против винной торговли послужили злоупотребления земского начальника, волостного старшины и сельского старосты, являвшихся фактически откупщиками сельской винной торговли. Разрешение на торговлю вином было дано сельскому обществу, однако распоряжались общественными доходами от винной торговли представители орга-

³² ГАСО, ф. 1, 1895 г., 58, л. 68.

³³ Там же, 1893 г., д. 15, лл. 237—240.

³⁴ ГАСО, ф. № 1, 1895 г., д. 18, л. 50.

нов местной власти по своему усмотрению, не считаясь с нуждами общества.

Первое выступление красноярских крестьян было 15—16 мая 1896 года, в результате которого крестьяне разгромили винную лавку. Попытки предупредить выступление крестьян, предпринятые со стороны сельского старосты Зюбенко и пристава первого стана Камышинского уезда Гончаревского, потерпели провал. «Усмирители» «подверглись оскорблению не только словами, но и действиями»,—как доносил об этом губернатор министру внутренних дел.

На место происшествия, т. е. в Красный Яр, с целью расследования приехал судебный следователь, который попытался арестовать одного из организаторов выступления. Но крестьяне, оказав сопротивление, не дали арестовать своего односельчанина. Они отбили наступление трех полицейских урядников и нескольких сотских, которые хотели выполнить требование следователя, причем полицейским было нанесено «оскорбление действием»³⁵; «представители порядка» были побиты крестьянами. Вскоре после этого в Красный Яр прибыли 8 урядников, 15 сотских и 10 городских камышинской полицейской команды во главе с уездным исправником³⁶.

Активные участники выступления—крестьяне П. П. Плотников, М. И. Гречаный, В. П. Иванов, Г. П. Шмагнов — были арестованы, а затем на основании распоряжения министра внутренних дел они были высланы из пределов Саратовской губернии в область Войска Донского. Но вскоре за якобы продолжавшуюся связь с крестьянами родной волости министерство внутренних дел запретило им «жительство в области Войска Донского и в смежных с Саратовской губернией уездах Астраханской губернии, Царевском и Черноярском, на три года, считая с 28 июня 1896 года»³⁷. Кроме того, П. П. Плотников был заключен в тюрьму. Так было подавлено выступление крестьян села Красный Яр.

³⁵ ГАСО, ф. № 1, 1896, д. 60, с/с № 1685, л. 6.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАСО, ф. № 1, 1896, д. 60, л. 18.

Мерами полицейских репрессий было подавлено и второе выступление крестьян, которое вспыхнуло в конце декабря 1896 года.

Выступления крестьян села Красный Яр были стихийными, как и все другие выступления крестьянства конца XIX века. Они являлись выражением протеста против политики грабежа, какую проводило правительство при взыскании налогов. На крестьянах села Красный Яр к моменту выступления числилось только одной недоимки 80000 рублей³⁸.

Особое место в аграрном движении 90-х годов XIX века в России занимают самовольные переселения крестьян.

Крестьянство видело в них путь к освобождению от полукрепостнического гнета помещиков и получению достаточного количества земли для своего хозяйства. Именно это обстоятельство было основой самовольных крестьянских переселений, получивших широкое распространение в Саратовской губернии.

Насколько многочисленными были самовольные крестьянские переселения по губернии, видно из следующей таблицы³⁹.

Уезды	Г о д ы								Ито- го
	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	
Балашовский	155	30	19	28	33	41	130	283	719
Сердобский	99	78	44	37	44	33	33	22	390
Камышинский	43	37	28	42	36	31	42	107	366
Кузнецкий	3	10	23	24	31	10	23	16	140
Хвалынский	4	24	8	17	17	13	10	35	128
Петровский	3	7	5	4	35	22	5	10	91
Царицынский	16	2	—	8	7	46	—	1	80
Аткарский	7	—	6	3	18	2	17	2	55
Вольский	5	—	—	1	13	10	15	4	48
Саратовский	1	1	3	1	—	—	1	—	7
По губернии:	336	189	136	165	234	208	276	480	2024

³⁸ Саратовская земская неделя. Приложение к сборнику № 12—14, Саратов, 1896 г., стр. 47.

³⁹ Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Саратовской губернии. Саратов, 1903 г., стр. 44.

Из таблицы видно, что большинство самовольных переселений приходится на Балашовский, Сердобский и Камышинский уезды. Это объясняется тем, что в этих уездах больше, чем в других районах губернии, было представлено частное землевладение — 1750 хозяйств из 4889 частновладельческих хозяйств губернии. Причем из 1750 хозяйств почти половину (45 процентов) составляли средние и крупные землевладения, в руках которых находилось до 97 процентов всей частновладельческой земли. В Балашовском и Сердобском уездах было сосредоточено более $\frac{1}{3}$ части всей частновладельческой земли Саратовской губернии.

Значительное количество самовольных переселенцев из Камышинского уезда, с относительно лучшей земельной обеспеченностью крестьян в среднем на душу мужского пола, объясняется тем, что лучше обеспечены земель были не русские крестьяне, а немцы-колонисты, хотя последние составляли только $\frac{1}{3}$ сельского населения уезда. Это отмечалось еще В. Е. Постниковым в его работе «Южно-русское крестьянское хозяйство»⁴⁰.

Русские крестьяне Камышинского уезда стремились к переселению еще и потому, что они видели в этом возможность избавиться от тяжелого гнета немцев-колонистов (кулаков), у которых они работали батраками.*

Некоторый спад самовольных переселений в 1893 — 1894 годах объясняется изданием циркуляра министерства внутренних дел 6 марта 1892 года, действовавшего до 1895 года и направленного к сдерживанию волны переселений. То же самое надо сказать и в отношении 1897 года, когда был получен циркуляр министерства внутренних дел, требующий задерживать на месте даже тех, кто получил разрешение на переселение. Однако это не могло приостановить переселенческого движения, вызывавшегося малоземельем и усиливающимся разорением крестьянства. Об этом говорили крестьяне в своих прошениях и приговорах сельских обществ. «Недостаток земли... отсутствие средств для увеличения ее производительности, дороговизна съемной земли, распашка без остатка лугов, способствующая уменьшению

⁴⁰ В. Е. Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891 г., стр. 330.

рабочего скота, неимение лесов даже на топливо в связи со многими другими неблагоприятными обстоятельствами, приводит население нашего села в разорение. Помочь делу можно лишь переселением»⁴¹. (Из прошения крестьян деревни Каргалеики Кожинской волости Петровского уезда от 1895 года).

Переселиться стремились все слои крестьянства. Однако большая часть переселяющихся — это бывшие помещицы крестьяне; более половины переселяющихся были малоземельными и безземельными. «Стремление к переселению,—сообщал секретно саратовскому губернатору петровский уездный исправник, — замечается большей частью в обществах крестьян-дарственников и состоящих на малом наделе и объясняется высокой арендной платой и вообще неудовлетворительным экономическим положением крестьянства»⁴². То, что дарственников было больше, чем других, в числе желающих переселиться, это определяло и направление переселения.

Большая часть переселенцев хотела перейти на казенные земли своей же губернии (67 процентов), частично — на земли соседней Самарской губернии. Меньшая часть мечтала о переселении в Сибирь. Это было преимущественно среднее крестьянство, располагавшее некоторыми средствами для далекого пути. А путь был действительно далеким и тяжелым. Немногие выдерживали дорожные испытания, немногие и выживали на новом месте.

О дорожных трудностях переселенцев в то время сообщалось в «Саратовском Листке» в конце мая—начале июня 1892 года: «...в Тюмени было 18 тысяч переселенцев. В 13 существующих бараках оказалось помещение только для 1530 лиц, остальные размещены на площадях, на открытом воздухе. В бараках лежали в три ряда, на полу и на двухэтажных нарах»⁴³.

Наконец, переселенцы достигали цели — попадали на «обетованную» землю, но на новом месте их встречала

⁴¹ Саратовская земская неделя, №№ 11, 12, Приложение, Саратов, 1902 г., стр. 29.

⁴² ГАСО, ф. № 1, 1895 г., д. 58, «секретные бумаги», лл. 112—113.

⁴³ «Саратовский листок» № 167, 3 августа 1901 года.

мрачная картина действительности: полная необеспеченность, а за нею нередко гибель. Так, в 1892 году исправник из Тюкалинска телеграфировал в Тобольск: «Переселенцы мрут; помогать нечем». Однако, несмотря на это, поток переселенцев не останавливался. Ехали самовольно, несмотря на ряд препятствий, которые создавали как правительственные органы в центре, так и чиновники на местах, являвшиеся непосредственными проводниками крепостнической политики царизма.

Об этой политике царизма В. И. Ленин писал: «Нужны были помещикам слабые и некрепкие крестьяне в качестве дешевых рабочих рук, и правительство всячески старалось затормозить переселение и оставить излишки населения на местах. Но этого мало еще: оно усиленно боролось против самовольного переселения...»⁴⁴.

Бывали случаи, когда на попытки местных органов власти помешать переселению крестьян, последние отвечали волнениями, которые умирялись только репрессивными мерами. Так было, например, в деревне Апраксиной Суцевской волости Сердобского уезда 23—26 декабря 1891 года.

Апраксинские крестьяне были приведены к «порядку» арестом двух крестьян-инициаторов «беспорядка». О восстановлении спокойствия в деревне Апраксиной сердобский уездный исправник доносил саратовскому губернатору только через три дня после начала крестьянского волнения: «В деревне Апраксиной спокойно. Возмутители арестованы...»⁴⁵.

В борьбе против самовольных переселений саратовский губернатор специальным циркуляром обязывал земских начальников следить за тем, чтобы на местах не выдавались паспорта крестьянам, предпринимающим самовольные переселения под видом ухода на заработки, и чтобы крестьянам разъяснялось, что «переселение должно совершаться на их собственный счет и что никаких средств на переселение по обзаведению хозяйством на месте нового их поселения они получить не могут»⁴⁶.

⁴⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 76.

⁴⁵ ГАСО, ф. № 1, 1891 г., д. 77, в. 8, лл. 2, 3.

⁴⁶ ГАСО, ф. № 1, 1895 г., д. 15, 45.

Но несмотря на это крестьяне продолжали переселяться. Начальник 4-го участка Сердобского уезда информировал губернское начальство: «Переселение в Алтайский горный округ циркуляром 1897 года от 7 ноября за № 31 воспрещено, но крестьяне обходят это запрещение. Теперь такое явление получает массовый характер, нет общества, из которого не желали бы уйти, а в некоторых обществах почти больше половины уходят. В большинстве случаев уходят домохозяева с крайне малыми средствами и, приходя на новое местожительство, за неимением средств к обзаведению, поступают в работники, но, несмотря на такие тяжелые примеры, все-таки уходят»⁴⁷.

Уходили крестьяне с насиженных мест потому, что положение их было настолько невыносимым, что, как писал В. И. Ленин, «русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света...»⁴⁸.

Своеобразной формой протеста против полуфеодального гнета помещиков-крепостников в 90-х годах являлись слухи, распространяемые тогда среди крестьянства. В слухах крестьяне выражали свои заветные желания и надежды, которые вынашивались ими в течение многих десятилетий: изъятие земли у помещиков и передача ее крестьянам, освобождение крестьян от различных крепостнических пережитков и т. п.

Так, например, в селе Лопатине Петровского уезда распространялся слух, что царь в связи с женитьбой наследника дал обещание улучшить положение крестьян, для чего распорядился «наделить всех крестьян землей по четыре десятины на душу, каковая земля должна быть отобрана от помещиков...»⁴⁹.

В деревне Березовке Вязьминской волости того же уезда среди крестьянства говорили о том, что с «весны 1895 года по распоряжению... государя императора... будет отбираться земля от всех помещиков и распределяться поровну между крестьянами...»⁵⁰.

⁴⁷ Материалы к вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности ..., Саратов, 1903 г., стр. 48.

⁴⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 74.

⁴⁹ ГАСО, ф. № 1, 1895, д. 63, л. 17.

⁵⁰ Там же, 1895 г., д. 58, л. 44.

Во время всеобщей переписи населения 1897 года в селениях Чаадаевской волости Кузнецкого уезда распространился слух, что «после переписи всех господ сошлют в одну губернию, где нарежут им землю и лес, а крестьянам отрежут землю здесь... тогда им будет житье хорошее»⁵¹.

В деревне Судаچه Аткарского уезда при толковании манифеста от 14 ноября 1894 года утверждалось, что «недоимки, числящиеся за крестьянами, прощены».

«...Неправильное толкование всемилостивейшего манифеста,—писал уездный исправник саратовскому губернатору,—несколько затруднило успешное взыскание податей...»⁵².

Среди крестьян еще распространена была вера в царя и надежда разрешить вопрос о земле мирным путем—путем подачи прошений в соответствующие органы власти о передаче им помещичьей земли. В прошениях крестьяне ходатайствовали о прирезке земли к их наделам за счет помещичьих угодий. Например, жители деревни Ильмень Росташовской волости Балашовского уезда 30 ноября 1897 года на сельском сходе «составили приговор и просьбу на высочайшее имя о нарезке им из владений вдовы генерал-майора М. Г. Раевской земли до полного надела, по 4,5 десятины на душу...»⁵³.

Саратовский губернатор в своем сообщении министру внутренних дел по данному вопросу писал, что крестьяне это сделали «без ведома начальства... и что крестьяне насильно притащили сельского старосту на сход, избili и отняли у него печать, которую приложили к вышеупомянутому приговору...»⁵⁴, а затем приговор сельского общества отправили 1 декабря 1897 г. в Петербург на имя сената за счет средств сельского старосты.

На этом и закончилось ходатайство ильменских крестьян перед Сенатом⁵⁵. Один из инициаторов этого дела крестьянин бедняк Иван Федорович Быков (бывший солдат) был арестован «за писание неправильного реше-

⁵¹ ГАСО, ф. № 1, 1897 г., д. 41, лл. 16—17.

⁵² Там же, 1895 г., д. 58, лл. 50—51.

⁵³ ГАСО, ф. № 1, 1897 г., д. 91, О беспорядках крестьян деревни Ильмень, л. 3.

⁵⁴ Там же, л. 17.

⁵⁵ Там же.

ния», а затем был выслан из Саратовской губернии на два года.

Несколько иной характер носила борьба крестьян за землю в Романовском обществе Балашовского уезда. В Романовской волости помещик князь Волконский во время нарезки земель крестьянам по «Положению 19 февраля 1861 года» утаил 174,5 десятины крестьянской земли. Через несколько лет крестьянская земля, утаенная и захваченная помещиком, была обнаружена землемером Семеновым, который производил межевые работы в Романовке. Крестьяне обратились к Волконскому с ходатайством о возврате принадлежавшей им земли. В 1897 году начались переговоры крестьян с помещиком и его управляющим по поводу возврата земли. В ходе переговоров вскрылось надменно-издевательское отношение Волконского к крестьянам.

В своем письме в Романовское волостное правление от 11 июня 1898 года Волконский писал: «С крестьянами я ни общего владения, ни земельных сделок никаких не имел. Посему ответчиком за неправильное наделение их землею я себя не признаю и быть таковым не могу. Помимо сего, со времени наделения крестьян землею прошло уже 34 года, а со времени моего владения— 28 лет, что полагает конец исковым делам по настоящему предмету»⁵⁶.

Далее помещик писал: «Всякая прирезка земли крестьянам возможна лишь как добровольный с моей стороны дар», что его добрая воля зависит от добрых отношений к нему со стороны крестьян, а между тем он от них видит якобы только неприятности, «дошедшие до спуска принадлежащего ему озера и даже до денных и ночных порубок леса и оскорбления его служащих»⁵⁷.

Саратовский губернатор в своем представлении в департамент полиции по этому вопросу был вынужден признать, что «такое положение дела и в особенности заявление князя Волконского, посланное в Романовское волостное правление, не может содействовать улучшению тех отношений, которые установились между кре-

⁵⁶ ГАСО, ф. № 1, 1897 г., д. 91, О беспорядках крестьян в дер Ильмень, л. 36.

⁵⁷ Там же.

стьянами с. Романовки и экономией князя Волконского»⁵⁸. Однако губернатор заверял департамент полиции, что «беспорядков он не допустит». Для этого у него была и полиция и воинские команды.

В 1897 году крестьяне Тепловской и других волостей Саратовского уезда обратились в Петербург с прошением передать им бывшие земли графа Воронцова-Дашкова.

Крестьяне Тепловской волости ходатайствовали о передаче земли многократно. Крестьянский поземельный банк, в руках которого было имение графа Воронцова-Дашкова, и управляющий имением решили уступить крестьянам земли, за исключением леса, в количестве 31000 десятин «с уплатой 10 процентов, как бы в задаток, что составит 280000 рублей, или передать им во владение по расценке ту землю, которая ими до настоящего времени снималась, или землю сдать в шестилетнюю аренду с тем, чтобы одна четвертая часть арендной платы зачислялась в выкупную сумму»⁵⁹. Условия, продиктованные Крестьянским поземельным банком и управляющим имением, были кабальными. Даже саратовский уездный исправник считал, что невозможно для крестьян выплатить такой задаток, что сама аренда земли до ее покупки для крестьян невыгодна, так как земля низкого качества. Но то, что было невыгодно для крестьян, являлось исключительно выгодным для помещика.

Крестьяне отказались от кабальных условий аренды и покупки земли, оставшись без крайне необходимых для них пахотных и других хозяйственных угодий. Просьба крестьян села Тепловки также осталась неудовлетворенной.

Особенно затяжной характер приняла борьба за землю крестьян села Сухого Карабулака Саратовского уезда с помещиком князем Щербатовым. Борьба шла из-за 16500 десятин земли, составлявших так называемую «Шахматовскую пустошь». Этот участок земли был куплен сухокарабулакскими крестьянами на имя помещика Апраксина еще в 1801 году.

Апраксин присвоил «Шахматовскую пустошь» и рас-

⁵⁸ ГАСО, ф. № 1, 1897, д. 91, л. 30.

⁵⁹ ГАСО, ф. № 1, 1897—1898 г., д. № 41, лл. 248—249.

поряжался ею, как хотел. Через некоторое время Апраксин передал этот участок земли своему зятю, князю Щербатову, и, «наконец, он попал по наследству к сыну князя—Щербатову В. А., который был некоторое время саратовским губернатором».

Крестьяне в течение нескольких десятилетий добивались передачи им захваченной у них земли. Они писали прошения на имя губернатора, министра внутренних дел, в сенат и, наконец, императору Александру III. И все безрезультатно.

Пытались крестьяне действовать силой и тоже не смогли достигнуть цели. Выступления крестьян подавлялись, а «спорная» земля так и оставалась в руках Щербатова.

В 1888 году крестьяне стали настойчиво требовать у помещика передать им «Шахматовскую пустошь», угрожая в противном случае захватом указанной земли. Выступление крестьян было предупреждено саратовским губернатором, направившим в Сухой Карабулак два батальона солдат.

После этого крестьяне хотели решить вопрос о спорной земле мирным путем. Они большой толпой явились в Саратов, надеясь на то, что губернатор их примет, выслушает и удовлетворит просьбу. Вместо приема и удовлетворения просьбы крестьян саратовский губернатор арестовал несколько десятков человек, а остальных под конвоем вывел из города.

В 1890 году крестьяне делают новую попытку самовольной заправки «Шахматовской пустоши», а также забирают в свои руки помещичью мельницу, однако ввод в село воинской команды приводит к подавлению выступления.

Полиция и войска учинили над крестьянами Сухого Карабулака массовую расправу. Арестовано 200 человек, выслано из села 16 жителей⁶⁰.

В борьбе за «Шахматовскую пустошь» вместе с сухокарабулакскими крестьянами участвовали крестьяне села Усовки, деревень Софьино, Ключей и Андреевки, но и их выступления также были подавлены.

Наступательный характер носила борьба крестьянства

⁶⁰ ГАСО, ф. № 1, 1900 г., д. 96, лл. 36—37.

за землю в форме самовольных потрав помещичьих посевов, пастбищ и лугов, захвата помещичьего урожая, леса и т. п. Так, например, крестьяне деревень Росташовской волости Балашовского уезда систематически производили потравы кормовых угодий на полях экономии помещицы Раевской. Управляющий хутором имения Раевской Шатилов говорил, что крестьяне «как бы на зло стараются каждую ночь выгонять больше скота и пастись его на расходах (лугах) экономии»⁶¹.

Выступления крестьян Росташовской волости характеризовали переход к активным формам классовой борьбы в деревне.

2 октября 1897 года управляющий имением Раевской Андриенков загнал крестьянский скот, находившийся на помещичьих лугах, в кошары помещичьего хутора. Управляющий намерен был взять с крестьян штраф за потраву помещичьих лугов. Но как только крестьянский скот оказался захваченным, у кошар помещичьего хутора сразу же появились хозяева лошадей—крестьяне деревни Грачевки Росташовской волости. Крестьяне в количестве более 100 человек, пешие и конные, вооруженные кольями, вилами, граблями, потребовали от помещичьих караульщиков открыть кошару и выпустить лошадей, а когда караульщики отказались это сделать, сами открыли кошару и забрали свой рабочий скот. Грачевские крестьяне не только забрали своих лошадей, но и расправились со слугами и работниками помещичьей экономии, загонявшими крестьянских лошадей, а объездчику В. Е. Полякову раскроили кольями голову»⁶².

Выступление крестьян в Росташовской волости вызвало вмешательство саратовского вице-губернатора Высоцкого, который потребовал от балашовского исправника личного выезда на место «беспорядков» и принятия мер. Репрессиями «порядок» был восстановлен.

В выступлениях крестьянства 90-х годов были случаи нападений на помещиков и их управляющих имениями. Так, в селе Аркадаке Аркадакской волости Балашовско-

⁶¹ ГАСО, ф. № 1, 1897—1898 гг., д. 89. О беспорядках крестьян села Грачевки Балашовского уезда, л. 1.

⁶² ГАСО, ф. № 1, 1898 г., д. 89. лл. 154—159.

го уезда в базарный день 21 июля 1897 года крестьянами, приехавшими наниматься на аркадакский рынок найма рабочей силы, был избит один из нанимателей—дворянин Поленов. Крестьяне действовали настолько смело, что бросили избитого помещика в здание аркадакского волостного правления.

В 1895 году в деревне Хананевке Липовской волости Саратовского уезда крестьяне напали на дом помещицы Левашовой и разгромили его⁶³.

Наиболее широкое распространение в Саратовской губернии в 90-х годах XIX века получили поджоги помещичьих имений. Особенно много было поджогов во второй половине 90-х годов. По подсчетам автора данной работы, только за 4 года с 1896 по 1899 г. в губернии был 101 поджог, в результате чего уничтожено имущество помещиков-крепостников в 75 имениях, кулаков и зажиточных крестьян — в 13 хозяйствах.

Крестьяне уничтожали имущество не только помещиков и новой, нарождающейся сельской буржуазии, но и хозяйства ненавистных им представителей власти на местах—сельских старост, волостных старшин и т. д., применявших полицейско-крепостнические методы при сборе податей, повинностей и устраивавших самоуправство в деревне (13 поджогов).

Поджоги помещичьих имений в преобладающей своей части были распространены там, где сильнее всего чувствовался гнет помещиков, где малоземелье крестьянства больше всего давало себя знать, т. е. в северо-западной и центральной части губернии (76 поджогов). В Петровском уезде было 18 поджогов; в Сердобском—17, в Балашовском—13, в Аткарском—13, в Вольском—15, в Саратовском—6, в Кузнецком—6, в Камышинском—5, в Хвалынском—4 и в Царицынском—4 пожара.

Крестьяне, поджигая имения помещиков и других частных владельцев, преследовали цель—«выкурить» помещиков из их имений, нанести им наибольший ущерб. Помещичьи имения поджигались несколько раз. Так.

⁶³ ГАСО, ф. № 1, 1895, д. 117. Ведомость о происшествиях по Саратовскому уезду за 2 половину декабря 1895 г., л. 32.

дважды подвергалась поджогам экономия князя Щербатова в Саратовском уезде, имение Устинова в Петровском уезде, имения Козловского и Беклемишевых в Сердобском уезде; трижды горели имения князя Гагарина в Камышинском и Петровском уездах, имение княгини Ливен в Вольском уезде, экономия Львовых в Балашовском уезде. Более трех раз поджигались владения дворянина Аплечеева в Вольском уезде. Подвергались огню имения графа Шувалова, Уварова, Орлова-Денисова и других.

От поджогов и пожаров владельцы имений несли значительные убытки. Так, поджогов с убытком до 100 рублей было 5, от 100 до 300 рублей—19, от 300 до 500 руб.—15, от 500 до 1000 рублей—20, от 1000 до 3000 рублей—17, от 3000 до 5000 рублей—8, в 5000 рублей и более—11 и т. д.

Приведенные данные говорят о преобладании крупных пожаров, от которых убытки были свыше 500 рублей в среднем на хозяйство (56 пожаров). Причем 11 пожаров исключительно крупных с общим убытком в 165.023 рубля (в среднем более 15.000 рублей на одно помещичье хозяйство).

Выступления крестьян против помещиков при помощи огня показательны не только в том отношении, что они были более распространенными в конце XIX века формами борьбы, но и тем, что в них отчетливо видно направление главного удара крестьянства, наносимого по крупному землевладению ($\frac{2}{3}$ общего числа пожаров). Поджоги помещичьих имений были характерны для крестьянского движения, которое еще продолжало оставаться неорганизованным, стихийным, и тем более в то время, когда у крестьян была сильна вера в возможность решить земельный вопрос путем просьб к царю. Однако в результате столкновения крестьян с помещиками и государственным аппаратом у отдельных крестьян начинает зарождаться сознание того, что путем прошений землю получить не удастся.

Как сообщалось в одном полицейском донесении, в споре трех крестьян Аткарского уезда по поводу российских законов один из них, Ефим Захаров, заявил: «Подделом убили государя императора Александра Никола-

евича, не сумевшего управлять государством, и этого не минует и настоящий государь»⁶⁴.

**
*

В сельском хозяйстве Саратовской губернии в конце XIX века, как и во всей России, происходило дальнейшее развитие капитализма. Капиталистическая эволюция земледелия была характерна и для помещичьего и для крестьянского хозяйства и вне и внутри общины.

Однако капиталистическое развитие сельского хозяйства задерживалось крепостническими пережитками, основой которых было помещичье землевладение. Остатки крепостничества являлись причиной отсталости сельского хозяйства, тормозом развития производительных сил не только сельского хозяйства, а и всего общественного развития страны. В. И. Ленин писал:

«...Конец XIX века застаёт в России самое острое противоречие между потребностями всего общественно-го развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни»⁶⁵.

Весь ход экономического и политического развития страны требовал разрешения этого противоречия. Капиталистическое развитие сделало настолько значительный шаг вперед в конце XIX века, что сохранение остатков крепостничества в сельском хозяйстве стало совершенно невозможным. Борьба против пережитков крепостничества должна была стать и стала основой довольно значительного крестьянского движения. Одним из примеров, подтверждающих такой вывод, является крестьянское движение в Саратовской губернии.

Крестьянское движение в Саратовской губернии в конце XIX века явилось составной частью борьбы крестьянства России. Но в силу того, что крестьянские выступления в 90-х годах были стихийными и разрозненными и почти совершенно не связанными с рабочим движением,

⁶⁴ ГАСО, ф. № 1. 1895 г., д. 52, л. 24.

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 74.

они потерпели поражение. Крестьяне боролись против помещиков, продолжая в своей массе еще верить в царя. Об этом свидетельствуют факты подачи крестьянами прошений, посылка крестьянскими обществами своих ходатаев в правительственные учреждения с ходатайствами о передаче помещичьей земли крестьянам.

Крестьянское движение 90-х годов в России, в том числе и в Саратовской губернии, потерпело поражение и, несмотря на это, оно сыграло свою положительную роль. Крестьянские выступления конца XIX века своими ударами по помещичьему землевладению подрывали основы самодержавно-помещичьего строя России.

Крестьянское движение в конце XIX века явилось одним из этапов, подготавливавших революционное выступление крестьянства, которое развернулось в начале XX века под влиянием и руководством рабочего класса, когда во главе пролетариата стала Российская социал-демократическая партия большевиков, созданная великим Лениным в 1903 году.

ДЕКАБРИСТ М. Ф. ОРЛОВ И МОСКОВСКИЙ СЪЕЗД СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

В лице Михаила Федоровича Орлова исследователь сталкивается с одним из самых оригинальных и своеобразных русских политических деятелей. Аристократ по происхождению и положению, потомок екатерининских Орловых, стал одним из самых ярких сторонников капиталистического развития России. Знатность, богатство, связи, ум, бесспорный военный талант и способности настоящего государственного деятеля открывали Орлову дорогу к самым высоким постам в «империи фасадов», как назвал царскую Россию де'Кюстин.

Друзья Орлова — П. Д. Киселев, А. А. Закревский, его брат А. Ф. Орлов стали впоследствии звездами первой величины на тусклом николаевском сановном небосводе. Казалось, такая же карьера ожидала и адъютанта начальника главного штаба П. М. Волконского — «Мишу Орлова», как ласково называл его сам Волконский, неизменно покровительствовавший Орлову. Но судьба его сложилась иначе. Орлов отказался от карьеры слуги самодержавного царя и стал противником русского абсолютизма — декабристом.

Михаил Федорович Орлов был одним из участников Московского съезда Союза Благоденствия 1821 года. Его поведение там до сих пор служит предметом горячих

споров, и это неудивительно — сам Московский съезд изучен еще недостаточно. В распоряжении исследователей имеется рассказ Якушкина, так освещающий позицию Орлова: «Орлов привез писанные условия, на которых он соглашался присоединиться к Тайному обществу <...> он старался доказать, что тайное общество должно решиться на самые крутые меры <...> и даже прибегнуть к мерам, которые могут казаться преступными. Во-первых, он предлагал завести тайную типографию или литографию, посредством которой можно бы было печатать статьи против правительства и потом в большом количестве рассылать по всей России. Второе его предложение состояло в том, чтобы завести фабрику фальшивых ассигнаций, через что, по его мнению, Тайное общество с первого раза приобрело бы огромные средства и вместе с тем подрывался бы кредит правительства. Когда он кончил, все смотрели друг на друга с изумлением. Я, наконец, сказал, ему, что он, вероятно шутит <...>, на возражения наши он сказал, что, если мы не принимаем его предложений, то он никак не может принадлежать к нашему Тайному обществу»¹.

Другим документом, из которого можно почерпнуть сведения о поведении Орлова на съезде, является донесение Грибовского, члена коренного совета Союза Благоденствия, предавшего своих товарищей и ставшего после волнения Семеновского полка организатором тайной полиции в гвардии². Ренегат декабризма сообщал, что на съезде «Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению, настаивал на учреждении «невидимых братьев», которые бы составляли центр и управляли всем; прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дань, не ведая кому; о заведении типографии в лесах, даже

¹ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М. 1951, стр. 43.

² По-видимому, записка Грибовского была представлена сначала Бенкендорфу, в то время начальнику штаба отдельного гвардейского корпуса, непосредственно вместе с Васильчиковым руководившему тайной полицией в гвардии. В конце концов, она дошла до Александра I и хранилась в его кабинете.

делании там фальшивых ассигнаций для доставления Обществу потребных сумм»³.

В «*La Russie et les Russes*» об этом не говорится ни слова⁴. Но было бы странно, если бы их автор Н. И. Тургенев, пытавшийся в своей книге представить декабризм как невинный либерализм, рассказывал о подобных отнюдь не невинных вещах. Не подтверждают версию Якушкина-Грибовского и показания другого участника съезда, Н. Комарова, упоминавшего лишь об «отречении» Орлова и о неудачных попытках уговорить его вернуться в Союз Благоденствия⁵. Следует, однако, учесть, что Комаров не пользовался доверием членов тайного общества, опасавшихся доноса с его стороны, и не присутствовал на заседаниях съезда⁶. Еще один участник съезда — Граббе — вообще обходит молчанием орловское выступление. Однако С. Н. Чернов в своей работе о московском съезде совершенно справедливо заметил, что старику Граббе, ставшему важным сановником и давно порвавшему с убеждениями своей молодости, вовсе не хотелось компрометировать себя «карбонарскими» воспоминаниями.

Итак, в распоряжении исследователей имеется два свидетельства о том, что Орлов на съезде призывал членов тайного общества к самым энергичным действиям, в самое ближайшее время, по-видимому, вплоть до немедленного вооруженного восстания или, по крайней мере, энергичной подготовки к нему. Только в таком случае становится понятным выражение Якушкина о «крутых мерах» и свидетельство Грибовского, что Орлов «ручался за свою дивизию» и требовал «действовать по своему усмотрению». К этому времени члены Союза Благоденствия уже были сторонниками «военной революции». Следовательно, «крутые меры» в представлении Якушкина означали нечто большее,

³ «Декабристы. Сборник отрывков из источников». Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М.—Л. 1926, стр. 114.

⁴ «*La Russie et les Russes*» par N. Tourgueneff, Bruxelles, 1847, тт. I—III.

⁵ М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов». Киев. 1906, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 33; Якушкин, «Записки», стр. 43.

чем просто предложение о восстании. Нам кажется, что Орлов предлагал либо немедленное восстание, либо восстание в самое ближайшее время. «Ручательство» его за дивизию делает такое предположение весьма правдоподобным.

И Якушкина и Грибовского удивили такие предложения Орлова, казавшиеся им фантастическими и нелепыми. Оба они сходились в том, что участники съезда отвергли план Орлова⁷.

И Якушкин и Грибовский пытались объяснить непонятное им поведение Орлова. Много лет спустя в своих мемуарах Якушкин писал: «помолвленный на Раевской, в угодность ее родным он <Орлов>⁸ решился прекратить все сношения с членами тайного общества»⁹. Грибовский же считал причиной особой позиции Орлова на съезде изменение его образа мыслей, отречение от сводоблюбивых идей¹⁰.

Версии Якушкина и Грибовского вызвали горячие споры историков, не прекратившиеся до сего времени. Поведение Орлова на съезде разбирается в целом ряде работ, лучшая из которых статья С. Н. Чернова «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года»¹¹. Чернов утверждал в ней, что «Орлов на съезде не выдерживал новых отсрочек <...>. Он был не заговорщик, а государственный деятель с широкими планами и осознанной возможностью их осуществления. Отсюда психологически создавался его разрыв с большинством. Это с одной стороны; а с другой — решительность М. Ф. Орлова, обусловленная его уверенностью в своей дивизии». По мнению С. Н. Чернова, Орлов намеревался или добиться согласия тайного общества на немедленное вооруженное восстание или, в противном случае, отказаться от политики и посвятить себя семейной жизни¹².

⁷ Якушкин. «Записки», стр. 43—44; «Декабристы. Сборник отрывков и источников», стр. 114.

⁸ Орлов В. П.

⁹ Якушкин. «Записки», стр. 43—44.

¹⁰ «Декабристы. Сборник отрывков и источников», стр. 114.

¹¹ С. Н. Чернов. «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года». Саратов. 1925.

¹² С. Н. Чернов. «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года», Саратов, 1925, стр. 16—28, 33.

Один из новейших исследователей Орлова, В. Г. Базанов, в общем соглашаясь с Черновым, дает другое объяснение отречению Орлова от общества. В своей книге о Раевском он пишет: «Может быть, Орлов после провала его предложения действительно сказал в Москве о прекращении своей деятельности, но сказал это для отвода глаз, а про себя думал совсем другое и помышлял отвергнутый план привести в действие»¹³.

Очень интересную трактовку поведения М. Ф. Орлова на съезде дает М. В. Нечкина в капитальном труде «Движение декабристов». Выдающаяся исследовательница декабризма справедливо указывает, что наиболее интенсивный период политической деятельности Орлова падает на 1821—1822 годы, т. е. после съезда. Поэтому версии Якушкина и Чернова отпадают. В то же время она считает, что часть предложений Орлова показалась Якушкину непонятной потому, что он в эти годы «несколько оторвался от жизни тайного общества»¹⁴. С этим трудно согласиться. Как раз перед съездом Якушкин побывал в Тульчинской управе Союза Благоденствия, а еще раньше много беседовал с Фонвизинскими, П. Х. Граббе. К тому же, по свидетельству Якушкина, предложениями Орлова были изумлены все. Их неприемлемость для съезда очевидна — орловские предложения не были приняты.

Нам кажется, что эти выводы С. Н. Чернова, В. Г. Базанова и М. В. Нечкиной нуждаются в некотором уточнении. Думается, что к концу 1820 г. Орлов окончательно пришел к мысли о необходимости вооруженного восстания в России в самое ближайшее время. Вполне вероятно, что он заранее решил, в случае отказа Московского съезда принять его план, действовать помимо руководства Союза Благоденствия. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Чернова, будто перед Орловым стояла дилемма: или немедленное восстание, или только личное счастье с отказом от политической борьбы. Что же касается мнения Базанова о причинах ухода Орлова из общества, то оно также представляется нам не совсем

¹³ В. Базанов. «Владимир Федосеевич Раевский». М.—Л. 1949, стр. 56.

¹⁴ М. В. Нечкина. «Движение декабристов», том I. М. 1955, стр. 327—328.

верным: Орлову незачем было объявлять о своем отречении от общества из конспиративных соображений, ибо он, конечно, знал о готовящемся решении относительно роспуска Союза Благоденствия.

Для того, чтобы выяснить действительные причины поведения Орлова на съезде, необходимо изучить его взгляды и деятельность до и после Московского съезда. Итак, начнем с «предсъездовского» периода (1818—1820 годы).

* * *

Уже в 1818 г. Орлов выступал как сторонник буржуазной представительной системы. К этому времени он давно потерял веру в Александра I и в то же время мечтал о российской конституции. В его письме из Киева от 4 мая 1818 г., адресованном к П. А. Вяземскому, говорилось по поводу варшавской речи Александра I: «Что сказать о Варшаве? Я читал речь государя и принял с радостью душевные обеты его для России. С сим словом отверзлись для него двери бессмертия». Но только двери, по мнению Орлова. Он не особенно верил в искренность императорских намерений и продолжал: «но венок лишь тогда ему достичь от потомства, когда рука его водворит у нас закон и конституцию. Тогда провозглашу его великим, а Россию счастливой»¹⁵. Нельзя не признать, что Орлов рассуждал чрезвычайно трезво. Известно, что многие либералы в России восприняли варшавскую речь, как зарю новой эры русской истории—эры конституции. Эти надежды усугублялись поручением Аракчееву написать проект об освобождении крестьян, а Новосильцеву — проект Уставной грамоты. Как видно из приведенной цитаты, Орлов не предавался этой иллюзии. Он мечтал о конституции. Но какой: аристократической или буржуазно-демократической? Автору кажется, что буржуазно-демократической.

К этому времени между М. Орловым и Н. Тургеневым не было разногласий по вопросу о конституции, а Тургенев в 1818 г. выступал поборником буржуазно-демократической конституции. Вышеприведенное письмо адресовано Вяземскому—стороннику буржуазной кон-

¹⁵ «Литературное наследство», т. 59, М. 1954, стр. 565.

ституции. Между тем Орлов, останавливаясь на этом вопросе, не делает никаких объяснений, оговорок и т. д. Очевидно, он подразумевает под конституцией то же, что и Вяземский.

В 20-е годы жажда видеть конституционное правление в России у Орлова непрерывно росла. 28 февраля 1820 г. он писал о себе Вяземскому: «В кого влюблен? В представительное правление, во все благородные мысли, во всех благородных людей, в числе коих и тебя полагаю. Живу с Бенжаменом Констаном, с Бен-тамом и с прочими писателями сего рода. Иногда от нашего бракосочетания рождаются уродливые вымыслы. Из всех детей, прижитых мною, любимый есть надежда, но, к несчастью, час от часу чахнет»¹⁶.

Итак, Орлов в 1820 г. — поборник «представительного правления». Этот термин в первой четверти XIX века имел совершенно определенный смысл — буржуазно-демократический парламент. Орлов не мог не знать этого. Следовательно, употребляя такой термин, он имел в виду не аристократическое, а буржуазное представительство. Интересно упоминание Орлова о его изучении произведений Констана и Бентама. Орлов не только брал готовые положения их теорий, но преломлял и развивал их в соответствии с собственными мыслями. Но все же он приемлет идеи Констана и Бентама, они ему нравятся. Чем же импонировало декабристу М. Ф. Орлову учение идеологов западно-европейской либеральной буржуазии?

Известно, что Бенжамен Констан был наиболее видным представителем французской либеральной буржуазной мысли, особенно в период реставрации. Французская буржуазия, смертельно боявшаяся повторения и якобинской диктатуры и «старого порядка», была заинтересована в свободе конкуренции. Для такой буржуазии французская просветительная философия XVIII века, с учением Руссо о суверенитете народа, в качестве идеологии была явно неподходящей. Вместо революционной просветительной философии XVIII века идеологи французской буржуазии выдвинули теорию политического либерализма. Наиболее видный ее представитель

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. Вяземских (195), опись 1, д. № 2480, л. 3.

—Бенжамен Констан, выступавший за классовый компромисс дворянства и буржуазии в интересах последней. Констан вел борьбу, с одной стороны, против феодалной реакции, а с другой — против якобинских идей и поднимавшегося на борьбу пролетариата, против утопического социализма. Для Констана было приемлемо только государство крупной буржуазии в форме конституционной монархии или буржуазно-демократической республики. Поэтому во французской революции он признавал законным лишь жирондистский этап¹⁷. Поэтому же он бичевал деспотизм Наполеона, стеснявший свободу конкуренции, личную свободу буржуа¹⁸.

Констан пытался доказать несостоятельность идей Руссо и Мабли о суверенитете народа, о народовластии. Древние, доказывал Констан, имели политическую, но не имели личной свободы. В современных же государствах, по его мнению, политическая свобода потеряла свою ценность. В обширных государствах прямое народовластие невозможно, а представительная система делает большую часть нации безразличной к политической свободе. Поэтому главная задача современности — расширить и укрепить личные права граждан. В понятие личной свободы Констан включал столь дорогую каждому буржуа свободу конкуренции, право передвижения по стране, свободу печати, культов и т. д. Чем слабее государственная власть, тем больше личной свободы у граждан. Отсюда необходимость ограничить власть государства. Королевская власть ограничивается представительным парламентом и по существу не играет никакой роли. Правом голоса при выборах в парламент пользуются только имущие, т. к., по мнению Констана, только они получают образование и могут правильно понимать интересы нации.

Констан резко выступал против социалистических идей¹⁹. Кроме того, он доказывал необходимость сохранения в конституционной монархии дворянства и нас-

¹⁷ Constant. «Des réactions politiques». Paris 1797.

¹⁸ Constant. «De l'esprit de conquête et des l'usurpation» Paris 1813.

¹⁹ Constant. «Cours. de politique constitutionnelle» и «Principes de politique» Paris 1813. О Констане см. Б. Чичерин. «История политических учений», часть пятая, М. 1902, стр. 300—328; Бутенко «Политические партии во Франции в период реставрации», М.

ледственной аристократии, из которой король назначает пэров в верхнюю палату (парламентская система Констана была двухпалатной). Как правило, по теории Констана, граждане обязаны повиноваться законам, но если законы противоречат нравственности, если законы не «истинны», то им можно не повиноваться, — типично буржуазно-либеральная трактовка подчинения властям.

Классовый смысл учения Констана совершенно очевиден: оно призвано доказать необходимость политического господства крупной и средней буржуазии в союзе с дворянством, обеспечить буржуазную свободу конкуренции, гарантировать личную свободу буржуа, не допустить повторения якобинской диктатуры или деспотизма Наполеона, словом, создать буржуа наиболее благоприятную обстановку и уберечь его от всякого рода «крайностей».

Для Франции первой четверти XIX века теория Констана была относительно прогрессивной, как боровшаяся с попытками реставрации феодального строя. Для России же эта теория имела еще более прогрессивное значение, т. к. отвечала главной задаче, стоявшей тогда перед русскими дворянскими революционерами — переходу к буржуазному строю. Констан, его сочинения и учение пользовались чрезвычайной популярностью не только во Франции периода реставрации, но и далеко за ее пределами.

Что же брал из учения Констана Орлов?

Конечно, Орлову были близки идеи Констана о личной свободе граждан, о невмешательстве государства в частную жизнь, о свободной конкуренции. Импонировали ему и доказательства Констана против и якобинской диктатуры и абсолютной монархии, деспотизма. Орлов сочувственно воспринимал и идею Констана о конституционной монархии, как наилучшей форме правления.

Однако вряд ли Орлову нравилось в учении Констана абсолютно все. Ему чужд был тезис, будто гражданам в современном государстве безразлична политиче-

1913 «История XIX века» под ред. Лависса и Рамбо, т. III. М. 1938. С. Ф. Кечекьян. «Политическое учение Бенжамена Констана» (Проблема социалистического права, сборник 5. М. 1939. стр. 139—167), г. Lauris, «Benjamin Constant et idées liberales», Paris 1904.

ская свобода. Наоборот, Орлов горячо проповедовал ее необходимость. Вероятно, не мог согласиться Орлов и с отрицанием Констаном теории Руссо о суверенитете народа. Орлов понимал представительную систему как народный суверенитет. Правда, под народом он, очевидно подразумевал лишь дворянство и буржуазию.

Что привлекало Орлова в учении Бентама?

Взгляды этого идеолога английской либеральной буржуазии последней трети XVIII века — первой трети XIX века были почти аналогичны констановским. Кроме того, Бентам выдвинул и развил принцип утилитаризма. Бентам полагал, что люди во всех своих действиях руководствуются пользой и не будут себе делать вреда. Поэтому государство должно лишь охранять собственность, безопасность и личную свободу граждан, но не вмешиваться в экономические отношения и личную жизнь граждан. Бентам — пропагандист буржуазного равенства, он — противник многих феодальных анахронизмов в Англии. В то же время Бентам обрушивался на французскую революцию и не только на якобинскую диктатуру, но и на «Декларацию прав человека и гражданина», выступал с критикой теории естественного права. Разумеется, последнему Орлов не мог сочувствовать, но учение о невмешательстве государства в экономическую жизнь, восхваление буржуазного общественного строя и государства, конечно, привлекало внимание Орлова.

Какие же «вымыслы» родились в голове Орлова от «бракосочетания» с идеями Констана, Бентама и т. п.? Вероятно, он использовал эти идеи для обоснования необходимости введения конституции в России, представительного правления, невмешательства государства в частную жизнь граждан.

О конституции в эти годы Орлов мечтал постоянно и радовался хотя бы малейшему намеку на нее. В июне 1820 г. Орлов встретился с С. И. Тургеневым, проезжавшим через Киев в Стамбул, к новому месту службы. Незадолго до этого С. Тургенев виделся в Варшаве с П. А. Вяземским и много говорил с ним об «Уставной грамоте»²⁰, в составлении которой принимал участие и

²⁰ ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР, архив братьев Тургеневых, д. 26, л. 67.

П. А. Вяземский. Орлов писал ему 15 июня 1820 г.: «У меня был здесь Тургенев и жил дни с четыре. Он едет в Царь-Град и теперь уже там, вероятно. Я кой-что нового узнал, неожиданного, приятного сердцу гражданина. Ты меня понимаешь. Хвала тебе, избранному на приложение. Да будет плод пера твоего благословен вовеки!»²¹. Орлов имел в виду, конечно, составление «Уставной грамоты»²². Но радуясь ее предполагаемому появлению, Орлов не верил, что царь даст России настоящую конституцию, тем более в ближайшее время. Заметим, что конституция для Орлова была неразрывно связана с уничтожением крепостного права. Он продолжал в том же письме: «Но когда благодать снизойдет на нас? Когда слеза рабства иссохнет на ланитах, украшенных улыбкою вольности? Неужели не доживу до сего благословенного мгновения? Вот надежды мои, вот отчего биение сердца и волнение ума. Друг мой, тогда только назову себя счастливым, когда мы все вместе шастия вкусим»²³.

Орлова привлекал конституционный строй в Западной Европе; в русском же государстве, по его мнению, подданные находились в рабстве. 25 июня 1820 г. он писал П. А. Вяземскому: «ты <...> в сношении с Европою, ты живешь на краю рабства и, так сказать, отворив окошко, можешь набираться вольным и свежим воздухом»²⁴.

Интересуясь вопросами представительного правления вообще, Орлов внимательно следил за работой польского сейма, отчеты о деятельности которого он регулярно получал от Вяземского. Не довольствуясь этим, Орлов просил своего приятеля ответить ему на ряд самых разнообразных вопросов, связанных с сеймом²⁵. В

²¹ ЦГАЛИ, ф. Вяземских (195), д. № 2480, л. 5 об.—6.

²² Предположение, что речь шла о попытке создания легального общества освобождения крестьян, предпринятого по инициативе П. А. Вяземского и С. И. Тургенева, отпадает. Во-первых, об этом незачем было бы сообщать недомолвками, т. к. в другом письме (к А. Раевскому) Орлов прямо говорит о попытках освобождения крестьян. Во-вторых, о предполагаемом обществе Орлов, конечно, знал и раньше. Н. Тургенев не мог не написать ему об этом так же, как и М. С. Воронцову.

²³ ЦГАЛИ, ф. Вяземских (195), д. № 2480, л. 6 об.

²⁴ Там же, л. 7 об.

²⁵ Там же, л. 3,9.

проектировавшемся журнале «Российский наблюдатель в Варшаве» Орлов собирался публиковать сведения о заседаниях сейма, о речах депутатов, кроме того, предполагалось напечатать на русском языке текст польской конституции²⁶.

Мысль о конституции не покидала Орлова и позднее, не только до Московского съезда, но и значительно позднее его. В письме Вяземскому от 22 августа 1822 г. он сам подчеркивал неизменность своих взглядов и чувств по отношению к любимой им родине. «Я все тот же: изнемогаю от отечественной горячки. Неужели не благословит бог увидеть когда-нибудь счастье России?»²⁷. Под последним он подразумевал прежде всего конституцию. Но как ее добиться?

Выше уже говорилось, что в дарование конституции Александром I Орлов не верил. В уже цитированном письме к П. А. Вяземскому от 15 июня 1820 г., в котором Орлов поздравлял своего приятеля с участием в работе над «Уставной грамотой», он писал: «В монархе вижу отдаленное намерение, в себе и некоторых других обретаю страстное желание, но в массе не нахожу ничего, кроме бесчувственного бытия. Мы так напуганы, что и счастья боимся»²⁸. Между тем, сохранение прежних порядков в России чревато большой опасностью. «Какая жатва, — продолжал Орлов, — может быть на поле, которое зарастает осокою. Всякий день озаряет постепенность к падению всего общества. Я не люблю пророчить о дурном. В 1812 г., когда все отчаивались в опасении отечества, я и несколько других проповедовали, что все будет спасено. Но теперь вижу опасность другого рода. Не грозою побита будет жатва, но червями съедена, а червей трудно прокормить. У нас так много пресмыкающихся животных, что нельзя ступить, чтоб кого-нибудь не раздавить»²⁹.

Под «червями», «пресмыкающимися» подразумевались, конечно, царская бюрократия, крепостники-помещики,

²⁶ ЦГАЛИ, архив Вяземских (195) д. № 5083, л. 61. См. нашу заметку в научном «Ежегоднике» Саратовского Государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 1955, стр. 90—94.

²⁷ ЦГАЛИ, архив Вяземских (195), д. 5083, л. 72.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. Вяземских (195), д. № 2480, л. 5—5 об.

²⁹ Там же, л. 5 об.

хапуги-чиновники, бездарные государственные деятели. Не надеясь на монарха, Орлов становится сторонником революционного пути. При этом он предполагал, что революция произойдет в ближайшее время, о чем свидетельствуют слова из его письма к А. Н. Раевскому от 30 мая 1820 г.: «Говорят, что в Риме открыт заговор <...> Везде огонь живет под пеплом, и я очень думаю, что 20-й век не пробежит до четверти без развития каких-нибудь странных происшествий»³⁰. Совершенно очевидно, что «20-й век» появился в письме из-за осторожности. У Орлова не было никаких причин интересоваться 20-м веком, тем более его первой четвертью. Конечно, Орлов имел в виду XIX век. «Странные происшествия», — разумеется, революция, — недаром они ассоциируются с заговором в Риме. Итак, Орлов предполагал, что в первой четверти XIX века произойдет революция. Он не уточнял, в какой именно стране, но его слова «Везде огонь живет под пеплом»³¹ не оставляют сомнений в том, что Орлов имел в виду всю Европу, в том числе и Россию.

Орлов не только верил в приближение революции, но и всячески пропагандировал ее. Это знали его многочисленные приятели. Недаром один из друзей Орлова, знаменитый Денис Давыдов писал П. Д. Киселеву 15 ноября 1819 г.: «...ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть самовластия с России. Как военный человек, я все представляю себе в военном виде <...>. Я представляю себе свободное правление как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою, приступом — много стоит, смотри Францию». И далее: «Но Орлов об осаде и знать не хочет, он идет в крепость по чистому месту»³². Следовательно, друзьям Орлова уже в 1819 г. было известно, что он сторонник «приступа» — революции. Ссылка на Францию не оставляет в этом сомнений.

О том же свидетельствует и письмо к Орлову П. Д. Киселева, написанное в том же 1819 г. «Все твои суждения в теории прекраснейшие, на практике неисполнимы.

³⁰ ЦГИА, ф. М. Ф. Орлова (1167), д. № 53. «Письма М. Ф. Орлова А. Н. Раевскому», л. 13.

³¹ Подчеркнуто мною — В. П.

³² ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР, ф. П. Д. Киселева, д. 26. 6. 92, л. 7—7 об.

Многие говорили и говорят в твоём смысле, но какая произошла от того кому польза? Во Франции распри заключились тиранством Наполеона <...>. Везде идеологи—вводители нового в цели своей не успели, а лишь дали предлог к большому и новому самовластию правительств». Итак, и Киселев знал о революционных настроениях Орлова, указывал ему на Францию, где **такие же настроения**, вызвав революцию, закончились деспотизмом Наполеона. Кстати, этот довод был в те времена в большом ходу у всех противников революции не только в России, но и Европе вообще. В том же письме Киселев пытался «образумить» Орлова. Он продолжал: «Ты знаешь и уверен, сколь много я тебя уважаю; но мысли твои неправильны и, конечно, с сердцем твоим не сходны. Неудовольствия, грусть, **сношения с красноречивыми бунтовщиками**³³ и, сознаюсь, несправедливое бездействие, в котором ты оставлен,—вот тому причины. Скинь с себя тебе неприличное. Не словами, но делом будь полезен, **оставь шайку крикунов** и устремись отличные качества свои на пользу настоящую. **Преобразованием всего** не каждому быть можно—и не успеешь, я же несколько только—и успеть могу. **Ты полагаешь, что исторгнуть должно корень зла**, а я—хоть срезать дурные ветви»³⁴. Вторая часть этого интереснейшего письма недвусмысленно показывает, что, во-первых, приятели Орлова, в том числе и П. Д. Киселев, несколько не сомневались в тесных связях его с декабристами («Оставь шайку крикунов», «сношения с красноречивыми бунтовщиками»). Во-вторых, не было секретом для них и стремление Орлова коренным образом переустроить общество, совершить революцию («Ты ищешь средств к улучшению участи всех», «Ты полагаешь, что исторгнуть должно корень зла»). Вряд ли Киселев написал бы такое резкое письмо, если бы Орлов не был сторонником революционного пути, если бы он надеялся на реформы Александра I. Итак, уже в 1819 году Орлов выступал как сторонник революции. Едва ли Орлов был исключением среди декабристов в этом отношении. Вероятно, широко распространенное мнение, будто декабристы

³³ Подчеркнуто мной — В. П.

³⁴ «Русская старина». 1887, № VII, с. 228. Курсив наш.—В. П.

только в 1820 г. пришли к признанию тактики военной революции, нуждается в коррективах.

Орлов твердо стоял на революционных позициях, и все попытки «образумить» его потерпели крах, что подтверждает письмо, посланное Д. В. Давыдовым П. Д. Киселеву 2 декабря 1819 г. «Я ему³⁵ давал читать твои письма <...> на счет ожидания законов от самого правительства,—он говорит, что ты похож на гуся Пиго-Лебрена, который топчется в грязи в ожидании благотворного дождя»³⁶. В отличие от П. Д. Киселева, Д. В. Давыдова и пр.; Орлов был уверен в близости революции и все свои надежды связывал именно с ней, яркое подтверждение чему можно найти в его письмах, опубликованных Гершензоном³⁷.

Но как он представлял себе эту революцию? Что он думал о ее движущих силах, об участии в ней народа? В нашем распоряжении нет фактов, прямо отвечающих на эти вопросы. Но есть косвенные данные, позволяющие утверждать, что Михаил Орлов, как, впрочем, и все декабристы, не только не предполагал, не только не хотел народной революции, но даже боялся ее. 19 июня 1820 г. он писал А. Н. Раевскому: «Посылаю тебе несколько газет, в которых найдешь все то же, что и прежде, то есть бесконечные споры между Гасителями, коих не должно пускать тушить, и Светочами, коим не должно позволить жечь»³⁸. Орлов не уточняет здесь, какие именно газеты он посылает, но из других писем к А. Раевскому видно, что посылались (и довольно регулярно) французские и английские газеты. В данном случае речь идет о Франции, и Орлов, очевидно, имел в виду французские газеты, тем более, что термин «Гасители» был заимствован русской публицистикой именно из парижской прессы. По-видимому, Орлов сообщал о напряженной политической борьбе во Франции, развернувшейся в конце мая—на-

³⁵ Орлову — В. П.

³⁶ ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР, ф. П. Д. Киселева, д. 29, 6. 92, л. 9.

³⁷ М. О. Гершензон. «История молодой России». М.—П. 1923.

³⁸ ЦГИА, ф. М. Ф. Орлова, д. 53, л. 12. Вероятно, письмо датировано старым стилем — по новому это было 1 июля. К этому времени Орлов вполне мог получить парижские газеты от начала июня.

чале июня 1820 года в связи с обсуждением палатой депутатов внесенного правительством реакционного избирательного закона. В первых числах июня в поддержку левых партий палаты в Париже состоялись массовые манифестации, прошедшие под весьма умеренными лозунгами³⁹. И если Орлов даже в них видел «зажигателей», то, конечно, он не мог сочувствовать народной революции.

Кроме того, нет ни одного свидетельства о попытках Орлова вести пропагандистскую работу среди крестьянства. И дело вовсе не в том, что такие документы не сохранились. Полицейская слежка за Орловым велась весьма тщательно⁴⁰, а между тем во время процесса декабристов никто и не думал инкриминировать ему попытки «взбунтовать» крестьян. Зато хорошо известна пропагандистская деятельность Орлова среди солдат. Он занимался ею уже в 1818—20-х годах в Киеве, где был начальником штаба корпуса. Тогда это находило свое выражение в широком распространении им ланкастерских школ⁴¹. Но положение начальника штаба, а не командира корпуса сильно стесняло деятельность Орлова. Отсюда его мечты о самостоятельном командовании. В письме к А. Н. Раевскому от 26 марта 1819 г. он признается: «Конечно, лучше быть начальником главного штаба⁴², чем начальником бригады, но еще лучше командовать дивизией»⁴³.

Понятна та радость, с которой встретил Орлов известие о назначении командиром 16 пехотной дивизии, дислоцированной в Молдавии. 27 июня 1820 г. он писал А. Н. Раевскому, что в его дивизии «16 тысяч под ружьем и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить»⁴⁴. Правда,

³⁹ См. Ж. Вейль. «История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г.», русское издание, М. 1907, стр. 14.

⁴⁰ Это не было тайной для самого Орлова, см. его письма от 15 июня 1820 г., 25 ноября 1821 г., ЦГАЛИ, ф. Вяземских (195) оп. 1, д. 2480, л. 5, 13.

⁴¹ Гершензон, вышеназв. соч.

⁴² штаба гвардии. Пост, незадолго перед тем предлагавшийся Орлову — В. П.

⁴³ Гершензон, вышеназв. соч., стр. 16.

⁴⁴ ЦГИА, ф. М. Ф. Орлова (1167), д. № 53, л. 10.

речь шла о войне с Турцией, но понятно, что наличие под командой Орлова более 16 тысяч войск могло лишь укрепить уверенность Орлова в возможности совершения революции. Все сказанное заставляет думать, что Орлов представлял ее себе как **революцию военную**.

Таким был Орлов к концу июня 1820 г., к моменту назначения командиром дивизии. Как мы видели, он считал военную революцию необходимой, но сроков ее не определял, и можно уверенно сказать, что в июне 1820 г., перед отъездом в Молдавию, Орлов не являлся сторонником **немедленной** революции. Таким и знали его руководители Союза Благоденствия, участники Московского съезда. Никто из них больше не видел Орлова вплоть до съезда, за исключением Охотникова. Между тем пребывание в Кишиневе сильно изменило взгляды Орлова в отношении сроков вооруженного восстания.

В Кишинев Орлов приехал, будучи уже членом тайного общества⁴⁵. В своей дивизии он встретил других членов Союза Благоденствия: К. А. Охотникова, полковника Непенина и приехавшего несколько позже В. Ф. Раевского⁴⁶. Опираясь на них, он мог развернуть энер-

⁴⁵ Время вступления Орлова в Союз Благоденствия точно неизвестно. В «Записке», поданной Николаю I 10 января 1826 г., Орлов показывал, что его приняли в тайное общество «июле или августе 1820 года», когда он приезжал через Тульчин в Кишинев. (М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов». Киев. 1906, стр. 6). Н. Муравьев в «Историческом обозрении хода общества» утверждал, что Орлова принял в Союз Благоденствия Александр Муравьев в Москве. Т. к. Александр Муравьев вышел из тайного общества в 1819 г., то это могло произойти не позже 1819 года. (Там же, стр. 50). Муравьевская датировка представляется нам более вероятной. Намерение Орлова издавать журнал (март 1820 г.), призванный стать легальным органом Союза Благоденствия, деятельность М. Ф. Орлова в 1820 г. и участие его в подобной же попытке Н. Тургенева будут более понятны, если принять за истинный второй вариант. К тому же свидетельству самого Орлова верить очень трудно еще и потому, что он писал в крепости, всячески стараясь преуменьшить свою роль в тайном обществе.

⁴⁶ М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», с. 6; Ю. Г. Оксман. «Воззвание к Сынам Севера» в «Очерках по истории движения декабристов». М. 1954, стр. 458.

тичную работу в войсках⁴⁷. Известно, что впоследствии 16 дивизия готова была пойти за Орловым в огонь и в воду. Вполне вероятно, что уже в конце 1820 г. новому командиру удалось завоевать широкую популярность среди солдат искоренением телесных наказаний, человеческим отношением к нижним чинам, постоянной заботой о них, обещаниями, даваемыми через Раевского и Охотникова, освободить народ от крепостного права и от солдатчины⁴⁸.

Естественно, что через несколько месяцев, имея поддержку целой дивизии, Орлов, как революционер, почувствовал себя более уверенно. Уже одно это могло привести Орлова к мысли о возможности начала русской революции в самое ближайшее время. Оторванный от остальных войсковых частей, Орлов мог полагать, что и остальным декабристам, особенно командирам войсковых частей, легко будет поднять солдат на восстание. Положение во II армии могло только усугублять эти надежды. Там было много членов тайного общества, в том числе такой выдающийся деятель, как Пестель. Фактический хозяин в армии, начальник штаба П. Д. Киселев, личный приятель Орлова, знавший о существовании тайного общества⁴⁹, не принимал никаких мер для прекращения деятельности Союза Благоденствия. Начальником штаба одного из корпусов II армии был сочувствовавший целям декабристов Денис Васильевич Давыдов. Вероятно, серьезные надежды возлагались Орловым на кавказский корпус Ермолова. Характерно, что 8 июля 1820 г. в письме к Александру Раевскому Орлов выражал пожелания, чтобы Ермолов создал в Астрахани свободомыслящий печатный орган⁵⁰. Орлов

⁴⁷ М. О. Гершензон. «История молодой России», стр. 16 и следующие; В. Г. Базанов. «Владимир Федосеевич Раевский», стр. 57—73, М.—Л., 1949; он же, «Декабристы в Кишиневе», Кишинев, 1950.

⁴⁸ Там же. Уже 6 августа 1820 г. Орлов отдал приказ, запрещавший телесные наказания солдат. См. «Декабристы. Сборник отрывков из источников».

⁴⁹ «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М. 1951, стр. 36—37.

⁵⁰ ЦГИА, ф. М. Ф. Орлова (1167), д. № 53, л. 8. Этот интересный документ до сих пор не опубликован. Орлов писал: «Без

учитывал, что Ермолову «скучно работать и общего признания не зарабатывать» в монархии Александра I⁵¹. Очевидно, Орлов считал возможным использовать и М. С. Воронцова. 29 июня 1820 года он писал А. Раевскому: «Здесь приехал Воронцов 28 числа <...> Все умы обращены на вольность крестьян, и он также сделал шаг, который не могу тебе пересказать письменно. При первом свидании или при первой оказии о сем уведомлю»⁵². Говоря о «шаге, сделанном Воронцовым», Орлов имел в виду его участие в попытке освобождения крестьян, предпринятой Н. И. Тургеневым, П. А. Вяземским и др.⁵³. В их намерения не входило ничего, с точки зрения правительства, одиозного, и это вполне можно было доверить бумаге. Но, по-видимому, между Орловым и Воронцовым велись и более «крамольные» разговоры, о которых было необходимо рассказать при личной встрече или написать с оказией. Вышеприведенное письмо показывает, что Орлов отнюдь не видел в М. С. Воронцо-

твоего письма мы ничего не знали бы о бунте в Иммеретии. У нас то хорошо или то дурно, как угодно рассуждать, что общая неизвестность покрывает все происшествия нашего Отечества. Например, о пожаре царскосельском Инвалид дал известия спустя семь дней, а о походах Ермолова и по сих пор ни строчки еще не напечатано. Я не знаю, как Алексей Петрович не возьмется за дело и не образует несколько по христиански Астраханский Вестник. Мы, русские, любим следовать за нашими успехами и в общем нашем бездействии, слава и дела соотечественников приятно бы пощекотали наши сердца. Подай ему сию мысль.

Ведь и ему скучно работать и общего признания не зарабатывать. Впрочем, это долг, это обязанность начальника. У вас в Грузии Герои умирают без славы, точно так, как у нас в Европе воины славятся без геройства. Не должно превращаться в хвастуна, но зачем правды не говорить? Пусть какой-нибудь храбрый капитан полюбуется на себя в зеркале истории. Он еще станет храбрее и его пример породит храбрость и в других. Самые вонны вахтпарадные будут вам завидывать и чваниться вашими успехами. Я и тем буду покамест доволен» (л. 8—9).

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 11.

⁵³ Н. К. Кульман. «Из истории общественного движения в России в царствование Александра I» в «Известиях отд. русск. языка и словесности Академии наук», т. XVIII, кн. 1, СПб, 1908; А. Н. Шебунин «Пушкин и «общество Елизаветы» в 1 томе «Временника Пушкинской Комиссии» Академии Наук; арх. бр. Тургеневых, вып. 6, стр. 3 и 21.

ве идейного противника и тактический блок между ними был вполне возможен⁵⁴.

Пребывание в Кишиневе не только привело Орлова к мысли о возможности русской революции в самое ближайшее время, но и дало ему возможность хорошо изучить методы ведения подпольной работы. В Молдавии Орлов много общался с членами греческих гетерий и прежде всего с организатором греческого восстания Александром Ипсиланти⁵⁵. Правда, с членами греческих гетерий общались и другие декабристы, многому научившиеся у них в деле конспирации, но Орлов сблизился с греками уже накануне греческого восстания, когда ими был накоплен богатый опыт подпольной работы и вырисовывались ее результаты.

Будущие греческие повстанцы почти не имели тайн от Орлова. Достаточно сказать, что он знал о восстании за месяц до его начала⁵⁶. У А. Ипсиланти и других будущих греческих инсургентов Орлов мог многому научиться в подготовке вооруженного восстания.

С. Н. Чернов совершенно справедливо указывал на

⁵⁴ Политические взгляды М. С. Воронцова почти не изучены. Пушкинская эпиграмма «Полумилорд, полукупец» вряд ли справедлива, за исключением намека на англоманство Воронцова. По-видимому, он, как и его отец, С. Р. Воронцов и дядя А. Р. Воронцов, принадлежал к «сановной оппозиции». С. И. Тургенев, служивший при Воронцове в Нанси в русском оккупационном корпусе, не отмечал разницы политических взглядов отца и сына Воронцовых. М. С. Воронцов покровительствовал С. И. Тургеневу, славившемуся своим либерализмом, поддерживал близкие отношения с Н. И. Тургеневым. Его корпус по возвращении в Россию из Франции был немедленно расформирован как «неблагонадежный». Конечно, здесь сказалось и трехлетнее пребывание во Франции, но, возможно, сыграл роль и либеральный дух командования Воронцова: искоренение телесных наказаний, гуманное отношение к солдатам, распространение ланкастерской системы. В донесении Бенкендорфа—Грибовского говорилось о планах тайного общества: «Главу (революционного правительства—В. П.) положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франции и на графа Воронцова, на которого действовали Тургеневы», Н. К. Шильдер, «Император Александр Первый, его жизнь и царствование», том четвертый (СПБ, 1898, стр. 209—210).

⁵⁵ Ф. Вигель. «Записки», т. II, М. 1928, стр. 212.

⁵⁶ Ф. Ф. Вигель. «Записки», т. II, М. 1928, стр. 212.

неприемлемость для дворян-декабристов таких методов нелегальной работы, как выпуск фальшивых ассигнаций и т. д. Орлов же на Московском съезде выступил сторонником этих мер—вполне возможно, что здесь частично сказалось общение с греками. Кроме того, сыграл роль и географический фактор—недалеко от границы, к тому же контролируемой Орловым, было легче, чем в центральной России, создать подпольную типографию, укрыться от полиции, переходить границу. Солдатские волнения второй половины 1820 года, особенно в Семеновском полку, могли только укрепить уверенность Орлова в успехе вооруженного восстания. На эту уверенность влияло и растущее революционное движение в Западной Европе. Выше уже говорилось, что Орлов был убежден в неизбежности революции в Европе. Его письма второй половины 1820 г. свидетельствуют о нетерпеливом ожидании им европейской революции. 29 июня 1820 г. он писал А. Н. Раевскому: «У французов загорается, и так это не кончится»⁵⁷. Очевидно, большие надежды возлагались Орловым на греческое восстание, которое, по его мнению, должно было привести к русско-турецкой войне. 13 октября 1820 г. он писал о положении на Балканах тому же Раевскому: «У нас большие известия, и похоже на предворение общего пожара»⁵⁸. Вполне возможно, что Орлов мечтал попытаться использовать эту войну для начала вооруженного восстания. Общение с Ипсиланти могло привести Орлова к мысли о необходимости координации революционных действий различных стран.

Возможно, что Орлов учитывал неуверенность правительства, обусловленную солдатскими волнениями, особенно в семеновском полку, революционным движением на Западе и отсутствие в это время в России Александра I⁵⁹.

⁵⁷ ЦГИА, ф. М. Ф. Орлова (1167), д. 513, л. 10.

⁵⁸ Там же, л. 5 об.

⁵⁹ См. сб. РИО, т. 78, стр. 239, письмо А. А. Закревского — П. Д. Киселеву (февраль 1821 г.), учитывал Орлов и развернувшуюся в октябре-декабре 1820 г. борьбу за армию между тайным обществом и правительством. Уже к ноябрю появилась опасность, что победителем окажется правительство (см. статью С. Н. Чернова «Из истории солдатских настроений», «Бунт декабристов»). Л. 1926, с. 56—129.

Результатом всего этого явилась убежденность Орлова в возможности и неизбежности вооруженного военного восстания в России в самое ближайшее время. Таким был Орлов в конце 1820 г., накануне Московского съезда Союза Благоденствия. За примерно полугодовое пребывание в Кишиневе он сильно изменился, а между тем руководители тайного общества представляли его еще таким, каким он был в июне—июле 1820 г. Пребывание в Молдавии лишало Орлова возможности поддерживать личный контакт с руководителями Союза Благоденствия—его приятелями и, прежде всего, с Н. Тургеневым. Доверить же такие мысли бумаге было слишком рискованно. Нам неизвестно, что писал в эти месяцы Орлов Н. Тургеневу и другим членам тайного общества. Таких писем не сохранилось. Но они, конечно, были—трудно представить, чтобы Орлов не писал хотя бы Н. Тургеневу, с которым его связывала близкая дружба, многолетняя совместная политическая деятельность. По-видимому, эти письма были уничтожены после 14 декабря 1825 г.

Итак, руководители тайного общества, по-видимому, не представляли, насколько изменилась позиция М. Ф. Орлова относительно сроков вооруженного восстания.

Знал ли Орлов о том, что делалось в это время в Союзе Благоденствия? В общих чертах, вероятно, да. За это говорит общение Орлова, Охотникова и Раевского с декабристами из II армии. Орлов знал, что в планы тайного общества не входило немедленное вооруженное восстание, что и могло порождать у него скептическое отношение к деятельности Союза Благоденствия. Не случайно поэтому, что Орлов не хотел вначале поехать на Московский съезд. Якушкину и Охотникову стоило большого труда уговорить его приехать в Москву⁶⁰.

Перейдем теперь непосредственно к поведению Орлова на Московском съезде. Прежде всего возникает вопрос: можно ли доверять свидетельствам Якушкина и Грибовского? Нам представляется, что да. Прежде всего, за это говорит совпадение их версий. Различия в них, замеченные Черновым⁶¹, кажутся нам несущественными.

⁶⁰ Якушкин. «Записки», стр. 39—40.

⁶¹ С. Н. Чернов, вышеназв. соч.

(У Грибовского—«Ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению»; у Якушкина—«Решиться на самые крутые меры»). И у Якушкина и у Грибовского мы находим не стенограмму, а пересказ выступления Орлова и, естественно, что одну и ту же мысль можно было выразить разными словами. Во-вторых, записки Якушкина отличаются вообще большой достоверностью. Наконец, и записка Грибовского, как мы полагаем, в общем правильно излагает поведение Орлова. Мы не можем согласиться со скептическим отношением к ней С. Н. Чернова. Записка Грибовского—Бенкендорфа не донос частного лица, а агентурное донесение сотрудника тайной полиции, предназначенное для Александра I. Да и все остальные этапы деятельности Союза Благоденствия отражены в этой записке довольно точно. Поэтому свидетельства Якушкина и Грибовского, мне кажется, можно признать верными.

Когда члены Союза Благоденствия впервые узнали о новом плане Орлова? Нам кажется, что уже в Москве. Во время встречи с И. Д. Якушкиным неподалеку от Кишинева и в Каменке у Давыдова в ноябре 1820 года Орлов вряд ли говорил о своих намерениях—в «Записках» Якушкина не сказано об этом ни слова. Предлагать свой план нереформированному Союзу Благоденствия Орлов, по-видимому, считал бесполезным. Когда же в Каменке от Якушкина и других декабристов он узнал о предполагаемом реформировании тайного общества, у него могла появиться надежда добиться принятия своих предложений—отсюда его согласие поехать на съезд. Излагать свои планы в Каменке он, очевидно, считал преждевременным.

На Московском съезде Орлов, по свидетельству Якушкина, уже имел **письменный** текст своей речи, который Якушкин называл «писанными условиями», «сочинением»⁶². Вероятно, Орлов работал над ним в тече-

⁶² Якушкин. «Записки», стр. 43; возможно, что именно по инициативе Орлова в Каменке было организовано шутливое обсуждение вопроса о целесообразности тайного общества. Орлов мог использовать это как зондаж позиции каменских декабристов, Якушкина и Раевского.

ние декабря 1820—начала января 1821 г. Можно предпологать, что по приезде в Москву, еще до съезда, Орлов виделся с Н. Тургеневым—трудно допустить, чтобы старые приятели не захотели увидеть друг друга. От Тургенева Орлов мог получить более подробные сведения о возможном преобразовании тайного общества и, в свою очередь, изложить свой план. Хотя для Тургенева этот план был неприемлем, Орлов, учитывая намерение реформировать тайное общество, тенденцию его членов к ускорению революционного выступления, вероятно, решил попытаться добиться принятия своего плана. Разумеется, это только гипотеза, но она представляется нам весьма правдоподобной.

Вряд ли выступление Орлова было полной неожиданностью для участников съезда, по крайней мере для некоторых из них. Хотя Якушкин доказывает обратное, но он мог говорить только за себя. Характерно, Орлов читал свои «условия» на первом заседании, где обсуждался вопрос о создании нового тайного общества. Там присутствовали не все участники-делегаты—не было Комарова. Вероятно, руководители Союза Благоденствия решили предварительно договориться между собой, чтобы потом вынести всем членам общества подготовленные решения и скрыть от ненадежных элементов намерение создать новое общество. На этом заседании, по словам Якушкина, речь шла и об «условиях Орлова», на которых он соглашался присоединиться к тайному обществу⁶³. Под этим, конечно, подразумевалось вступление Орлова в новое общество, ибо к старому ему незачем было присоединяться—его давно приняли в члены. Вероятно, при обсуждении целей и задач нового общества Орлов выдвинул свой план.

Обсуждение его отнюдь не было столь скоротечным, как изображает Якушкин, по которому получается, что орловский план был выдвинут и отвергнут на одном и том же заседании. Орлов в своей «Записке» говорит о двух заседаниях, в которых он принимал участие. Вряд ли во время пребывания в крепости ему было выгодно увеличивать число заседаний, посещенных им. Бесспорно, что Орлов ближе к истине. По его словам, на пер-

⁶³ Якушкин. «Записки», стр. 43.

вом заседании «ничего определительного не положили, а во втором я совершенно от всего отказался и объявил, что более членом быть не хочу»⁶⁴. И Якушкин и Грибовский утверждают, что съезд открылся чтением условий Орлова. Очевидно, это было на первом заседании, где участвовал Орлов, на втором же обсуждался его проект. Возможно, что Орлов присутствовал и еще на одном заседании—при обсуждении плана Фонвизина⁶⁵. Не исключен и другой вариант: на первом заседании читался и обсуждался план Орлова, а на втором—Фонвизина. И в том и в другом случаях становится очевидным, что Орлов вовсе не промелькнул на съезде метеором, а принимал в нем участие до тех пор, пока не выяснились окончательно планы руководителей общества.

Анализируя свидетельства Якушкина и Грибовского, а также взгляды и поведение Орлова перед съездом, мы пришли к выводу, что Орлов, предлагая совершить военный переворот немедленно, исходил из готовности к восстанию своей дивизии, солдатских волнений по всей стране, растущего революционного движения в Западной Европе. Орлов предлагал создать своеобразный координирующий орган по руководству революционным движением различных стран. («Настаивал на учреждении невидимых братьев», которые бы составляли центр и управляли всем, **прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр., которые как бы лучи сходились к центру)**,⁶⁶—говорится в записке Грибовского). К сожалению, туманность этого места не позволяет более определенно судить о таком предложении Орлова.

Помимо предложений о немедленном военном перевороте и создании международного центра революционного движения, Орлов добивался печатания и распространения революционной литературы, выпуска фальшивых ассигнаций для подрыва кредита правительства

⁶⁴ М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», стр. 7.

⁶⁵ Н. Комаров показывал, что Орлов не соглашался с предложениями Фонвизина (Довнар-Запольский, с. 33). Этого не могло быть на тех же заседаниях, где обсуждался план Орлова, т. к. Комаров, не пользовавшийся доверием руководства, на них не присутствовал. (В его показаниях нет ни слова о предложениях Орлова).

⁶⁶ Подчеркнуто мной — В. П.

и получения денежных средств для нужд тайного общества.

Не совсем понятно упоминание и Якушкина и Грибовского о намерении Орлова создать подпольную типографию. Грибовский говорил «о заведении типографии в лесах, даже делании там фальшивых ассигнаций». Таким образом, в одной типографии должны были печататься и политические документы и фальшивые деньги. Якушкин же писал о намерении Орлова завести отдельно типографию или литографию и фабрику фальшивых ассигнаций. Трудно сказать, кто из них прав, но бесспорно одно: наряду с фальшивыми ассигнациями Орлов считал необходимым «печатать разные статьи против правительства и потом в большом количестве рассылать их по всей России»⁶⁷. Если выступления участников съезда против выпуска фальшивых денег объясняются понятиями дворянской «чести», то их возражения против создания подпольной типографии и даже именование этого (Якушкиным) «преступной мерой» не совсем понятны. И до и после Московского съезда многие декабристы пытались наладить печатание нелегальных политических произведений. По свидетельству Грибовского, в 1818 г. члены Союза Благоденствия обсуждали вопрос о создании подпольной типографии «в одной из отдаленных деревень, принадлежащей членам общества». Н. И. Тургенев и Ф. Н. Глинка предлагали печатать подобные произведения в Париже, особенно карикатуры, и «распускать в народе на толкучем рынке, рассылать в армии и по губерниям»⁶⁸. В 1819 г. Луниным был приобретен типографский станок для издания литературы тайного общества⁶⁹. Вступивший в 1825 г. в Южное общество Барятинский обещал внести 10 т. рублей на организацию подпольной типографии за границей⁷⁰.

Почему же в таком случае все участники съезда, в том числе Н. Тургенев и Ф. Глинка, выступили против предложения Орлова? Наиболее правдоподобным пред-

⁶⁷ Якушкин, «Записки», стр. 43.

⁶⁸ «Декабристы. Сборник отрывков из источников», стр. 113.

⁶⁹ «Восстание декабристов», т. 1, стр. 42—43.

⁷⁰ М. К. Азадовский. «Затерянные и утраченные произведения декабристов» в «Литературном наследстве». т. 59. М. 1954. с. 757—758.

ставляется нам следующее объяснение. Создание нелегальной типографии входило составной частью в общий план Орлова—план немедленного вооруженного восстания. В типографии должны были печататься воззвания, непосредственно связанные с подготовкой переворота. Это-то и не устраивало участников съезда, возражавших против немедленного вооруженного восстания.

Большинство руководителей Союза Благоденствия также считало необходимым активизировать деятельность будущего тайного общества, усилить подготовку к революционному выступлению, но в отличие от Орлова не верило в возможность успеха **немедленного** восстания. В этих условиях Орлов не считал целесообразным вступать в новое тайное общество, не склонное принять его программу. По существу, из старого общества он не выходил (т. к. через несколько дней Союз Благоденствия был распущен), а отказался вступить в новое.

Однако это вовсе не означало отказа Орлова от продолжения революционной деятельности и ухода в личную жизнь, как полагал С. Н. Чернов. Наоборот, именно в 1821—1822 годах его политическая активность достигает своего апогея. Почти сразу после съезда в январе 1821 г. он писал П. А. Вяземскому, что возвращается «в свое степное уединение. На краю света занят теми же мыслями и тою же грустью, как и в самом отечестве <...>. На досуге напишу длинное письмо. Теперь обращаюсь по необходимости к скромному молчанию»⁷¹. Итак, после съезда у Орлова «те же мысли и та же грусть»—о России, ее настоящем и будущем. Мысли эти отнюдь не невинные—он вынужден обратиться к «скромному молчанию» на бумаге.

Орлов, как и всегда, не ограничивался словами. Вернувшись в Кишинев, он продолжал еще более усиленно готовить свою дивизию к восстанию⁷². По существу не отказался он и от участия в тайных обществах. Выше уже говорилось о существовании в Кишиневе управы Союза Благоденствия, в которую входил и Орлов. Ее руководи-

⁷¹ ЦГАЛИ, ф. Вяземских (195), дело 2480.

⁷² См. Гершензон. «История молодой России», Базанов «Владимир Федосеевич Раевский», его же «Декабристы в Кишиневе».

телем формально был Охотников, участник Московского съезда⁷³. Кишиневская управа продолжала свою деятельность и после формального решения съезда о роспуске тайного общества. Орлов не выходил из ее членов, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он был представителем Кишиневской управы на январском совещании 1822 года, положившем начало Южному обществу декабристов. Там присутствовали С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов, С. И. Муравьев-Апостол и руководители Тульчинской управы Пестель и Юшневский⁷⁴.

Кишиневская управа в 1821 г. по-прежнему поддерживала отношения с петербургским руководством и Тульчинской управой. Из Петербурга Охотниковым было получено написанное Муравьевым «Воззвание к Сынам Севера». В первой половине 1821 г. Пестель трижды бывал в Кишиневе по служебным делам и, конечно, виделся с М. Орловым⁷⁵. Таким образом, Орлов был в курсе дел тайного общества в Петербурге и во второй армии, и декабристы, в том числе и Пестель, по-прежнему смотрели на него, как на революционера, что подтверждается предложением назначить его «общим начальником» Северного и Южного общества⁷⁶ (1823 г.).

Возможно, что на основе Кишиневской управы Орлов пытался создать новое общество, которое бы приняло его программу. Не исключено, что он надеялся привлечь к этому и Пестеля. Попытки С. П. Чернова доказать наличие непримиримых разногласий между Пестелем и Орловым уже к концу 1820—началу 1821 года мало убедительны, так же как и его тезис о стремлении муравьевской группы участников Московского съезда освободиться не только от ненадежных элементов, но и от

⁷³ Ю. Г. Оксман. «Воззвание к Сынам Севера». В «Очерках по истории движения декабристов», М. 1954, стр. 469.

⁷⁴ Там же, стр. 472; в своей «Записке» Орлов ни слова не говорит о выходе из Кишиневской управы. Возможно, он надеялся, что ее существование останется тайной для правительства. Однако, если бы он вышел из Кишиневской управы, то заявление об этом могло бы существенно повлиять на смягчение его «вины» по делу Раевского.

⁷⁵ Ю. Г. Оксман. «Воззвание к Сынам Севера», цит. «Очерки» стр. 471—472.

⁷⁶ Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», стр. 9.

сторонников Пестеля⁷⁷. Нет никаких сколько-нибудь серьезных доказательств, подтверждающих предположение о желании Н. Тургенева и Н. Муравьева не допустить Пестеля на съезд. Правда, этого добивался Бурцев, но он действовал на свой страх и риск. Характерно, что Бурцев просил Якушкина «никак не приглашать Пестеля в Москву». У самого же Якушкина, прибывшего в Тульчин для официального приглашения делегатов на съезд, не было подобных инструкций⁷⁸.

На съезде Н. Комаров приложил немало усилий, пытаясь убедить Н. Тургенева, что тайное общество во II армии имеет «вид якобинства»⁷⁹. Если Тургенева приходилось так долго и упорно убеждать, то, следовательно, он отнюдь не придерживался комаровских взглядов. Правда, Комаров уверял, что Н. Тургенев согласился с ним относительно роспуска общества, но и сам Комаров предполагал притворство со стороны «русского Мирабо», как шутя называли Тургенева. Мы знаем, что Комарову не доверяли, и Тургенев не стал бы с ним откровенничать.

Руководители Союза Благоденствия не скрыли от Пестеля тайного решения о создании нового общества. В показаниях Н. Комарова есть одно чрезвычайно любопытное место. Когда Комаров, не зная о решении создать новое общество, вернулся в Тульчин и объявил о роспуске Союза Благоденствия, Пестель был страшно возмущен, обвиняя участников съезда в превышении своих полномочий. Когда же несколько позже приехал Бурцев и в свою очередь рассказал о съезде, то Пестель согласился с московским решением⁸⁰. Вероятно, это заявление «для публики» (в том числе и для Комарова) было сделано Пестелем после того, как он узнал от Бурцева о решении создать новое общество, отсеяв ненадежные элементы. Н. Муравьев, с согласия Н. Тургенева, послал Пестелю «Воззвание к Сынам Севера»⁸¹.

Вообще, Московский съезд изучен явно недостаточно. Широко распространенная версия, будто съезд был созван по инициативе «умеренной группы», не соответ-

⁷⁷ См. С. Б. Окунь. «Очерки истории СССР», Л. 1956, стр. 345—346.

⁷⁸ Якушкин. «Записки», стр. 37.

⁷⁹ Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов» с. 33.

⁸⁰ Там же. стр. 37.

⁸¹ Ю. Г. Оксман. «Воззвание к Сынам Севера», стр. 471.

еует действительности. В созыве съезда были заинтересованы все активные члены тайного общества, и все группировки проявили инициативу. Одна из наиболее компетентных знатоков декабризма, М. В. Нечкина, доказывая приоритет «умеренных» в созыве съезда, ссылается на «Записки Якушкина»⁸², на следующее место:

«Союз Благоденствия, казалось нам, дремал. По собственному своему образованию он слишком был ограничен в своих действиях. Решено было к 1 января 21-го года пригласить в Москву депутатов из Петербурга и Тульчина». По мнению М. В. Нечкиной, все сказанное относится лишь к «трем собеседникам» — Якушкину, М. Фонвизину и П. Х. Граббе.

Нам кажется, что это не так. Правда, в «Записках» Якушкина перед этим, действительно, говорится о его разговоре с П. Х. Граббе и М. Фонвизиным. На первый взгляд, дальнейшее выражение «нам» к ним только и относится. Однако следует учесть, что в «Записках», над которыми Якушкин работал много лет спустя после восстания, очень часто рассказ быстро переходит от одного события к другому, подчас без связывающих звеньев. По-видимому, именно так обстоит дело и в данном случае. Вероятно, выражение «нам» означало активных членов тайного общества вообще. Только в этом случае становится понятным решение созвать съезд к новому году. В самом деле, не могли же три человека принять решение, в необходимости исполнения которого никто не усомнился.

М. В. Нечкина пришла к очень важному выводу о том, что «съезд был, по всей форме, созван Коренной управой Союза Благоденствия»⁸³. Между тем, Якушкин вслед за приведенной цитатой пишет, что ему пришлось ехать в Тульчин, а Фонвизиным в Петербург для приглашения делегатов. О Коренной управе он даже не упоминает. Следовательно, в «Записках» Якушкина что-то или напутано или пропущено.

Отметим, что многие члены Союза Благоденствия в 1820 году настаивали на его реорганизации, требуя стро-

⁸² М. В. Нечкина. «Движение декабристов», т. 1. стр. 318—321.

⁸³ М. В. Нечкина. «Движение декабристов», т. 1, стр. 320.

жайшей конспирации. В доносе Грибовского—Бенкендорфа утверждалось, что «Тургенев настаивал преобразовать общество совершенно по системе Вейсгаупта, и сходно с тем, членам назваться между собой другими именами»⁸⁴.

Любопытно, что в этом доносе инициатива созыва съезда приписывалась «ревностнейшим членам», заботившимся «о приведении в порядок дел»⁸⁵.

От Пестеля никто ничего и не думал скрывать — это видно из «Записок» Якушкина.

Итак, никаких попыток «изолировать» Пестеля не предпринималось. В 1821 г. между Пестелем и Н. Муравьевым не было серьезных разногласий. Вряд ли они могли быть между Орловым и Пестелем. К концу 1820 г. Пестель еще не пришел ко взглядам «Русской правды». Хотя Якушкин и утверждал, что Пестель в 1820 г. писал «Русскую правду»⁸⁶, но вряд ли он прав. В своих мемуарах, написанных много лет спустя, Якушкин явно перепутал «Русскую правду» с одним из вариантов второй части «Зеленой Книги», над которым в то время работал Пестель.

Отсутствие к началу 1821 г. серьезных программных разногласий между Орловым и Пестелем, так же как и отсутствие антагонизма между Пестелем и петербургским руководством тайного общества (Тургеневым и Муравьевым) создало почву для совместной деятельности Орлова и Пестеля. Орлов, конечно, не мог не стремиться использовать кипучую энергию и блестящий организаторский талант Пестеля.

Что же происходило в Кишиневской управе после Московского съезда? Орлов по-прежнему остался ее весьма влиятельным членом. На съезде Охотников не поддержал Орлова, но по возвращении обоих в Кишинев они как ни в чем не бывало продолжали совместную деятельность и никаких разногласий между ними не было.

На съезде Охотников, по-видимому, или не был убежден в правильности позиции Орлова, или просто не хотел идти на разрыв с основным ядром руководства Союза

⁸⁴ Н. К. Шильдер. «Император Александр Первый», том IV, стр. 211.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Якушкин. «Записки», стр. 37.

Благоденствия — последнее представляется нам более правдоподобным. По возвращении в Кишинев Охотников так же, как и Раевский, вероятно, принял тактическую платформу Орлова. За это говорит их совместная кипучая деятельность по подготовке дивизии к восстанию⁸⁷. Правда, Орлову, естественно, пришлось отдалить срок вооруженного выступления—с одной дивизией немедленное восстание было немыслимо, но все действия Орлова, Охотникова и Раевского свидетельствовали о стремлении поднять дивизию на борьбу отнюдь не в отдаленный срок. Все руководство пропагандой среди солдат, вся подготовка к восстанию осуществлялись Орловым. И если после ареста Раевского Орлову удалось остаться на свободе, то только благодаря стараниям Киселева выгородить своего приятеля, благосклонному попустительству П. Х. Витгенштейна и сильного в армии и при дворе П. М. Волконского, не хотевшего подвергать суровой каре сво-

⁸⁷ Материалы об этом содержатся в книге Гершензона «История молодой России»; см. также Базанов, «Владимир Федосеевич Раевский», его же «Декабристы в Кишиневе»; блестящая характеристика Раевского дана в работе Ю. Г. Оксмана «Воззвание к Сынам Севара», стр. 451—460 и 468—469, 473—474. О намерении кишиневских декабристов поднять восстание в самое ближайшее время свидетельствует его попытка убедить солдат своей роты в необходимости расстрелять некоторых офицеров и уйти за Днестр, сопровождавшаяся похвалами семеновцам. 12 апреля 1822 г. Вахтен доносил Киселеву о полученных им показаниях нижних чинов, подтверждающих это. [ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР ф. П. Д. Киселева (143), д. 26. 6. 84. Вахтен-Киселеву, л. 33—33 об]

Резюмируя следствие по делу Раевского, Сабанев выдвинул против него и это обвинение. (ЦГВИА, ф. ВУ д. 779, л. 1—3). Базанов в своей работе о Раевском пытается доказать необоснованность этого обвинения, но не приводит сколько-нибудь серьезных аргументов. Его ссылка на отрицание Раевского совершенно необязательна— было бы странно, если бы арестант решил признать в подобных вещах. Утверждение Базанова, что здесь имела место провокация со стороны Сабанеева, вызывает сильное сомнение. Сабанев был реакционером, но вряд ли старый боевой генерал стал бы прибегать к жандармским приемам. Письмо Сабанеева Закревскому от 18 ноября 1822 г. свидетельствует о чрезвычайной добросовестности ведения им следствия. (СИРИО, т. 73, стр. 588—589). Между тем, подобное стремление Раевского (действовавшего, конечно, с ведома Орлова) может быть понятно только в том случае, если оно должно было явиться событием, которое, по мнению Раевского, неизбежно должно было вызвать вооруженное восстание.

его бывшего любимца⁸⁸, а также благодаря твердости Раевского, не давшего об Орлове никаких показаний⁸⁹. Орлову «посчастливилось», он отделался лишь отстранением от командования дивизией.

⁸⁸ В связи с делом Раевского Орлов попал в очень трудное положение и был вынужден признаться Витгенштейну «что поступки... Раевского были ему известны» (ИРЛИ, Пушкинский Дом АН СССР ф. П. Д. Киселева (143), д. 26, б. 85, П. X. Витгенштейн П. Д. Киселеву, л. 23). А. А. Закревский 1 апреля 1822 г. писал Киселеву про Орлова: «Ежели пойдет о нем формальное представление, то ему будет плохо—поговори с ним как с приятелем». Закревский советовал Орлову самому проситься в отпуск. (Там же, д. 29. б. 93, А. А. Закревский—П. Д. Киселеву, л. 38 об.—39). Хотя в ответственности Орлова по делу Раевского трудно было усомниться, Киселев в письме П. М. Волконскому выдвинул такую версию: «Орлов с пылким желанием уничтожить зло в дивизии своей<имеются в виду телесные наказания—В. П.>и исполнить тем намерения начальства, забыл постепенность в таких делах необходимую. Он в нескольких случаях действовал без соблюдения предписания форм и сверх того имел неосторожность поставить противу себя корпусного командира. Главнокомандующий (Витгенштейн — В. П.), рассматрив все дело, нашел следы неосторожности и просил для предупреждения неприятностей между двумя начальниками перевести Орлова в другой корпус. Теперь вашему сиятельству остается рассудить, должен ли Орлов потерпеть за ошибки, в коих и сам сознаться должен и по коим более или менее каждый из нас обвиняться должен,—он, начав службу при вас, вами облагодетельствован и, конечно, вами оставлен не будет—не забудьте, ваше сиятельство, что Сабанеев действовал как начальник строгий и худо к нему расположенный» (Там же, д. 29.б.94. Киселев — Волконскому, д. 39, письмо от 15 мая 1822 г.) Из письма видно, что Витгенштейн принял эту версию. Выступил ее сторонником и Закревский (СИРИО, т. 78, стр. 259 и 261). Характерно, что П. М. Волконский ни слова не писал о необходимости выснить роль Орлова в деле Раевского. По-видимому, отстранение Орлова от командования дивизией было делом рук Александра I, основывавшегося на рапорте Сабанеева. «Благоприятный конец» дела Орлова был неожиданным для всех, знавших о тайном обществе. Ждали арестов других членов Кишиневской управы. В дневнике С. И. Тургенева от 26 мая 1822 года сделана запись о разговоре с полковником Липранди, служившим в дивизии Орлова: «О Непенине Липранди ничего не знает и не думает, чтоб он был арестован. Об обществе он ничего не слыхал, но подозревает многих в том, что они агенты Орлова в армии. Что за агенты и чьи!» (ИРЛИ) Пушкинский дом АН СССР, архив бр. Тургеневых (309), д. 29, л. 46. Конечно, роль шла о тайном обществе.

⁸⁹ Ю. Г. Оксман. «Воззвание к Сынам Севера», цит. «Очерки» стр. 457. Характерно, что уже будучи арестантом, В. Ф. Раевский

Таким образом, версия об отходе Орлова от политической борьбы после Московского съезда должна быть отнесена к числу легенд. Правда, в 1822 г. он отказался вступить в Южное общество и в последующем, поддерживая отношения с декабристами, не входил в их организации. Но это уже совсем другая, особая тема, требующая специального исследования. Для нас было важно установить одно—революционную деятельность Орлова после съезда.

Итак, изучение общественно-политических взглядов и деятельности Орлова накануне и после Московского съезда показывает, что его позиция на съезде определялась стремлением немедленно организовать восстание и уверенностью в его победе⁹⁰.

в 1823 г. пытался встретиться с Орловым под предлогом отчета в расходовании денежных сумм и обратился с соответствующей просьбой к П. Д. Киселеву (ЦГИАЛ, ф. П. Д. Киселева (958), д. 439, письма В. Ф. Раевского П. Д. Киселеву.

⁹⁰ Очень интересны приказы М. Ф. Орлова по дивизии от 18 октября 1820 г., 29 марта 1821 года и приказ А. Г. Непенина от 9 декабря 1820 г. (См. «Литературное наследство», т. 60, «Декабристы-литераторы». Книга первая, № 1, 1956 г., стр. 8 и сл.). К концу 1820 г. Орлов пришел к выводу, что если декабристы не организуют немедленно вооруженное восстание и не используют брожение среди солдат, то правительство со временем выиграет «битву за армию». Из работ С. Н. Чернова видно, что орловские спасения имели под собою серьезные основания (См. статью «Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов», «Бунт декабристов», под редакцией Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева, Л. 1926, стр. 56—129). Может быть, в 1825 году Орлов потому и отказался принять участие в восстании, что был убежден, что «битва за армию» была проиграна тайным обществом еще в 1820—1822 годах.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ С ПРУССКОЙ АГРЕССИЕЙ В 40-е ГОДЫ XVIII ВЕКА

В международной жизни Европы 40-х годов XVIII века усиление Пруссии, ее агрессивные планы стали причиной ряда столкновений между европейскими государствами.

К этому времени разбойничья политика Пруссии, построенная на предательстве национальных интересов немецкого народа, лавировании между соседями и измене союзникам, достигла высшего развития.

В XVIII веке «Drang nach Osten» продолжал оставаться девизом прусских юнкеров, подобно тому, как он служил девизом тевтонским рыцарям в XII — XIII веках. Прусские юнкеры рассчитывали расширить свои владения за счет славянских земель. В этих условиях прусская агрессия становилась реальной угрозой Польше и России.

В первой четверти XVIII века крупные внешнеполитические успехи, достигнутые русским крепостническим государством в результате проведенных внутренних преобразований, открыли ему выход к Балтийскому морю и тем обеспечили возможность дальнейшего экономического развития страны.

Но все успехи как в области внешней политики, так и во внутренних преобразованиях страны достигались за счет ухудшения положения основной массы населения, за счет разорения миллионов крепостных крестьян.

Последующее развитие России во 2-й четверти XVIII века являлось естественным продолжением периода пре-

образований и по-прежнему отражало сочетание двух процессов: дальнейшего укрепления феодально-крепостнической системы и одновременно развития буржуазных связей. Успехи, достигнутые в экономике, внутренней и внешней политике этого периода, основывались на дальнейшем усилении эксплуатации крепостного населения. Энгельс в приложении к «Анти-Дюрингу» отмечал усиление эксплуатации крестьян в России с царствования Петра I до Екатерины II и ставил его в связь с развитием внешней торговли. «Со времени Петра началась внешняя торговля России... Этим было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста вывоза, ради которого оно происходило, пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволило помещикам все более угнетать крестьян»¹.

Во второй четверти XVIII века законодательство Анны Ивановны и Елизаветы Петровны пестрит указами о взыскании недоимок, о сыске и наказании беглых крестьян, о расправе с выступлениями крестьян и работных людей, башкирскими восстаниями. Все это свидетельствовало об усилении пассивного и активного протеста народных масс против усилившегося крепостнического гнета. В ответ на это правительство законодательными актами расширяло привилегии дворянства, упрочивало власть помещиков над крестьянами.

В 40-е годы XVIII века напряженность международной обстановки вызывала еще большее напряжение сил народных масс России.

В начале 40-х годов русское правительство, закрепляя внешнеполитические успехи, достигнутые в первой четверти века, вело решительную военную и дипломатическую борьбу против реваншистских попыток Швеции, которая стремилась вернуть хотя бы часть отошедших к России при Петре земель. За спиной Швеции стояла Франция с ее традиционной внешней политикой — опоры на Турцию, Швецию и Польшу. Эта политика была враждебна основным внешнеполитическим задачам, стоявшим перед Российской дворянской империей, — зада-

¹ Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», М. 1952, стр. 332.

чам закрепления в Прибалтике, усиления влияния в Польше, борьбы с Турцией за оборону южных границ и выход к Черному морю. В этих условиях перед Россией встала новая угроза — угроза прусской агрессии, опасная для нее в Прибалтике и Польше.

В 1740 году на прусский престол вступил Фридрих II, «Фридрих Великий», как величала его немецкая шовинистическая историография. К. Маркс, характеризуя деятельность Фридриха II, писал в работе «Пруссак-каналы»: ...«Что могло бы быть великого в планах бранденбургского курфюрста, величаемого королем, действующего не во имя нации, а во имя своей вотчины и стремящегося на территории этой нации закруглить и расширить свои владения»².

Фридрих II был типичным представителем Гогенцоллернов, которых Маркс и Энгельс называли «семейством капралов»³. Используя хаос и бессилие других германских государств, они в своих собственных династических целях усиливали и увеличивали свое господство за счет территории Германии. Гогенцоллерны добивались своих целей путем «вероломства, коварства, мошенничества с наследствами»⁴.

В XVIII веке Пруссия была типичным военно-полицейским государством. Вся ее внутренняя политика была подчинена захватническим планам прусских королей.

Продолжая милитаристскую политику своего отца, Фридрих II тратил $\frac{2}{3}$ ежегодного дохода на армию. Содержание ее ложилось тяжелым бременем на плечи прусских крепостных крестьян, и без того разоренных тяжелой феодальной эксплуатацией.

Ф. Энгельс в статье «К истории прусского крестьянства» называет период между Тридцатилетней войной и «спасительным» поражением при Йене апогеем тяжелого положения прусских крепостных крестьян. Наряду с усилением барщины, ростом оброка и массовыми случа-

² К. Маркс. «Пруссак-каналы», Рукопись. Цитирую по брошюре «Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве», М., 1942, стр. 14.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Подвиги Гогенцоллернов», Соч., т. VII, стр. 387.

⁴ Там же.

ями стога крестьян с земли и перевода их на положение «коттеров» — крепостных поденщиков — Энгельс отмечает и полное бесправие крестьян. «В лице одного помещика сосредоточена была законодательная, судебная и исполнительная власть...» «Так что крестьянин мог жаловаться на помещика только самому помещику»⁵.

Энгельс приходит к выводу, что таких ужасных условий не бывало даже в России: «там крестьяне все же имели самоуправляющуюся общину»⁶.

Располагая значительной армией, Фридрих готовился осуществлять свои захватнические планы. Его наемная армия, состоявшая из насильственно завербованных не только в Германии, но и за ее пределами, не была одушевлена никакой национальной идеей. Ее можно было держать в повиновении, только вышколив ее в духе казарменной палочной дисциплины. Девизом этой армии было то, что солдат должен больше бояться палки капитала, чем пули. Такая дисциплина создавала бездушных покорных солдат, слепо выполнявших любые поручения.

В своей агрессивной политике захвата германских государств Фридрих широко использовал поддержку иностранных держав, являясь в то же время орудием их политики. «Всякий знает, — писали Маркс и Энгельс, — как Фридрих II... продавал свою страну с аукциона французским дельцам»⁷.

С самого начала своего выступления на международной арене Фридрих показал полную беспринципность и вероломство в отношении к своим обязательствам. Ведя переговоры о союзе с Францией, Фридрих хотел использовать попытки Англии привлечь его на свою сторону, чтобы поднять свой кредит при заключении союза с Францией.

В октябре 1740 года умер австрийский император Карл VI — глава «Священной Римской империи». По условиям Прагматической Санкции, ввиду отсутствия у Карла VI мужского потомства, все наследственные земли Габсбургов должны были остаться за его старшей

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 242—243.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

дочерью Марией-Терезией. Мария-Терезия приняла титул королевы венгерской. Несмотря на то, что большинство европейских государств, в том числе и Пруссия, признали Прагматическую Санкцию, Фридрих II задумал захватить у Австрии богатую провинцию Силезию. Маркс в заметках «Пруссакки-каналы» писал: «Фридрих совершенно правильно понял, что для того, чтобы играть роль в Германии, Пруссия должна сломить австрийскую гегемонию и тем самым прикончить Священную римско-германскую империю, представителем которой является германский император»⁸.

Намереваясь немедленно захватить Силезию, чтобы предупредить действия других претендентов на австрийское наследство — Саксонии и Баварии, Фридрих считал международную обстановку благоприятной для осуществления своих планов. Он рассчитывал, что Англия, занятая борьбой с Францией из-за колоний и господства на море, не будет противиться захвату Силезии, Голландия будет безразлична, а Франция Бурбонов, вековой враг Габсбургов, будет довольна унижением императорского дома⁹.

В этой, казалось бы, благоприятной для агрессивных намерений Фридриха обстановке он сознавался, что не может быть спокойным, не зная, как отнесется к его планам Россия. Чтобы предупредить противодействие России, он рассчитывал побудить шведов осуществить их реваншистские планы в отношении России. «Одна Россия способна причинить мне беспокойство, — писал Фридрих, — но если Россия захочет нас атаковать, она может быть уверена, что будет иметь на руках шведов и, таким образом, окажется между молотом и наковальней»¹⁰. Однако, учитывая внутреннюю обстановку в России, Фридрих надеялся добиться возобновления союзного договора с Россией, заключенного его отцом в 1730 году. Еще весной 1740 года, немедленно по вступлении на престол, Фридрих начал переговоры с русским правительством о возобновлении договора.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс о реакционном пруссачестве, М., 1942, стр. 13.

⁹ Politische Korrespondenz Friderichs des Grossen B. I s. 90—91.

¹⁰ Там же.

1740 год был последним годом царствования в России Анны Иоановны. Частые рекрутские наборы в связи с войнами (война за польское наследство 1733—1735 гг., русско-турецкая война 1735—1739 гг.), голод 1734—1735 годов, поразивший центр государства, — все это ухудшало и без того тяжелое положение крепостных крестьян. Этот гнет усиливался хозяйничаньем в стране шайки остзейских немцев — авантюристов, которые потянулись из Курляндии вслед за Анной и на которых она опиралась, не доверяя русским дворянам (хотя и давала последним льготы). Эти немцы-авантюристы во главе с фаворитом Анны Бироном заняли руководящие посты при дворе, в государственном аппарате, в армии. Пробравшись в государственный аппарат, они пользовались своим влиянием, чтобы наживаться и разорять хозяйство страны, ухудшая и без того тяжелое положение русского народа.

Режим «бионовщины», засилие временщиков не могли не оказывать влияния и на внешнюю политику России. У руководства внешней политикой России стоял А. И. Остерман, опытный, тонкий, осторожный дипломат, прошедший дипломатическую выучку под руководством Петра I. Он хорошо знал международную обстановку, понимал стоявшие перед крепостнической Россией внешнеполитические задачи. Но связи Остермана с временщиками, вмешательство Бирона, а потом Миниха в дела внешней политики приводили к отдельным неудачам и в этой области. Эту обстановку в России хорошо учел Фридрих II. Он рассчитывал, что Бирон, владелец богатых земель в Силезии, чтобы сохранить эти земли, будет щадить интересы прусского короля. Но самое надежное средство для сохранения мира с Россией, как считал Фридрих, — это «ввести в Петербург осла, нагруженного золотом»¹¹.

Представив русскому правительству проект договора и не получая долго ответа из Петербурга, Фридрих в письме к прусскому полномочному министру Мардефельду выражал свое беспокойство по поводу молчания русских и попыток Англии привлечь Россию на свою

¹¹ Там же, В. I. s. 90—91.

сторону. «В критическом положении, в котором находятся дела в Европе, мне бесконечно важно знать, буду ли я с Россией, и не дать себя опередить англичанам, которые, кажется, делают усилия, чтобы полностью включить эту державу в сферу своих интересов»¹², — писал Фридрих. Он предписывал Мардефельду обещать Бирону Курляндское герцогство в вечное и потомственное владение, в том случае, если Бирон добьется для него гарантии со стороны России в отношении княжеств Юлихского и Бергского¹³. Однако русское правительство отказало ему в этой гарантии. Не соглашалось русское правительство и на требование Фридриха дать обязательства защищать его владения в случае нападения на него Швеции, Саксонии или Польши¹⁴.

Когда министр иностранных дел Пруссии напомнил Фридриху об обязательстве России представить по условиям русско-австрийского договора в помощь Марии-Терезии 30.000-ное войско в случае нападения на Австрию, Фридрих отвечал, что если русские действительно окажут помощь Австрии, прусские войска разорят Финляндию, Курляндию и сожгут все на 20 миль на расстоянии от прусских границ¹⁵. Однако он не терял надежды предотвратить выступление России.

После смерти Анны Ивановны и произведенного Минихом 8 ноября 1740 года переворота, свергнувшего Бирона и установившего регенство Анны Леопольдовны, Фридриху удалось при содействии Миниха заключить трактат оборонительного союза с Россией. Согласно условиям договора, подписанного 16/29 декабря 1740 года, обе стороны взаимно обязывались оказывать друг другу равную помощь (4000 конницы и 8000 пехоты). Двумя секретными пунктами подтверждались сохранение Курляндии в вассальном владении Польши со свободно избранным герцогом и гарантия со стороны России и Пруссии существовавшего в Польше государственного строя. Что касается вопроса о Юлих-Бергском наследстве, то Россия в секретном пункте дала гарантию не иметь в

¹² Там же, s. 57.

¹³ Там же, s. 42—46.

¹⁴ Там же, s. 64—65—66.

¹⁵ Там же, s. 93.

настоящее время и не вступать в дальнейшем в какие-либо обязательства, предосудительные в этом деле прусскому королю. Этим же секретным пунктом Россия обязалась прикрывать Пруссию и ее Померанские земли, а Пруссия обязалась прикрывать Эстляндию, Лифляндию и Литовские границы в случае нападения¹⁶.

В конце декабря 1740 года Фридрих вторгся в Силезию. В то же время он предложил Марии-Терезии, что он гарантирует Прагматическую Санкцию и поможет ее мужу Францу Лотарингскому получить императорский титул, если она уступит Пруссии часть Силезии за 6 миллионов. Мария-Терезия отвергла это предложение и обратилась за помощью к державам, гарантировавшим Прагматическую Санкцию.

Русское правительство направило Фридриху письмо, в котором, выражая удивление и неодобрение по поводу вторжения прусских войск в Силезию, высказывало свою готовность охранять Прагматическую Санкцию. Прося остановить вторжение, русское правительство предлагало свои услуги для улаживания конфликта между Австрией и Пруссией. Фридрих отвечал, что не считает себя нарушителем европейского мира, ибо, осуществляя свои права на княжества Юлих и Берг, он нисколько не нарушает своего обязательства уважать Прагматическую Санкцию. Он лицемерно высказывал сожаление, что получил это письмо поздно, когда его войска уже вошли в Силезию и он не может их остановить¹⁷. Мардефельд должен был предложить русскому правительству оказать Фридриху «добрую услугу» — склонить Марию-Терезию к добровольной уступке ему части Силезии за соответствующий эквивалент. В благодарность за это Фридрих выражал готовность поддерживать интересы русского правительства в отношении Курляндии, которую он предназначал Людовику Брауншвейгскому¹⁸, предполагая женить его на прусской принцессе. Фридрих писал Мардефельду о готовности

¹⁶ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. V. 316—322.

¹⁷ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. т. V, стр. 332 — 333.

¹⁸ Брату мужа великой княгини, регентши Анны Леопольдовны.

ассигновать большие суммы, чтобы привлечь на свою сторону влиятельных лиц в России¹⁹.

Несмотря на то, что Англия накануне вторжения Фридриха в Силезию выражала готовность противодействовать его планам и английский король выступал в парламенте с речью, в которой заверял о намерении охранять Прагматическую Санкцию, Фридрих рассчитывал привлечь и Англию к посредничеству в деле уступки ему Марией-Терезией части Силезии за вознаграждение.

Теперь Фридрих вероломно заявлял, что союз с Францией он всегда считал крайним средством, если нет лучших средств для достижения цели. Он предписывал Подевилъсу держать французов в неизвестности по вопросу о союзе до тех пор, пока не выяснится вопрос о посредничестве России и Англии²⁰.

После вторжения Фридриха в Силезию английское правительство в своем представлении русскому двору по-прежнему выражало от имени морских держав готовность выполнить свои обязательства по охране Прагматической Санкции в том случае, если совместные представления Англии и Голландии, их мирные увещания Фридриха не достигнут цели.

Однако английское правительство подчеркивало, что лучшим средством вразумить Фридриха могла бы быть диверсия, произведенная русской армией по направлению к прусской границе²¹. Верная своей традиционной политике загребать жар чужими руками, Англия намеревалась осуществлять охрану Прагматической Санкции силами русской армии. Своему представителю в Петербурге английское правительство предписывало склонить Россию не теряя времени сделать этот спасительный шаг — отправить значительный корпус войск в Пруссию²².

В апреле русское правительство в депеше Бракелю (русскому послу в Пруссии) подчеркнуло недопустимость действий Фридриха в Силезии, которые он начал

¹⁹ Polit. Korresp. Fr. d. gros. B. I s. 77 — 78.

²⁰ Там же, s. 181.

²¹ Сборник Русского Исторического Общества, т. 85, стр. 460.

²² Там же, стр. 480 — 481.

без предупреждения Австрии и своих союзников, и указало, что при таких действиях никто не может считать себя безопасным от неожиданного неприятельского нападения²³. Тогда Фридрих снова решил обратиться к союзу с Францией.

Отдавая распоряжение Подевилъсу войти в переговоры с маркизом Валори (французским послом в Берлине) по поводу союза с Францией, Фридрих требовал включения в договор сепаратного пункта, которым Франция обязалась бы в случае, если Пруссия подвергнется нападению со стороны русских, заставить Швецию начать войну с Россией²⁴. В ходе переговоров Фридрих не раз напоминал Франции о ее обязательстве побудить Швецию к действиям против России хотя бы в Курляндии и Лифляндии²⁵.

Нападение Фридриха на Силезию положило начало войне за австрийское наследство, которая вскоре приняла общеевропейский характер. Против Австрии выступили Франция, Испания и Бавария, заключившие в мае 1741 года договор, к которому позднее присоединились Саксония²⁶ и Сардиния. Договаривающиеся стороны обязались общими силами отторгнуть от австрийского наследства и поделить Верхнюю Австрию, Чехию, Моравию и итальянские земли²⁷. Курфюрст Баварский, намеревавшийся напасть на Австрию, получил субсидию от Испании. Франция обещала ему помощь 30.000-ой армией²⁸. Все эти известия побудили Англию, которая с 1739 года вела войну с Испанией из-за колоний и боялась быть втянутой в общеевропейскую войну, предпринять попытку примирения Австрии и Пруссии.

В начале июня 1741 года был подписан договор между Пруссией и Францией. По условиям договора Фридрих обязался при выборах императора подать го-

²³ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. I, стр. 333 — 334.

²⁴ Politische Korrespondenz F. d. g. B. I. s. 211.

²⁵ Там же s. 258.

²⁶ Саксонский курфюрст, польский король Август изменил союзу с Россией и Австрией.

²⁷ Лависс и Рамбо. Всеобщая история, XVIII век, т. VII, М., 1901, стр. 163 — 168.

²⁸ Сб. РИО, т. 91, стр. 178.

лос за Карла-Альбрехта Баварского. Фридрих отрекся от прав на Юлих и Берг. Взамен Людовик обещал на будущее гарантии Силезии и тотчас же послать войско в Германию²⁹.

Известие о союзе Пруссии и Франции еще более утвердило Англию в намерении примирить враждующие стороны, чтобы избежать участия в войне. Английское правительство предложило Австрии уступить Фридриху часть территории Силезии, т. е. само готово было на нарушение Прагматической Санкции, лишь бы избежать участия в войне. Однако все попытки примирения были отвергнуты. Австрия категорически отказывалась уступить какую-либо часть Силезии, а Фридрих отвергал какую бы то ни было компенсацию³⁰.

Фридрих не опасался больше выступления России. В августе 1741 года Швеция, подстрекаемая Францией, объявила России войну, рассчитывая вернуть хотя бы часть отошедших к ней по Ништадскому миру земель. Естественно, что, направив все силы на борьбу с опасностью, угрожавшей новым приобретениям России в Прибалтике, русское правительство не могло организовать активного отпора прусской агрессии. Англия же, побуждая Россию к активным действиям против Пруссии, сама отказывала ей в помощи флотом в ее войне с Швецией, хотя и обязалась дать эту помощь по условиям союзного договора, заключенного между Россией и Англией в апреле 1741 г.³¹

Чтобы избавиться от угрозы быть втянутым в европейскую войну, английский король, как ганноверский курфюрст, заключил с французским королем секретную конвенцию о своем нейтралитете, как курфюрста ганноверского, в войне Франции с Австрией³². Фридрих, узнав о согласии Франции на нейтралитет Ганновера, решил также добиваться нейтралитета Ганновера и в отношении Пруссии. По предложению Фридриха, представитель Ганновера Швихельд представил набросок проекта договора между Пруссией и Ганновером, сог-

²⁹ Ларисс и Рамбо. Всеобщая история, т. VII, стр. 163—168.

³⁰ Сб. РИО, т. 91, стр. 178—180.

³¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. IX, X, стр. 96 — 98.

³² См. след. стр.

ласно условиям которого ганноверский курфюрст обязывался ни прямо, ни косвенно не помогать венгерской королеве, не делать никаких шагов, которые были бы во вред Фридриху и на пользу Венскому двору. В свою очередь, Фридрих должен был оставаться нейтральным, если на него не нападут, и обязался не беспокоить и не наносить ущерба государству и подданным ганноверского курфюрста. Фридрих дал согласие на эти условия³³.

Закключив договор, Фридрих совместно с французской дипломатией стал требовать от английского короля выполнения его условий, а именно: возвращения датских и гессенских войск из Ганновера, прекращения «интриг» Финча, который ходатайствовал при русском дворе об оказании помощи венгерской королеве, а главное прекращения уплаты Англией субсидий венгерской королеве. Французское министерство и прусский король грозили даже в случае невыполнения требований принять решительные меры—ввести войска в Ганновер³⁴.

В то время, как союзники Фридриха вели успешные военные действия против венгерской королевы и французские и баварские войска вошли в Австрию, а потом в Чехию, Фридрих, при посредничестве Англии, вел тайные переговоры с Марией-Терезией. 9 октября 1741 года он подписал с ней временное тайное соглашение, по условиям которого Мария-Терезия уступала ему Нижнюю Силезию до реки Нейсе с городом Нейсе. Фридрих дал обязательство ничего не требовать, кроме Нижней Силезии. Так как крепость Нейсе еще не была им взята, то Фридрих договорился с Марией-Терезией осаждать ее две недели, после чего крепость должна была сдаться, а Фридрих должен был прекратить наступательные действия против королевы и ее союзников до заключения общего мира. Он обязался стараться заключить мир к концу декабря этого года³⁵.

В конце 1741 года возродились надежды Фридриха на изменение внешнеполитического курса России в

³³ Архив внешней политики России, Сношения России с Англией, 1741 г., № 3, л. 105.

³⁴ Polit. Korresp. Fr. d. gr. B. I. s. 330, 332, 335.

³⁵ Там же s. 371 — 372.

См. также Лависс и Рамбо, Всеобщая история, т. VII, стр. 168—178, История дипломатии, т. I, стр. 261—262.

благоприятную для него сторону. 26 ноября 1741 года в России был произведен дворянской гвардией переворот, возведший на престол дочь Петра Елизавету. Переворот этот, совершенный под лозунгом ликвидации засилия немцев, естественно должен был повлечь за собой смену руководства в области внешней политики. Фридрих рассчитывал, что новая императрица не будет выполнять внешнеполитических обязательств, данных ее предшественниками, которых она не может иначе рассматривать, как узурпаторов власти. Но предвидя, что англичане и австрийцы употребят все возможные усилия, чтобы сохранить свои связи с русским двором, он предписывал Мардефельду сделать все возможное, чтобы парализовать их влияние³⁶. Когда новое русское правительство заявило о своей готовности выполнить обязательство, данное Венскому двору³⁷, Фридрих все же надеялся, что Австрия не может в данный момент ждать больших выгод, а тем более помощи от России³⁸.

Зная о том, что французский посол Шетарди принимал деятельное участие в перевороте и поэтому пользуется доверием Елизаветы, Фридрих опасался чрезмерного усиления влияния Франции в России. Он считал, что заключение мира между Россией и Швецией с помощью Франции даст Франции слишком большой выигрыш и она заговорит слишком повелительным тоном³⁹.

В феврале 1742 года Фридрих обратился к России с предложением заключить союзный договор. В условиях русско-шведской войны русское правительство, подчиняя задачу защиты новых приобретений в Прибалтике всю линию своей внешней политики и отношений с другими державами, рассчитывало путем заключения союза с Пруссией предупредить враждебные России происки Фридриха в Швеции. Предложение Пруссии было принято, начались переговоры о союзном договоре. Между тем баварские войска заняли Прагу, саксонские войска

³⁶ Polit. Korresp. F. d. g. B. I s. 438, 439, 440, s. 443—444. B. II s. 47—48.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. B. I s. 440.

также вошли в Чехию. Курфюрст баварский Карл-Альбрехт был избран императором под именем Карла VII⁴⁰.

Но австрийцы, освободившись от самого опасного врага, перешли в наступление и стали теснить франко-баварские войска. Не желая дать Австрии возможности оправиться и боясь в то же время усиления Франции, Фридрих послал на помощь союзникам всего лишь один гусарский полк⁴¹. Он вынудил у Карла-Альбрехта обещание уступить ему Верхнюю Силезию и графство Глац, номинально зависевшие от Чешской короны, а фактически принадлежавшие Австрии. Такое же ручательство Фридрих получил и от Августа III Саксонского. Понимая, что австрийцы не уступят ему добровольно Верхнюю Силезию, он снова начал военные действия против Австрии и, разбив австрийцев при Чаславе, в июне 1742 года заключил с Австрией сепаратный мир в Бреславле⁴².

Англия выступила посредницей в ведении мирных переговоров между Австрией и Пруссией. Она признала Бреславльский договор и гарантировала Фридриху Силезию и Глац. Под влиянием Англии Голландия также примкнула к Бреславльскому договору. Гарантируя Фридриху Силезию, Англия нарушала Прагматическую Санкцию. Действуя вопреки принятой ей системе, она способствовала развязыванию прусской агрессии. Но для Англии на первом плане стояла ее основная задача — ослабление Франции, а неожиданный выход Фридриха из войны поставил Францию в критическое положение. Французское правительство попыталось вступить в переговоры с Марией-Терезией, но получив отказ.

Между тем Фридрих, заключив Бреславльский договор, не отказался от мысли о союзе с Россией. Наоборот, известия, полученные им от Мардефельда о том, что французский посол в России Шетарди предлагал русскому правительству вступить в образованный против Фридриха четверной союз Франции, Швеции, Дании и Саксонии, побудили Фридриха торопиться с за-

⁴⁰ Лависс и Рамбо. Указ. соч., т. VII, стр. 168—178.

⁴¹ История дипломатии, т. I, стр. 261.

⁴² Лависс и Рамбо. Указ. соч., т. VII, стр. 168—178.

ключением договора с Россией, хотя Фридрих и сомневался, что Шетарди действует от концерта держав⁴³.

Рассуждая о причинах, побуждающих его вступить в союз с Россией, Фридрих объяснял, что учитывает предрассудки Европы, при которых одно слово «союз» уже импонирует публике, «привлекает благорасположенных, запугивает врагов». Фридрих считал, что союз его с Англией еще недостаточен, чтобы ввести в заблуждение Францию и Австрию вместе. Этой цели и должен был, по его мнению, служить союз с Россией, ибо он опасался, что Франция может побудить Австрию напасть на него.

Фридрих признавал, что он не получит никакой выгоды от союза с Россией, что даже гарантия Силезии недостаточно ясно выражена в договоре. Но зато, говорил Фридрих, — «можно быть уверенным, что кто в союзе с нами, тот не будет против нас, что мы будем иметь свободный тыл, что этот союз внушит уважение всей Европе и покажет нас более грозными, чем мы есть на самом деле»⁴⁴.

Позднее он называл этот договор набором слов без содержания, «который подает надежды, но никого не проведет»⁴⁵.

Действительно, заключая договор с Пруссией, русское правительство, для которого в этот момент важно было предупредить враждебную деятельность Фридриха в Швеции, отнюдь не собиралось санкционировать его захватническую политику, опасность которой хорошо понимало.

Начало царствования Елизаветы, ее расположение к французскому послу Шетарди, принимавшему участие в подготовке переворота, казалось, сулило успех французскому влиянию в России. Однако в важнейшем тогда для России вопросе внешней политики — шведском вопросе — руководители внешней политики России показали достаточную твердость. Они сумели дать должный отпор далеко идущим планам Франции, стремившейся вовлечь Россию в сферу своего влияния, сделать

⁴³ Polit. Korresp. F. d. gr. B. II s. 241 — 242.

⁴⁴ Там же B. II s. 311—312.

⁴⁵ Там же.

ее орудием своей политики. Миссия Шетарди окончилась неудачей, и он вынужден был покинуть Россию.

А. П. Бестужев-Рюмин, назначенный с декабря 1741 года вице-канцлером и ставший фактически у руководства всей внешней политикой России, хотя и держал некоторое время в заблуждении Шетарди по поводу ориентации России, однако взял курс на союз с Австрией и морскими державами для противодействия враждебным происка́м Франции и Пруссии в Швеции, Турции и Польше⁴⁶.

В развязанной Францией войне между Россией и Швецией (лелеявшей реваншистские планы), русские войска одерживали одну победу за другой. Уже в августе 1742 г. шведская армия капитулировала.

Отклонив посредничество в переговорах с Швецией не только Франции, но и Англии, русские, закрепляя успехи русского оружия, успешно вели с Швецией переговоры в Або⁴⁷.

В декабре 1742 г. был подписан русско-английский договор. Позднее А. П. Бестужев-Рюмин, обосновывая необходимость союза с Англией, говорил, что, заключая этот союз, Россия избавится от враждебных происков Англии в Швеции⁴⁸.

16 марта 1743 года был подписан договор на 18 лет между Россией и Пруссией. Он повторил, в основном, условия договора России с Пруссией 1726 года. Россия и Пруссия взаимно обязались, в случае нападения на ту или другую страну, прислать помощь в 3000 человек пехоты и 2000 конницы. Двумя сепаратными пунктами оговаривалось, что это обязательство Пруссии не распространяется на случай войны России с Турцией, татарами и Персией, а также на случай нападения на Финляндию, если по условиям мира с Швецией Финляндия будет присоединена к России. В трактате были повторены 2 секретные пункта договора 1740 года, под-

⁴⁶ См. статью А. Ардабацкой «Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII века». Ученые записки Сар. Госуниверситета, т. XXXIX, выпуск исторический, Саратов, 1954 г. стр. 162—164.

⁴⁷ См. Очерки истории СССР, XVIII в. вторая четверть, ИАН. М. 1957 г., стр. 394—408.

⁴⁸ Архив Воронцова, кн. 2, стр. 78.

тверждавшие сохранение Курляндии в вассальном владении Польши, со свободно избранным герцогом, а также гарантию со стороны России и Пруссии существовавшего в Польше государственного строя⁴⁹.

Позднее, в 1744 году, А. П. Бестужев, объясняя, почему он советовал в 1743 году заключить договор с Пруссией, писал: «дабы она альянция (союз—А. А.) во всяком случае, как и английская, для вящего усиления против Швеции... служила или бы по меньшей мере его, как от явной шведской короне деньгами или людьми делаемой помощи воздержать можно было: ибо по имеющимся тогда ведомостям сей государь, для подкрепления в Польше конфедерации (о которой Швеция для России домогалась) графу Потоцкому знатную сумму денег дал, да и кроме сего многие его поступки сомнительными были»⁵⁰.

В русско-прусском договоре 1743 года ни в одном пункте не упоминалось об отношении России к приобретениям Фридриха во время первой Силезской войны. Таким образом, вопрос о гарантии Россией Силезии оставался открытым. Это тем более должно было беспокоить Фридриха, что в марте 1743 года, в момент заключения русско-прусского союза, Россия еще не дала согласия на присоединение к Бреславльскому договору. Вскоре после заключения Бреславльского договора, в августе 1742 г., английское правительство, которое намеревалось воспользоваться критическим положением Франции и образовать против нее могущественную лигу держав, поставило своей задачей добиться присоединения России к Бреславльскому договору⁵¹. Однако старания английского посла Вейча ни к чему не приводили. Россия не отказывалась присоединиться к Бреславльскому договору, но и не спешила. Таким образом, к марту 1743 года вопрос этот еще не был разрешен.

В феврале 1743 года прусский полномочный министр Мардефельд, получивший от Фридриха новые инструкции, представил русским министрам проект присоединения России к Бреславльскому договору и получил рус-

⁴⁹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. V, стр. 339—352.

⁵⁰ Архив Воронцова, кн. 2 стр.

⁵¹ Сб. РИО, т. 99, стр. 35.

ский контр-проект. Однако, когда он ознакомил английского посла Вейча с содержанием этого контр-проекта, тот отказался его подписать, ибо главный пункт, касавшийся Силезии, оказался вычеркнутым. Русская императрица соглашалась присоединиться к договору лишь постольку, поскольку ее присоединение может содействовать утверждению доброго согласия и укреплению дружбы между нею и договаривающимися сторонами. Английский посол заявил, что он не имеет полномочий подписывать договор в такой форме. Но он справедливо предполагал, что и в такой форме подписание договора встретит затруднение при русском дворе⁵².

Прошло 4 месяца, а акт присоединения России к Бреславльскому договору подписан не был. В ответ на настояния Мардефельда ускорить дело, русские министры заявляли, что императрица и так состоит в союзе с английским королем, с венгерской королевой, а недавно заключила договор с прусским королем и потому не видит надобности присоединяться к Бреславльскому договору⁵³. В условиях еще не завершенных переговоров с Швецией русское правительство опасалось присоединением к Бреславльскому договору поставить Россию под угрозу быть втянутой в столкновение за чуждые ей интересы.

Фридрих прекрасно понимал, что курс внешней политики России, взятый А. П. Бестужевым, в основе которого лежала ориентация на Австрию, не сулит ему возможностей сближения с Россией. Он сделал попытку использовать дело Ботты—австрийского посла в России, которого обвиняли в участии в заговоре против правительства Елизаветы, чтобы поссорить Россию с Австрией и скомпрометировать А. П. Бестужева и его брата (тогда посланника в Дрездене) М. П. Бестужева как сторонников союза с Австрией.

Фридрих написал лживое письмо Елизавете, в котором доказывал, что Венский и Лондонский дворы хотя и свергнут ее с престола. В качестве доказательства он указывал на дело Ботты, утверждая, что последний действовал по инструкции своего правительства. Фридрих

⁵² Сб. РИО, т. 99, стр. 240—241.

⁵³ Там же, стр. 356.

предлагал свою поддержку Елизавете⁵⁴. Однако дело Ботты не повлекло за собой устранения Бестужевых.

12 ноября 1743 года был наконец подписан представителями России, Англии и Пруссии акт присоединения России к Бреславльскому договору⁵⁵. Однако в этом акте не упоминалось о гарантии Фридриху Силезии. Русское правительство категорически отказалось дать эту гарантию.

Так, на этом первом этапе агрессивной деятельности Фридриха II в политике России, хотя и непоследовательной в силу внутренней борьбы дворянских группировок, хотя и лишенной возможности активно выступить для противодействия этой агрессии, видна уже явная тенденция возможными дипломатическими средствами поставить предел агрессивным планам Фридриха. В то же время непоследовательная политика других европейских держав, особенно Англии, способствовала развязыванию прусской агрессии.

Бреславльский мир 1742 года был для Фридриха только временной передышкой для начала новой агрессии. Мария-Терезия, заключив сепаратный мир с Фридрихом, продолжала военные действия против Баварии. В конце 1743 года австрийским войскам удалось нанести баварцам чувствительные удары. Тогда Фридрих решил нарушить Бреславльский мир и снова начать войну с Австрией.

В начале 1744 года, вооружаясь для новой войны с Австрией, Фридрих объяснял свое намерение желанием помочь императору Карлу VII (курфюрсту баварскому)⁵⁶, заботой о свободе священной Римской империи. Однако сам он в своих письмах, как правильно отмечает Е. С. Феоктистов, смеялся над своим «имперским патриотизмом», признавался, что разыгрывал роль хорошего патриота, чтоб привлечь к себе немецких князей. Но

⁵⁴ Polit. Korresp. Fr. d. Gr. В II s. 406.

⁵⁵ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. V, стр. 353—355.

⁵⁶ Курфюрст Баварский в начале 1743 года был избран на сейме во Франкфурте императором.

так как германские князья не имели средств для содержания войска, то Фридриху снова приходилось налаживать союз с Францией, которая могла бы их субсидировать. Однако, боясь соперничества с Францией в Германии, Фридрих, для ослабления своей зависимости от Версальского двора, хотел опереться на Россию⁵⁷ и Швецию. В Швеции Фридрих пытался утвердить свое влияние при помощи брака своей сестры Ульрики с наследным принцем.

Вот почему он намеревался сначала заключить с Россией и Швецией оборонительный и даже наступательный союз, а уже после этого союз с Францией для захвата у венгерской королевы Силезии и раздела ее между императором, Пруссией и даже Саксонией. Союз с Россией необходим был Фридриху и потому, чтобы не дать возможности России примкнуть к враждебному ему лагерю и оказать помощь Австрии. Но так как намеченный союз не мог быть осуществлен, пока у руководства внешней политикой России стоял А. П. Бестужев-Рюмин, Фридрих предписывал Мардефельду употребить все свое искусство, чтобы добиться устранения Бестужева путем создания враждебной Бестужеву партии в Петербурге, которая должна была уронить престиж канцлера в глазах Елизаветы⁵⁸. Интриги Мардефельда не достигли цели. Бестужев не был отстранен от руководства внешней политикой. Русское правительство отказалось заключить новый договор с Пруссией. Не согласилось оно и на предложение о заключении тройственного союза между Россией, Пруссией и Швецией.

⁵⁷ Е. С. Феоктистов. Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. 1882 г., стр. 43—46.

⁵⁸ Фридрих рекомендовал Мардефельду действовать в контакте с воспитателем наследника престола голштинцем Брюммером, с медиком царицы Лестоком и французским послом Шетарди, которого в конце 1743 года французское правительство, рассчитывая, что дело Ботты приведет к охлаждению между Россией и Австрией, снова послало в Петербург, дав ему полномочия для заключения торгового и союзного договора с Россией. Французское правительство надеялось изменить в благоприятную для себя сторону курс внешней политики России. Шетарди поставил целью устранить Бестужева. Однако и вторая миссия Шетарди кончилась полным провалом, он был выслан из России. Сб. РИО, т. 105.

Тогда Фридрих предлисал Мардефельду убедить канцлера не давать помощи Австрии и удержать саксонцев от вмешательства в войну. В августе 1744 года Фридрих начал военные действия под предлогом помощи императору Карлу VII.

Новое вмешательство Фридриха в войну остановило наступление австрийской армии, которое она с весны 1744 года вела в Эльзасе и Лотарингии против французов.

Намереваясь вторгнуться в Чехию, Фридрих обратился к саксонскому курфюрсту с требованием пропуска прусских войск через его территорию, но, не дождавшись этого разрешения, ввел свои войска в Саксонию. Между тем, в 1744 году был заключен союзный договор между Россией и Саксонией.

Эти действия Фридриха послужили поводом к тому, что А. П. Бестужев-Рюмин, назначенный в июне 1744 года канцлером, стал указывать на агрессию прусского короля Фридриха, как на главную опасность для России в этот период. Он считал невозможным оставлять без внимания поступки прусского короля. В письме от 11 августа 1744 года вице-канцлеру Воронцову⁵⁹ Бестужев писал: «Сей король будучи наиболижайшим и наисильнейшим соседом Империи, потому натурально наипаснейший, хотя бы он такого непостоянного, захватчивого и возмутительного характера и нрава не был, каков у него есть». Указывая на то, что Фридрих, будучи зачинщиком тяжелой войны в Германии, бросил затем своих союзников и заключил сепаратный мир с Марией-Терезией, потом добивался присоединения России к Бреславльскому договору, а теперь сам же без всякой причины его нарушил, Бестужев предупреждал, что обещаниям и обязательствам Фридриха верить нельзя. Он писал: «Интерес и безопасность империи требуют такие поступки, которые изо дня в день опаснее для нас становятся, индифферентными не оставлять, и, ежели соседа моего дом горит, то я, натурально, принужден ему помогать тот огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы он

⁵⁹ Архив Воронцова, т. II, стр. 18—24. С. М. Соловьев, История России, т. 21, гл. 4, стр. 286—287.

наизлейший мой неприятель был, к чему я еще вдвое обязан, если то мой приятель»⁶⁰.

В этом письме Бестужев изложил основные положения той внешнеполитической системы, которой, с его точки зрения, должна была держаться Россия, которую он называл системой Петра Великого и которая, по его мнению, не только будет способствовать упрочению международного престижа России, но и даст возможность предписывать законы Европе⁶¹. Бестужев определял враждебные России державы «неприятелей», и в первую очередь он указывал на «неприятелей потаенных», которые иногда опаснее явных неприятелей. К таким «неприятелям» Бестужев и относил Пруссию. «Коль более сила короля Прусского умножается, толь боле для нас опасности будет и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа толь обширной Империи приключиться может»⁶².

Бестужев указывал на опасность интриг Фридриха в Швеции, которую он может возбудить против России, действуя через свою сестру, жену наследника шведского престола, на опасность союза Фридриха с Францией, совместно с которой он может возбудить против России и Турцию.

Францию и Швецию Бестужев относил к противникам России, которые «издревле весьма вредные для нас интриги при Порте производили, и Петр Великий... оное довольно сведал...».

«...Еже Франция ныне при Порте против королевы Венгерской учинить старается, то она, когда то ее интерес востребует, равномерно же и против нас учинить не отречется, о чем мы уже частые опыты имели».

Для противодействия проискам враждебных держав Бестужев рекомендовал: «своих союзников не покидать... таких приятелей, на которых положиться можно было, а оные суть: морские державы, которых Петр Великий соблюдать старался, король Польский, яко курфюрст Саксонский и королева Венгерская, по поло-

⁶⁰ Архив Воронцова, кн. II, стр. 19—20.

⁶¹ Там же, стр. 20—21.

⁶² Там же, стр. 21.

жению их земель, которые натуральный с сею Империею интерес имеют»⁶³.

Итак, главным и самым опасным врагом на данном этапе Бестужев считал Пруссию, а затем Францию и Швецию, для противодействия которым он предлагал опираться на Австрию, Саксонию и морские державы, т. е. Англию и Голландию. Таковы основные положения внешнеполитической системы, сформулированной Бестужевым. Для остановки прусской агрессии Бестужев считал необходимым активное вмешательство в Силезскую войну для помощи Саксонии.

Между тем, Фридрих, проведя войска через Саксонию, вторгся в Чехию, напал на Прагу, взял в плен весь гарнизон. Но искусные действия австрийских войск, часть которых была отозвана из Эльзаса, заставили его отступить, и он привел свою армию в Силезию расстроенной и со значительными потерями⁶⁴. Тогда в конце 1744 года Фридрих, через своего посла Мардефельда, обратился к Елизавете с требованием помощи по оборонительному трактату, но получил отказ. Ввиду полученных от русского посла в Стокгольме генерала Любраса сведений о том, что Фридрих обращался с предложением союза к Швеции, было дано распоряжение Любрасу не допускать заключения союза между Пруссией и Швецией⁶⁵.

В это же время даны были указы: Сенату, Военной Коллегии и генерал-фельдмаршалу графу Ласси о содержании в готовности к походу сухопутных регулярных войск, а также донских, украинских и слободских казаков⁶⁶. Указы решено было дать заблаговременно, чтобы слухи о них могли задержать дальнейшие мероприятия прусского короля и образование конфедерации в Польше. Кроме того, учитывалось, что если русскому правительству будет предложено посредничество, то приготвлением войск к походу это посредничество могло бы быть лучше подкреплено⁶⁷.

В январе 1745 года прусский посланник Мардефельд

⁶³ Архив Воронцова, кн. 2, стр. 23.

⁶⁴ Лависс и Рамбо. Всеобщая история, т. 7, СПб, 1906, стр. 18.

⁶⁵ Архив Воронцова, кн. 6, стр. 168—169.

⁶⁶ Там же, стр. 168—169.

⁶⁷ Там же.

повторил предложение, чтобы Россия признала войну; начатую будто бы Марией-Терезией, за *casus foederis* и оказала Пруссии помощь. Бестужев отвечал, что этой войной Фридрих нарушил Бреславльский договор, поэтому она никак не может быть принята за *casus foederis*. Тогда от имени короля Мардефельд сделал новое предложение, а именно, чтобы императрица взяла на себя посредничество между воюющими державами.

Между тем русский представитель при прусском дворе Чернышев уведомлял канцлера, что прусский король далек от принятия посредничества. Фридрих заявил Чернышеву, что не нуждается в посредничестве России и не может принять его, так как дела находятся в очень неопределенном положении⁶⁸. Чернышев писал, что Фридрих пытается выпутаться из войны с сохранением Силезии и обращается к России с просьбой о посредничестве, чтобы отвлечь внимание России от подачи помощи союзникам⁶⁹. Елизавета решительно отказалась от посредничества⁷⁰.

В январе 1745 года умер император Карл VII. Сведения о происках Франции и Пруссии в Польше, о том, что они предлагают польскому королю Августу III императорскую корону, вызывали опасение русского правительства, что это может привести к созданию конфедерации в Польше и к возведению на престол Станислава Лещинского или другого французского или прусского ставленника⁷¹. М. П. Бестужев-Рюмин считал, что если Россия немедленно не подаст помощь Саксонии, то после будет поздно помочь беде. Фридрих заявил саксонскому курфюрсту Августу, что если вспомогательные саксонские войска вместе с австрийскими вступят в Силезию, то Пруссия сочтет это за объявление войны. Он отозвал своего посланника из Дрездена. Саксонское правительство просило двинуть русские войска в Польшу и поставить их на немецких границах. Из Саксонии писали, что достаточно одного сильного движения русских

⁶⁸ Сб. РИО, т. 102, стр. 239.

⁶⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 21, гл. 1, стр. 314—315.

⁷⁰ Сб. РИО, т. 102, стр. 156.

⁷¹ В сентябре 1745 года императором был избран муж Марии-Терезии.

войск, чтобы удержать Фридриха от объявления войны⁷².

В январе 1745 года в Варшаве был заключен договор между морскими державами—Англией и Голландией и Австрией и Саксонией с целью общими силами отразить натиск Фридриха II. Английское правительство предложило России присоединиться к этому договору. По условиям присоединения Россия должна была выставить 40-тысячное войско в распоряжение венгерской королевы за субсидии Англии и Голландии в 2 миллиона флоринов. Однако русское правительство отвергло эти условия, ибо оно не признавало *casus foederis* в отношении Саксонии и не считало действительным договор 1726 года с Австрией⁷³. Елизавета отказывалась от присоединения к Варшавской унии, хотя и соглашалась содействовать своими войсками умиротворению Европы, предлагая заключить особую конвенцию⁷⁴. Союзные державы настаивали на признании *casus foederis* с Саксонией и союзного договора с Австрией⁷⁵.

По поводу присоединения России к Варшавскому договору и об оказании помощи Саксонии столкнулись 2 мнения: канцлера Бестужева и вице-канцлера Воронцова. Бестужев в своем мнении, поданном в сентябре 1745 года, указывал на ненадежность прусского короля как союзника, на опасность его враждебных происков в Швеции и Польше, считал необходимым для России, в порядке выполнения обязательств перед союзниками, оказать помощь Саксонии, чего, с его точки зрения, требовала и безопасность Империи. Бестужев предлагал оказать Саксонии помощь, не вступая в войну, а давая войска в качестве вспомогательных или же присоединиться к Варшавскому трактату⁷⁶.

Вице-канцлер Воронцов подал особое, противоположное мнение. Воронцов считал, что посылка войск в помощь Саксонии может не прекратить агрессивных действий короля, а только вовлечет Россию в длительную

⁷² См. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 22, гл. I, стр. 353—358.

⁷³ М. Щепкин. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. Стр. 4—7.

⁷⁴ Там же, стр. 12—15.

⁷⁵ Там же, стр. 24.

⁷⁶ Архив Воронцова, кн. 2, стр. 93.

войну. Движение войск через Польшу вызовет протест поляков против разорения их земель и создаст конфедерацию, которая может быть поддержана Францией и Пруссией и может привести к низвержению польского короля с престола и к тому, что Франция и Пруссия посадят на польский престол своего кандидата. Движение же через Пруссию и необходимость реквизировать продовольствие для солдат вызовут еще большие эксцессы, русские могут быть атакованы пруссаками и побиты, что принесет бесславие и тягостные последствия. Наконец, Воронцов указывал и на то, что для посылки войск нужна немедленная организация магазинов с провиантом и фуражом, нужен и набор рекрутов, все это требует средств, а их в государстве очень мало. Поэтому, во избежание нареканий (со стороны Саксонии) о невыполнении трактата, Воронцов рекомендовал вместо посылки войск давать деньгами по 450.000 руб. в год. Он предлагал предъявить прусскому двору требование воздержаться от нападения на Саксонию, грозя в противном случае посылкой войск, а саксонцев уверять, что атакованы они не будут⁷⁷.

Елизавета два раза собирала Чрезвычайный совет для обсуждения этого вопроса. Между тем, Фридрих объявил войну Саксонии и занял принадлежавшую ей Лузанию. Успехи Фридриха ускорили решение спорного вопроса⁷⁸. Все участники совета высказались за то, что невозможно больше терпеть усиление прусского короля, что необходимо послать помощь Саксонии. Елизавета заявила, что король Пруссии не имеет *casus foederis*, чтобы напасть на Саксонию, а поэтому справедливо будет подать ей помощь⁷⁹.

Польский король был извещен о признании Россией *casus foederis*, а Фридриху было послано сообщение, что Саксонии будет оказана помощь⁸⁰. Елизавета дала распоряжение двинуть из Лифляндии и Эстляндии войска в Курляндию, расположить их здесь на зимние квартиры и, доведя здесь в течение зимы армию до 50.000 человек, с

⁷⁷ Архив Воронцова, кн. 6, стр. 96—97.

⁷⁸ Е. Щепкин. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. СПб соч. стр. 30—33.

⁷⁹ С. М. Соловьев. т. XXII, гл. I, стр. 361.

⁸⁰ Е. Щепкин, указ. соч., стр. 30—33.

весны начать наступление против Пруссии. Однако положение Саксонии было критическим. Фридрих взял Герлиц, шел на Дрезден. Пецольд, саксонский резидент в России, требовал немедленного вторжения русских войск в Пруссию⁸¹.

Французы, занятые во Фландрии, не оказали помощи Фридриху. Тогда, обвинив Людовика XV в невыполнении условий Союза, Фридрих через своего представителя Андрие начал тайные переговоры с английским королем в Ганновере. 2 сентября Фридрих под строгим секретом сообщил Мардефельду, что он заключил с английским королем перед отъездом короля из Ганновера конвенцию, согласно которой мир между ним и венгерской королевой будет заключен на условиях, установленных прелиминариями, подписанными с той и с другой стороны. Фридрих писал Мардефельду, что ему кажется, что он выпутался из лабиринта⁸².

Согласно условиям Ганноверской конвенции, решено было приостановить военные действия австрийской, прусской и саксонской армий на 6 недель, а перемирие это должно было послужить началом устранения несогласий между воюющими странами⁸³.

Венский и Дрезденский дворы отвергли эту конвенцию и решили продолжать военные действия⁸⁴.

Английский представитель при русском дворе Гиндфорд тщетно обращался к английскому правительству за инструкциями по поводу того, как ему объяснять русским Ганноверскую конвенцию. Тщетно убеждал он свое правительство, что для обеспечения дружбы с Россией необходимо выразить готовность субсидировать меры, предпринятые Россией по организации магазинов и мобилизации армии⁸⁵.

Английское правительство предлагало объяснить в Петербурге, что король обязался употребить свои добрые услуги в восстановлении мира между австрийским и бранденбургскими дворами на строгом основании Бреславльского договора, гарантированного обеими сторона-

⁸¹ Там же, стр. 30—33.

⁸² *Polit. Korresp. Fr. d. Gr.* В IV s. 170—171.

⁸³ Сб. РИО, т. 102, стр. 334—335.

⁸⁴ Сб. РИО, т. 102, стр. 355.

⁸⁵ Там же, стр. 362—363.

ми—и Англией и Россией, а следовательно, в Ганноверском трактате нет ничего нового, что бы уже раньше не было одобрено и утверждено русским двором⁸⁶. Английский король заявлял, что не видит оснований для жалоб со стороны русского двора в отношении Ганноверской конвенции, ибо она вызвана главным образом отказом России принять предложения, сделанные морскими державами о присоединении к Варшавскому договору⁸⁷.

А между тем Фридрих писал Мардефельду, что он обращался к английскому двору с просьбой дать Гиндфорду инструкцию действовать согласно с Мардефельдом с целью предотвратить мероприятия русского двора против него в пользу саксонского курфюрста, несогласные с Ганноверской конвенцией⁸⁸.

Когда русский посол в Лондоне Щербатов осведомился о намерении Англии в отношении выполнения условий Варшавского трактата о помощи польскому королю—саксонскому курфюрсту, Гаррингтон ответил, что английский король рад слышать о принятых в России мерах в помощь саксонскому курфюрсту, но Англия, ввиду внутренних осложнений—бунта в Шотландии, считает за лучшее держаться Бреславльского трактата, дабы быть безопасной от короля прусского и иметь больше сил против Франции, а для этого желательно, чтобы венгерская королева пошла на примирение⁸⁹.

Итак, английское правительство не скрывало, что в условиях продолжавшейся борьбы с Францией в колониях оно готово для усиления своих позиций против Франции пожертвовать интересами союзников. Русское же правительство считало противодействие агрессии Фридриха неотложной задачей.

Декларация об отданном Елизаветой распоряжении о движении русских войск в Курляндию была неожиданностью для Мардефельда. В своих донесениях Фридриху он уверял, что Россия не в состоянии быстро начать войну⁹⁰. Однако Фридрих, сам зорко следя за движением

⁸⁶ Там же, стр. 355.

⁸⁷ Там же, стр. 376—377.

⁸⁸ Там же, стр. 365.

⁸⁹ АВПР. Снош. России с Англией 1745 г. № 5, л. 248—249, 252.

⁹⁰ Polit Korresp F. d. Gr. B. IV, s. 326.

русских войск, обращал внимание Мардефельда на то, что он, сообщая в деталях о делах России, легкомысленно проходит мимо этого важного факта. Фридрих предлагал Мардефельду намекнуть Бестужеву, что Пруссия знает, чего держаться, благодаря Ганноверской конвенции, и, что если Саксония не захочет примкнуть к этой конвенции, английский король имеет средства ее заставить. Фридрих предлагал внушить, что до сих пор он делал все возможное, чтобы быть в добром согласии с русской императрицей, но если она, вопреки здравому смыслу, хочет оказать помощь его врагам и вторгнуться в Силезию, то он должен будет утешиться и найдет больше друзей, чем думают. Фридрих рекомендовал Мардефельду не держаться угрожающего тона, но быть твердым и точно уведомлять его о движениях, которые делают русские войска⁹¹.

В конце ноября Мардефельд вручил русским министрам ноту Ганноверской конвенции и уверял канцлера, что как Англия, так и Голландия решились поддержать Ганноверскую конвенцию, отняв свои субсидии от дворов Венского и Дрезденского и даже силой вынудив их к примирению с прусским королем на основаниях Бреславльского договора. Но так как русские войска продолжали продвижение, Мардефельд умолял Гиндфорда помочь ему в приостановке движения русского вспомогательного корпуса в Саксонию⁹². Он хотел вместе с Гиндфордом убедить русское правительство склонить польского короля к принятию Ганноверской конвенции с условием, что саксонский курфюрст отзовет все вспомогательные войска, которыми он снабдил венгерскую королеву, а также не разрешит ни австрийским, ни каким-либо иным войскам проходить через свою территорию⁹³.

Вопреки заверениям Мардефельда, Фридрих очень опасался зимней диверсии России в Пруссию. Он предписывал Мардефельду приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать этому, так же как и возможному союзу России с Австрией⁹⁴.

⁹¹ Polit. Korresp. F. d. Gr, B, IV. стр. 334.

⁹² Сб. РИО, т. 102, стр. 377—378.

⁹³ Там же, стр. 382—383.

⁹⁴ Polit. Korresp. B. IV, стр. 373—374.

15 декабря Фридрих разбил саксонцев под Кессельдорфом, занял всю Саксонию, завладел Дрезденом. Тогда канцлер от имени императрицы обратился через Гиндорфа к английскому правительству с предложением: ввиду того, что императрица поставлена в необходимость как ради собственной безопасности, так и ради помощи своему союзнику королю польскому—ослабить силы короля прусского, но не имеет средств (денежных) для выполнения этих намерений, то в случае, если морские державы немедленно выплатят ей шесть миллионов, она готова принять на себя всю тяжесть войны: вместо 30.000 двинет 100.000 и одной кампанией прекратит войну в Германии⁹⁵.

21 декабря собран был совет по вопросу о помощи Саксонии, который должен был решить вопрос о том, «какие для возвращения Польскому королю наследной его земли, удержания его на Польском престоле и для сокращения, в рассуждении собственной Российской империи безопасности сил короля Прусского наиспособнейшие и надежнейшие меры принять надлежит»⁹⁶.

Совет продолжался 23 и 24 декабря и вынесено было решение: 30 полков, собранных по указу 8 октября сего года в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, расположить ближе к границам, чтобы по первому указу они могли без остановки выступить в поход, все те полки укомплектовать людьми и лошадьми, отправить туда же полевую артиллерию, привести в готовность к походу осадную артиллерию.

Такие же распоряжения были даны и в отношении назначенных туда по указу нерегулярных войск. Дано распоряжение привести в готовность остальные армейские полки, расположенные внутри России. Для приведения полков в готовность, для укомплектования их немедленно произвести сбор рекрут и лошадей.

Ввиду недостатка наличных денег на расходы армии было решено при сборе подушных денег на первую половину будущего года сверх обычных собрать еще со всего государства с положенных в семигивенный оклад по 10 коп., а с положенных в сорокаалтынный оклад по

⁹⁵ Сб. РИО. т. 102, стр. 394.

⁹⁶ Там же, стр. 497—498.

15 коп. с каждой души, а из Сената послать гвардии обер- и унтер-офицеров во все губернии и провинции забрать все собранные штрафные и другие деньги и отправить их в Сенат. Вооружить и укомплектовать людьми корабельный и галерный флоты.

Приведя таким образом в готовность армию для совершения диверсии в Пруссию, русское правительство решило ожидать известий—будет ли заключен мир между воюющими державами, или же прусский король нарочно протянет несколько месяцев под разными предложениями для большего усиления. Если мир будет заключен не в пользу курфюрста саксонского, с «принуждением», поневоле, или если мир между курфюрстом и Фридрихом не будет заключен, в таком случае польский король будет требовать диверсии русских войск в Пруссию. Тогда собранные в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии полки и нерегулярные войска должны будут выступить в Польшу и маршировать дальше, приближаясь к прусским границам. Решено было заранее исходатайствовать разрешение на вступление войск в Польшу и чтоб для прохода войск поблизости к прусским границам заранее присланными комиссарами с деньгами были заготовлены в надлежащих местах провиант и фураж⁹⁷. В таком случае русские войска могли бы уже зимой вступить в Польшу, а затем в зависимости от обстоятельств и в прусские земли в качестве вспомогательных войск. Было решено держать связь с Саксонским двором и его союзниками, добиваясь от них помощи и совместных действий против прусского короля, а от тех союзников (морских держав), которые войсками помочь не могут, добиваться субсидии деньгами. В решении совета было говорено, что необходимо привести армию в такое состояние, чтобы в нужном случае возможно было, не полагаясь на посторонние обещания, одними своими силами с прусским королем сладить и, если возможно, в одну кампанию его «усмирить», чтобы он Швецию или другие враждебные государства не привлек и тем еще более не усилился⁹⁸.

Россия не успела выступить на помощь Саксонии.

⁹⁷ Сб. РИО, т. 102, стр. 503—504.

⁹⁸ Сб. РИО, т. 102, стр. 504.

25 декабря 1745 года был подписан Дрезденский мир между Саксонией и Австрией, с одной стороны, и Пруссией—с другой. Согласно условиям мира, за Фридрихом по-прежнему закреплялись Силезия и Глац. Однако Россия усиленно продолжала свои военные приготовления. 4 января 1746 года Гиндфорд, сообщая об этих приготовлениях, называл поведение русского двора загадочным.

7 января 1746 года снова был созван по указу императрицы специальный совет по вопросу о том, какие «наилучшие и наиболее полезные меры принять при нынешнем усилении короля Пруссии для предупреждения его внезапного нападения на Российские владения». Императрица заявила, что надлежит приготовить возможно больше войск, чтобы, если можно будет, действовать в качестве вспомогательных войск против прусского короля, а также необходимо приложить старание без замедления заключить союзы с Венским и Датским дворами. Елизавета настаивала на скорейшем оформлении союза с Данией, отложив на будущее вопрос о Шлезвиге до полюбовного соглашения датского короля с голштинским герцогом, ибо в случае, если Швеция, подстрекаемая Францией и Пруссией, вместе с ними что-либо против России предпримет, то можно будет воспользоваться помощью, установленной трактатом с датским королем⁹⁹.

После заключения Дрезденского мира английский король согласно своему обязательству по Ганноверской конвенции, готовясь дать гарантию Дрезденского договора и дав обещание позаботиться о возобновлении гарантии, данной русской императрицей по вопросу об уступке Силезии, через Гаррингтона поручил Гиндфорду совместно с Мардефельдом и австрийским посланником (если последний будет уполномочен действовать с ними заодно) употребить все средства, чтобы убедить русский двор дать гарантию Дрезденского договора¹⁰⁰.

Однако Гиндфорд в своих донесениях неоднократно указывал, что канцлер не только высказался против Дрезденского договора, но даже заявил, что морские

⁹⁹ Архив Воронцова, т. VII, стр. 1—5.

¹⁰⁰ Сб. РИО, т. 103, стр. 12—13.

державы не имеют права требовать от Саксонии десяти-тысячного войска согласно условиям Варшавского договора, ибо Варшавский договор упрямлен во всех своих статьях договором Дрезденским¹⁰¹. Когда Гиндфорд ознакомил Бестужева с данным ему предписанием об оказании содействия Мардефельду в его стремлении добиться гарантии России относительно уступки Силезии, канцлер ответил: «Мы не знаем о существовании подобной гарантии, а тем менее Императрица не подумает дать новую»¹⁰². Все усилия английского представителя убедить русское правительство присоединиться к этой гарантии оказывались тщетными.

Между тем враждебные России происки Пруссии в Польше и Швеции делались все беззастенчивее. В середине января 1746 г. Гиндфорд, размышляя о том, что является причиной военных приготовлений России, высказывал мысль, что главная причина—опасение русского правительства по поводу интриг прусского короля в Швеции, который собирается заключить с Шведским двором договор, а также по поводу предъявленного прусским королем коронному гетману в Польше требования о проведении корпуса прусских войск в Россию через территорию Речи Посполитой, через Эльбинг и Торн¹⁰³.

Полномочный представитель России в Саксонии М. П. Бестужев-Рюмин, отмечая в своем донесении от 28 января 1746 г. опасное для России усиление влияния прусского короля в Польше, сообщал о полученном им секретном известии о том, что Фридрих разослал офицеров в Польшу и в разные места для вербовки рекрутов, чтобы иметь возможность подвинуть 30.000-ю армию к Польской границе и взять Торн, Эльбинг, Гданьск, а другому корпусу в 30.000 человек дано распоряжение следовать к Курляндским границам, чтобы наблюдать за движением русских войск. Принца Фердинанда Брауншвейгского Фридрих намерен возвести в герцоги курляндские. Фридрих рассчитывает получить помощь от Швеции. Все это, пишет М. П. Бестужев-Рюмин, создает опасность для России, если только русская

¹⁰¹ Там же, стр. 14.

¹⁰² Там же, стр. 32.

¹⁰³ Сб. РИО, т. 103, стр. 6—7.

императрица не поспешит «какими-нибудь сильными способами все его виды расторгнуть и уничтожить»¹⁰⁴.

В приложении к реляции русского посла в Дании Корфа говорилось о полученных им сведениях о том, что между Швецией, Пруссией и Польшей тайный союз в «работе находится», а именно: Швеция уступает Поме- ранию Пруссии, но за то Пруссия обязуется всеми сила- ми помочь Швеции в возвращении Лифляндии. Пруссия захватит Курляндию, Польша получит назад Киев, Смо- ленск и Украину, римский же император, муж Марии- Терезии, из уважения к ее дому, не пошлет ни одного человека на помощь России¹⁰⁵.

Русский чрезвычайный посланник при Датском дворе сообщал о дошедших до него слухах, что Прус- сия, Франция и Швеция пытаются привлечь к союзу с ними и Датский двор¹⁰⁶. Такой же слух о том, что «Датское министерство старается для безопасности гра- ниц с королями прусским и французским некоторые обязательства постановить...» передавал и русский ре- зидент в Гамбурге Гейнсон¹⁰⁷.

В феврале 1746 года М. П. Бестужев-Рюмин сооб- щал о настроении Саксонского двора. Премьер-министр Саксонии граф Брюль заверял, что хотя Саксонский двор и считает с самого начала и до сих пор Дрезден- ский мир поступком вынужденным, но, будучи разгром- ленным, разоренным, но не только не в состоянии прини- мать какие-либо меры для того, чтобы поправить поло- жение, но даже не надеется без помощи России сохра- нить и в дальнейшем свою безопасность. Как бы сак- сонский двор ни желал избавиться от условий этого ми- ра, но без советов и содействия русского правительства ничего предпринимать не может и не намерен. Но, воз- лагая все надежды на дружбу и поддержку России, он в то же время опасается, как бы об этих его надеждах не стало известно прусскому королю и как бы не под- вергнуться от него новому разорению¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 135.

¹⁰⁵ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 125—126.

¹⁰⁶ Там же, стр. 149.

¹⁰⁷ Там же, стр. 143—147.

¹⁰⁸ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 153.

Русское правительство принимало меры в Польше против враждебных происков прусского короля, убеждая через своих представителей курляндское дворянство, чтобы оно добивалось избрания курлянского герцога Августа, в противовес ставленнику Фридриха Фердинанду Брауншвейгскому. По поводу предполагаемого прусско-шведского союза делались неоднократные внушения Шведскому двору через генерала Любраса о том, что на дружбу и союз прусского короля полагаться невозможно, потому что он никакие трактаты не выполняет, о чем свидетельствуют его поступки с Французским и Шведским дворами¹⁰⁹.

Между тем Мардефельд сообщил Гиндфорду о подготовленном будто бы русским правительством плане одновременного с Австрией и Саксонией нападения на Пруссию. Гиндфорд обратился за разъяснениями к русскому канцлеру¹¹⁰.

14 апреля в ответ на сообщение Гиндфорда от 28 марта о полученном им из Лондона письме о происках Франции и Пруссии в Швеции и Дании против России и на просьбу его от имени английского короля уведомить о намерении императрицы в отношении «генеральных европейских и особенно при нынешнем состоянии северных дел», была составлена и утверждена императрицей записка. Ввиду подозрения русского правительства, не хотят ли англичане не только выведать намерения России и не имеют ли они каких-либо тайных видов, противоположных русским интересам, записка не содержала в себе никаких конкретных планов. Наряду с заверениями в «дружбе и добром согласии» с Англией в ней напоминалось о поступках английского двора, несовместимых с дружбой и союзническими отношениями, а именно, о Ганноверской конвенции, заключенной без уведомления Русского двора и помешавшей правильному ходу европейских дел¹¹¹. Однако императрица заявляла, что, как верная союзница, она не отказывается сообщить королю о своих намерениях. В записке говорилось, что целью делаемых военных приготовлений,

¹⁰⁹ Там же, стр. 39—40.

¹¹⁰ Сб. РИО, т. 103, стр. 31.

¹¹¹ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 67.

сопряженных с громадными издержками, являются: 1. Сохранение собственной безопасности и оборона империи и ее владений. 2. Спокойствие и настоящее положение вещей на севере и вообще и в частности охрана Польши... 3. Помощь друзьям и союзникам и способствование таким образом общему благу европейских дел. Что же касается наиболее удобного способа достижения этой цели, то русское правительство предпочитало дожидаться более подробных объяснений английского короля¹¹².

Известия о четверном союзе Франции, Пруссии, Швеции и Дании, опасение, что, вспыхнувши на севере, война вовлечет и Англию, побуждали англичан приложить все силы к тому чтобы добиться от России принятия мер для предотвращения собирающейся бури, тем более, что заключение Ганноверской конвенции отнюдь не гарантировало англичанам выполнение Фридрихом его обязательств. Гиндфорд считал, что сообщенный ему Мардефельдом план соглашения между императрицей, Австрийским домом и польским королем для нападения на короля прусского выдуман Прусским двором с целью дать Фридриху возможность преследовать свои собственные агрессивные намерения. Но, наблюдая продолжающиеся военные приготовления России, Гиндфорд допускал, что эти державы склонны воспользоваться мыслями, внушенными им прусским королем¹¹³ и вступить в контрсоюз против него.

При Русском дворе Гиндфорд узнал, что, по полученным им сведениям, дружеская помощь прусского короля Англии, якобы собирающего шесть тысяч войска, готового для посылки в Англию в случае, если их оттуда потребуют, не более, как игра, что теперь более чем когда-либо Фридрих связан с Францией. Русское правительство, понимая намерение Фридриха предпринять новую агрессию против соседей, намерение, сдерживаемое страхом перед русскими войсками, так близкими к его границе, вынесло решение содержать 90.000-й корпус там, где он может наводить страх на прусского короля¹¹⁴. Полученные из Саксонии сведения о том, что

¹¹² Сб. РИО, т. 103, стр. 43—44.

¹¹³ Там же, стр. 34—36.

¹¹⁴ Там же, стр. 37—38.

Дрезденский двор, встретив затруднения при заключении договора о субсидиях с морскими державами, готов согласиться на субсидию со стороны французов с обещанием сохранить нейтралитет, побудили русское правительство послать саксонцам предупреждение, что если они примут французское предложение, то русская императрица не будет больше вмешиваться в их дела ни в Саксонии, ни в Польше¹¹⁵.

Стараниями русской дипломатии в Швеции удалось добиться того, что шведский король заверял о расторжении им договора с Пруссией и что он сделает все возможное для предупреждения возобновления этого договора.

К 1746 году относится одно из важных мероприятий по упрочению позиций России в ее борьбе против прусской агрессии—заключение союзного договора с Австрией. Союз с Австрией был одним из главных условий внешнеполитической системы А. П. Бестужева-Рюмина. Если общность интересов по борьбе с Турцией была его основой, то в условиях растущей опасности прусской агрессии в обстановке назревающего сближения Франции, Пруссии, Швеции союз с Австрией приобретал для России особую актуальность.

Еще в конце мая 1745 года австрийскому послу было объявлено согласие русской императрицы возобновить прежний союзный договор 1726 года и были вручены замечания на статьи, которые должны подвергнуться изменениям. Но только после приезда в Петербург нового австрийского посланника барона Претлака, который был принят Елизаветой на аудиенции 17 декабря 1745 года, начались окончательные переговоры о заключении оборонительного союза.

В ходе переговоров А. П. Бестужев-Рюмин решительно отклонил настойчивые требования австрийских дипломатов распространить *casus foederis* на войну, которая шла между Австрией и Францией. А. П. Бестужев-Рюмин считал это слишком тяжелым для России обязательством без достаточной компенсации. 22 мая 1746 года союзный трактат между Россией и Австрией на 25 лет был подписан. Согласно условиям этого трак-

¹¹⁵ Там же, стр. 46, 49.

тата Россия и Австрия взаимно обязывались в случае войны оказывать помощь друг другу 30-тысячным корпусом (20 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы). Исключалась война Австрии в Италии и России в Персии. В этом случае войска должны быть сосредоточены на границе и служить для демонстрации. Если же в ходе войны одного из союзников в Италии или в Персии на него будет произведено нападение третьей державы, то *casus foederis* вступит в силу. Текст трактата предусматривал приглашение Польши, Саксонии и Англии присоединиться к договору. Секретнейшая статья договора предусматривала, что в случае нападения на ту или другую договаривающуюся сторону Турции другая союзная держава немедленно объявит войну и ведет ее всеми наличными средствами. В интересах России Австрия расторгла свой договор с Данией 1732 года и по секретной сепаратной статье обязалась оказывать поддержку претензиям русского великого князя, как голштинского герцога. Особая секретная статья предусматривала помощь России Австрии — посылкой 15.000 человек, в случае нового нападения Франции на Австрию (настоящая война Австрии с Францией исключалась), а Австрия обязывалась дать 15.000 в случае войны России со Швецией. Секретная статья намечала и мероприятия по борьбе с Фридрихом, в случае нарушения им Дрезденского мира и нападения на Россию Австрии или Польши, а именно: Россия и Австрия взаимно обязались выставить 60-тысячное войско и добиваться возвращения Силезии и Глаца Австрии, и в случае успеха Австрия обязывалась выплатить России 2 миллиона гульденов¹¹⁶. В первой половине июля договор был ратифицирован.

В апреле русское правительство начало переговоры о союзном договоре с Данией. 10 июня русско-датский договор о взаимной помощи был подписан¹¹⁷. Союз этот был сильным ударом по интригам Франции и Пруссии в Копенгагене.

¹¹⁶ Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. 1, стр. 145—177.

¹¹⁷ Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. 1, М., 1894, стр. 274—275. См. также Сб. РИО, т. 103, стр. 69.

Иначе обстояло дело с Саксонией. В августе 1746 года рассмотрено было в Коллегии Иностранных дел письмо М. П. Бестужева-Рюмина, в котором он (со слов саксонского министра) сообщал, что в Саксонию приезжал прусский министр Клингреф и говорил именем прусского короля, что Фридрих, узнав, будто бы между Россией и Саксонией что-то затевается противное интересам Пруссии, предупредил, что если это соответствует действительности, то теперь он уже иначе поступит с Саксонией и, войдя в ее земли, с пустыми руками назад не уйдет¹¹⁸. В нескольких реляциях М. П. Бестужев-Рюмин сообщал, что прусские солдаты под предлогом отпуска домой в большом числе проходят через Польшу и собираются в окрестностях Гданьска, так что число их превосходит гданьский гарнизон¹¹⁹.

Осенью 1746 года был заключен брак наследника французского престола с саксонской принцессой¹²⁰. Втайне от союзников Саксония заключила соглашение с Францией, по условиям которого, получая субсидии от Франции, она обязалась сохранять нейтралитет¹²¹.

Заключение русско-австрийского договора укрепило позиции России в борьбе с Пруссией и сообщило политике русского правительства большую решительность. Ввиду явно враждебных интриг прусского посла Мардефельда в Петербурге правительство Елизаветы неоднократно ставило перед Фридрихом вопрос об отзыве Мардефельда. Так как Фридрих тянул с отзывом, то русский посол Чернышев был отозван из Берлина, а русское правительство особой нотой заявило Мардефельду, что, в ожидании нового посланника, с ним не будут вести сношений ни устно, ни письменно. Мардефельд оставался в Петербурге до приезда нового посла Финкенштейна (которого Фридрих намеревался перевести из Швеции), но он лишен был возможности сноситься каким-либо образом с Русским двором¹²².

¹¹⁸ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 181.

¹¹⁹ Там же, стр. 188, 196, 198.

¹²⁰ С. Соловьев, История России, т. 22, кн. 2, стр. 217—220.

¹²¹ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 246.

¹²² Сб. РИО, т. 103, стр. 78—79, 83.

11 августа 1746 года на совете, созванном Елизаветой, на основании известий, рассмотренных коллегией иностранных дел, было вынесено решение оставить большую часть армии зимовать вблизи западных границ¹²³.

В «Политической переписке» Фридриха письма, относящиеся к лету и осени 1746 года, свидетельствуют о беспокойстве Фридриха как по поводу военных приготовлений России, так и по поводу русско-австрийского союза. Правда, Фридрих сообщает Мардефельду о заверениях Англии, что пока он в союзе с нею, ни Россия, ни Австрия не будут действовать против него, да и союз их оборонительный¹²⁴. В инструкции новому посланнику Финкенштейну Фридрих дает задание рассеять предубеждение в Петербурге, будто бы Пруссия ведет переговоры о наступательном союзе с Швецией против России, и, наоборот, внушить, что прусский король намерен пригласить Россию присоединиться к этому союзу. Финкенштейну поручалось заверить русское правительство, что система короля всегда останется неизменной: поддерживать по возможности дружбу с Россией и не делать никаких шагов, которые могли бы быть рассмотрены как противные этой системе.

Финкенштейн должен был внимательно следить за всеми приготовлениями русских войск и детально информировать о них Фридриха¹²⁵.

Заключение русско-австрийского союза и содержание русской армии в готовности к немедленному выступлению явились выражением последовательной линии внешней политики России, направленной на борьбу с прусской агрессией в период 2-й Силезской войны и после Дрезденского мира, способствовавшей сдерживанию агрессии.

*
*
*

Дрезденский мир не закончил войну за австрийское наследство. В 1746 году интенсивные военные действия продолжались в австрийских Нидерландах между фран-

¹²³ Архив Воронцова, кн. 7, стр. 202, 203.

¹²⁴ Polit. Korresp. Fr. d. Gr. B. V. s. 144—145.

¹²⁵ Там же, B. V, s. 293—295

цузскими и австрийскими войсками. Франция хотела вознаградить себя здесь за свои неудачи в Италии и на морях. Успехи французской армии в Австрийских Нидерландах, создавшие угрозу союзнице Англии — Голландии, побудили английское правительство в конце 1746 года начать переговоры с Россией о предоставлении в помощь Англии вспомогательного корпуса русских войск за субсидии. В июне (12—23.VI) заключена была конвенция между Россией и Англией, согласно условиям которой русское правительство обязалось за субсидию в 100.000 фунтов стерлингов держать в течение 1747 года на Лифляндских и Курляндских границах 30.000-й корпус пехоты и от 40 до 50 галер с потребным экипажем готовыми по первому требованию Англии действовать на том месте, где будет нужна¹²⁶.

В мае 1747 года французская армия вторглась в Голландию. Неудачный ход кампании побудил англичан заключить с Россией 19 ноября 1747 года вторую конвенцию. Согласно условиям этой конвенции, русское правительство обязалось за 300.000 фунтов стерлингов ежегодно посылать на Рейн «для службы на Мозеле или в Нидерландах» на 2 года еще 30.000-й корпус войск, в том числе 400 конных гренадер и такое же количество нерегулярных войск на помощь союзникам. Англия заключила эту конвенцию совместно с Голландией, за которую поручалась в выполнении ею ее доли денежных обязательств по содержанию русских войск.

В декабре была возобновлена конвенция о содержании 30.000-го корпуса на русских границах (на 1748 год)¹²⁷. Характерно, что секретная статья, которую русское правительство включило в конвенцию 9 декабря, о том, что расположенные на Лифляндских и Курляндских границах войска должны будут действовать только против Пруссии, не была ратифицирована англичанами¹²⁸.

В начале 1748 года русский корпус под командованием Репнина выступил в поход через Польшу. Англи-

¹²⁶ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. т. IX(X), стр. 146.

¹²⁷ Ф. Мартенс. Т. IX(X), стр. 150—153, 155—156.

¹²⁸ Там же, стр. 171—172, Сб. РИО, т. 103, стр. 354.

чане требовали ускорения движения русского корпуса, жалуясь на его медлительность¹²⁹. Однако русские войска не успели дойти до театра военных действий. Несостоятельность Голландии в уплате своей доли за содержание русского корпуса побудила Англию стремиться к скорейшему окончанию войны¹³⁰.

Поход русского корпуса Репнина несомненно ускорил окончание войны, сделав и французов более сговорчивыми. 17/30 апреля были подписаны предварительные условия мира между морскими державами и Францией. Франция вернула всю занятую ею территорию в Нидерландах, отказывалась и от завоеваний в колониях. В предварительных была и секретная статья о гарантии Англией «старых и новых» владений прусского короля. Закключив с Французским двором соглашение о том, что французы отзовут 37.000 человек своего войска из Фландрии в том случае, если английский король даст приказание отозвать русские войска, англичане потребовали немедленного возвращения русского корпуса в Россию¹³¹. Этим требованием англичане нарушали ноябрьскую конвенцию 1747 года, по условиям которой они могли отослать русские войска в случае заключения мира раньше истечения 2-х лет только в удобное время года (т. е. за исключением осенних и зимних месяцев—октября—февраля)¹³². Только энергичный протест русского правительства против требования о немедленном возвращении войск и согласие австрийского правительства предоставить русской армии зимние квартиры в Верхней Силезии¹³³ спасли русскую армию от лишений и опасностей этого похода. Выплата субсидий производилась Англией с большой задержкой после неоднократных напоминаний со стороны русского правительства. Добившись выгодных для себя условий мира, Англия уже не заботилась об интересах союзников. Она не выполнила условий конвенции с Россией в отношении участия России на кон-

¹²⁹ Сб. РИО, т. 103, стр. 513—514, 546—547, 590.

¹³⁰ Там же, стр. 588—589.

¹³¹ Сб. РИО. т. 110 стр. 176—178, 181.

¹³² Ф. Мартенс. Т. IX(X), стр. 161—163.

¹³³ Сб. РИО, т. 110, стр. 67—68.

грессе¹³⁴. Русский представитель так и не был допущен в Аахен.

Фридрих в течение 1747 года зорко следил за всеми перипетиями переговоров России с Англией по поводу субсидных конвенций. В начале 1748 года, в переписке с Финкенштейном, оценивая положение в России, Фридрих приходил к выводу, что настоящее время не сулит ему ничего такого, из чего бы можно было заключить о близкой гибели канцлера, т. е. о перемене в благоприятную для Пруссии сторону курса внешней политики России. Фридрих считал, что нужно, чтобы коренным образом изменились внешние обстоятельства, чтобы можно было надеяться на удаление Бестужева¹³⁵. Однако заключение прелиминарий изменило настроение Фридриха.

После заключения прелиминарий Фридрих писал Финкенштейну, что, как только он будет в хороших отношениях с Англией, ему нечего будет опасаться России¹³⁶. Фридрих выражал уверенность, что гарантия Англией всех прусских владений, к чему она обещает побудить все союзные страны и даже Россию¹³⁷, не может не поставить канцлера в затруднительное положение. Правда, Фридрих подозревал, что Венский двор хотел бы воспользоваться услугами России против него. Но если бы даже венгерская королева воспользовалась помощью России, она бы не была в состоянии что-нибудь предпринять и еще меньше надеяться успешно выполнить какое-либо важное предприятие без поддержки денежными субсидиями иностранных держав, которые, заключив прелиминарии, дали Фридриху гарантии его завоеваниям, и королева венгерская вынуждена будет присоединиться к прелиминариям. По мнению Фридриха, вопрос о Силезии в настоящее время не может быть затронут без того, чтобы наиболее значительные державы Европы не приняли в нем участия¹³⁸. Фридрих выражал удовлетворение по поводу того, что Россия будет вынуждена довольствоваться в настоящий момент простой ролью наблюдательницы

¹³⁴ Ф. Мартенс, т. IX (X), стр. 166—171.

¹³⁵ Polit. Korresp. F. d. Gr. B. VI, s. 30.

¹³⁶ Там же, VII, 118.

¹³⁷ Там же, VI, 134.

¹³⁸ Там же, B. VI, 141.

того, как решаются дела Европы, и он не видит никакой вероятности, что она добьется хоть малейшего изменения в свою пользу¹³⁹. Фридрих даже не считал теперь нужным привлекать Бестужева на свою сторону, потому что гарантия России, по его мнению, не заключает в себе достаточной солидности, чтобы затрачивать много труда для ее обеспечения¹⁴⁰. Отмечая колеблющуюся позицию Англии, которая то предложила ему союз, то замолчала, то опять напомнила о нем, Фридрих приходит к выводу, что он не будет торопиться заключать союз ни с Англией, ни с другой державой, который не даст ему достаточно почетных и выгодных условий¹⁴¹. Фридрих рассчитывал на трения, которые возникнут между Россией и морскими державами в связи с требованиями последних, в соответствии с заключенной в Аахене конвенцией о возвращении русских войск¹⁴². Он надеялся также и на обострение трений морских держав с Австрией по поводу русских войск. Оставление же русских войск на зиму в Моравии приведет (по его мнению) к нарушению англичанами конвенции с Францией о немедленной отсылке русских войск, что сделает положение еще более щекотливым¹⁴³.

18 октября 1747 года прелиминарии мира были окончательно утверждены Аахенским конгрессом. Аахенский конгресс утвердил Прагматическую Санкцию и признал мужа Марии-Терезии Франца Лотарингского императором, но Силезия и Глац были снова гарантированы Фридриху.

Современники справедливо называли Аахенский мир временной передышкой, перемирием. Интересы воюющих сторон не были удовлетворены. Для Франции, которую ее неверный союзник Фридрих 2 раза бросал на произвол судьбы, война кончилась совсем безрезультатно. Австрии не удалось вернуть Силезию и, хотя она была значительно ослаблена войной с Францией и Испанией, которую продолжала вести еще 3 года после Дрезденского

¹³⁹ Там же, В. VI, 142—143.

¹⁴⁰ Там же, стр. 177.

¹⁴¹ Там же, стр. 244.

¹⁴² Там же, стр. 244.

¹⁴³ Там же, стр. 249—250.

мира, она не отказалась от намерений вернуть Силезию. Фридриху не удалось сломить гегемонию Австрии, он вынужден был оставить императорскую корону в руках Габсбургов, но, усилившись благодаря захвату Силезии, он строил новые планы обширных завоеваний. Он хотел превратить Польшу в вассала Пруссии, захватить Чехию и обменять ее на Саксонию. На престол герцогства Курляндского Фридрих намеревался посадить своего брата Генриха.

Осуществление этих планов превратило бы Пруссию в сильнейшее государство центральной и восточной Европы. Вся южная часть Балтийского моря оказалась бы в руках Пруссии. Это было прямой угрозой всем успехам, достигнутым Россией в Прибалтике в первой четверти XVIII века. Вот почему усилия русской дипломатии после Аахенского мира были направлены на сплочение мощного союза держав для противодействия агрессии Фридриха. Русско-австрийский союз был его главным стержнем. Но для организации отпора прусской агрессии и Россия и Австрия нуждались в денежных субсидиях. Вот почему вопрос о присоединении Англии в течение 4-х лет—с 1746 года по 1750 год неоднократно ставился и русской и австрийской дипломатией. Английское правительство не отказывалось от присоединения, но и не предпринимало никаких шагов в этом направлении. В мае 1747 года, отказывая России в помощи против Швеции¹⁴⁴, Английское правительство заявило о готовности «охранять спокойствие на севере» путем присоединения к русско-австрийскому договору. Английский король предупреждал, что он не собирается привлекать Россию к гарантии Сардинии и Пруссии, но и его нельзя обязать отказаться от гарантии тех земель, которые королева сама уступила, а значит, они не являются уже австрийскими владениями. Присланный русскими контр-проект условий присоединения вызвал категорические возражения англичан. Поход Репнина, переговоры в Аахене снова отодвинули вопрос о присоединении к договору. В марте 1749 года английское правительство заявило, что оно готово присоеди-

¹⁴⁴ Во время русско-шведского конфликта по поводу намерения Швеции изменить политический строй—установить самодержавие,—что являлось нарушением условий Ништадтского мира.

ниться к русско-австрийскому договору, но королю должны быть известны все секретные и сепаратные статьи, которые могут так изменить договор, что лишат возможности короля к нему присоединиться. Король внес предложение, ввиду того, что он не мог добиться участия России на Аахенском конгрессе, присоединиться к договору на условиях окончательного мира, заключенного в Аахене в том, что касается короля и королевы венгерской¹⁴⁵. Осенью 1749 года, когда русское правительство снова возбудило вопрос о присоединении, английское правительство вспомнило, что когда 2 года назад русские возбудили этот вопрос, англичане не знали о существовании секретных и сепаратных статей. Теперь, ознакомившись с ними, английское правительство категорически отказывалось к ним присоединиться. В качестве примера невозможности присоединения к договору с признанием секретных сепаратных статей английское правительство приводило первую секретную статью о гарантии Шлезвига герцогу Голштинскому, ибо гарантия, которую раньше Англия вместе с Францией дали Дании в отношении Шлезвига, несовместима с этой статьей. Король отказывался признать статью о возвращении Марии-Терезии Силезии, ссылаясь на то, что Мария-Терезия еще до Дрезденскому миру уступила их, а Аахенский мир подтвердил это и король гарантировал. Король не состоит ни в каких обязательствах к Польше, а потому не может на себя взять какие-либо обязанности, в отношении этой страны. Итак, Англия категорически отказывалась признать секретные и сепаратные статьи¹⁴⁶.

Отказ Англии от обязательств по секретным и сепаратным статьям русско-австрийского договора свидетельствовал о том, что она по-прежнему избегала каких-либо обязательств в отношении союзников, которые не были связаны с ее главной внешнеполитической задачей — борьбой с Францией за колонии, за господство на море. Отказ от присоединения к секретным и сепаратным статьям освобождал Англию не только от обязательства помогать России и Австрии в борьбе с Турцией (что предусматривалось секретнейшим параграфом трактата), но

¹⁴⁵ Сб. РИО, т. 110, стр. 314—317.

¹⁴⁶ Там же, стр. 549—551.

и от обязательства помощи союзникам в борьбе за возвращение Силезии и Глаца, что сохраняло для Англии возможность уклониться от участия в борьбе против агрессивной политики Фридриха. Уже этот факт свидетельствовал, что Англию нельзя было считать последовательным и надежным членом антипрусской коалиции. Зато она озаботилась, чтобы союзники гарантировали ей Ганновер от возможного нападения прусского короля. После долгих прений, взаимных недовольств и несогласий 22 мая (2 июня) заключен был акт присоединения Англии к русско-австрийскому оборонительному договору и подписан 19/30 октября 1750 года. В тот же день австрийский посланник и русские министры подали английскому посланнику декларацию, на основании которой Австрия и Россия обязались защищать немецкие владения английского короля в случае нападения на них¹⁴⁷. К договору была присоединена особая конвенция относительно освобождения короля от обязательств по секретным и сепаратным статьям договора.

Присоединение Англии к русско-австрийскому союзу произошло в обстановке все возрастающей опасности прусской агрессии. Осенью 1750 года был отозван из Берлина русский посланник, дипломатические отношения с Пруссией были прерваны. Отзыв из России прусского посла лишал Фридриха возможности вести интриги непосредственно в Петербурге.

Последовательная линия противодействия захватническим планам Фридриха, проводимая русской дипломатией во время войны за австрийское наследство, сыграла значительную роль в приостановке прусской агрессии. Внешняя политика России со времени Аахенского мира и до начала Семилетней войны была направлена на укрепление союза государств, способных противостоять захватническим планам Фридриха. Однако изменения на международной арене, происходившие в результате войны за австрийское наследство, возникновение новых противоречий и ослабление прежних внесли коренные изменения в состав создавшейся в 1756 году группировки держав, ставившей задачей борьбу с прусской агрессией. И когда обострившиеся противо-

¹⁴⁷ Ф. Мартенс, указ. соч., т. 1, стр. 178—183.

речия между Францией и Англией в их борьбе за колонии, за господство на море привели в 1756 году к Семилетней войне, Россия, как известно, выступила в этой войне против Фридриха в составе коалиции с Австрией и Францией. В январе 1756 года был заключен Уайтхоллский договор Англии с Пруссией. Согласно условиям этого договора и та и другая сторона обязывались поддерживать мир в Германии и выступать с оружием в руках против всякой державы, которая посягнет на целостность германской территории¹⁴⁸. Франция, которую англо-прусское соглашение лишало возможности действовать в Ганновере и ставило под удар со стороны Рейна, пошла на сближение с вековым врагом—Габсбургами и в мае 1756 года заключила Версальский договор с Австрией. Россия, которая ставила своей задачей воспользоваться начавшейся войной, чтобы «сделать короля прусского нестрашным и незаботным»¹⁴⁹, разорвала субсидный договор с Англией, заключенный в 1755 году, но не ратифицированный, и присоединилась к Версальскому договору. Блестящие успехи русского оружия в Семилетней войне ликвидировали опасность прусской агрессии.

¹⁴⁸ История дипломатии, т. I, стр: 264.

¹⁴⁹ Сб. РИО, т. 136.

И. В. ГАЛАКТИОНОВ

МОЛДАВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
А. Л. ОРДИНА-НАШОКИНА В 1642—1643 гг.

К 40-м годам XVII века международный авторитет и международные связи России, подорванные в значительной мере во время польско-шведской интервенции, постепенно восстанавливаются.

Сложная международная обстановка в Европе, созданная 30-летней войной, была умело использована русским правительством для успешного решения внешнеполитических задач. Россия вновь выдвигается в ряд первостепенных европейских держав и ищет политического сближения с крупнейшими странами Европы и Азии. Одновременно она стремится упрочить и расширить связи со своими ближайшими соседями—Курляндией, Бранденбургом, Данией, Молдавией и другими странами, рассчитывая использовать их политический и военный потенциал в борьбе со своими врагами.

Один из таких эпизодов из истории русско-молдавских отношений середины XVII века и составляет предмет данной статьи. Материалом для нее послужили неопубликованные и неиспользованные в литературе ясные письма А. Л. Ордина-Нащокина за 1642—1643 годы, которые нам удалось обнаружить в фондах Центрального Государственного архива древних актов¹.

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Фонд № 68 «Сношения России с Молдавией», Молдавские дела 1643, № 2. (В дальнейшем МД 1643, № 2).

В октябре 1642 года А. Л. Ордин-Нащокин, только что возвратившийся из Ливонии, где в составе посольства Ромодановского он принимал участие в размежевании земель со Швецией, был спешно вызван в Москву, в канцелярию Приказа Большой казны. Здесь с ним познакомились и рассказали о задачах предстоящей поездки в Молдавию князь Федор Иванович Шереметев и царский казначей Богдан Минич Дубровский². Нащокину поручалось тайно проехать в Молдавию и, оставаясь при дворе дружественно настроенного к России молдавского господаря Василия Лупу, организовать широкую и многостороннюю разведку внешнеполитических замыслов Польши и Турции.

Время, когда Нащокин получил это сложное дипломатическое задание, характеризовалось новым осложнением международного положения России.

Поляновский мир не остановил агрессивных действий польской шляхты, пользовавшейся каждым удобным случаем для грабежа и захвата русских земель. В начале 40-х годов напряженные отношения с Польшей, вызванные срывом переговоров о размежевании земель в Путиельском и Новгород-Северском уездах, намеренно пренебрежительным искажением польскими дипломатами титула русского царя и отказом русского правительства выдать казаков, переселившихся в Россию после подавления восстания на Украине, были еще более осложнены враждебными происками правительства Владислава IV при дворах хана и султана³.

Казалась вполне вероятной возможность объединения этих враждебных сил для совместной борьбы с Россией, тем более, что на юге в течение 30-х годов шло постепенное усиление турецко-татарской агрессии. Завоеванием

² Ф. И. Шереметев в 1642 г. возглавил Приказ Большой казны, являлся «тайнейшим и начальнейшим боярином в царстве» и считался первым дипломатом того времени. См. А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. III, СПб. 1883, стр. 163, 230. Б. М. Дубровский являлся помощником Шереметева и занимал должность царского казначея. См. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. III, стр. 306.

³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л. 1948 г., стр. 328, 329. Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. «Уч. записки МГУ», вып. 94, ч. II, стр. 38.

Молдавии и укреплением Азова Турция подготовила себе удобный плацдарм для последующих захватов украинских и южнорусских земель⁴.

После серьезных неудач в борьбе с Польшей на территории Молдавии, Турция в 1634 и в 1640 годах заключила с королем договоры и стала решительно поддерживать агрессивные планы крымского хана против России. Захват донскими казаками Азова и позорный провал его штурма турецко-татарской армией в 1641 году привели к еще большему озлоблению султана против России. В Турции готовились к войне, намереваясь обрушить на казаков и на русские города соединенные турецко-татарские силы⁵.

Осложнилось положение и на севере, где после Смоленской войны отношения со Швецией были испорчены и постепенно становились все более враждебными.

Русское правительство не могло оставаться равнодушным к усиливающейся опасности. Занятое осуществлением широкой программы экономического и военного строительства, развернувшегося вскоре после Смоленской войны, оно не могло допустить преждевременной войны ни с Турцией, ни с Польшей. Этим была предопределена участь Азова.

Отказ от Азова, разумеется, еще не означал полного разрешения конфликта и примирения с Турцией, хотя, конечно, возможность сближения с уступкой крепости значительно увеличивалась. Султан в течение всего 1642 года угрожал вторжением огромных армий в пределы России, и русское правительство должно было учитывать возможность подобного шага⁶.

Однако больше всего Москву волновали вести о возможном совместном выступлении Турции и Польши. Нужно было срочно проверить реальность подобных планов и предпринять на месте все необходимые для защиты контрмеры. Кроме того, русское правительство стремилось получить сведения о внутреннем состоянии

⁴ «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV — XVIII вв.» Кишинев, 1950 г., стр. 100.

⁵ Смирнов Н. А., Ук. соч., стр. 75; Смирнов С. О посольстве И. Д. Милославского в Турцию, «Временник Московского общества ист. и др. «российских», кн. 6, стр. 28, 31.

⁶ Смирнов С., Ук. соч., стр. 32.

Польши, остававшейся главным противником России, зная ее потенциальные возможности, чтобы определить границы уступок в предполагаемых с ней переговорах⁷.

Обычные сведения, которые получало русское правительство от своих агентов за границей, не могли дать удовлетворительного ответа на возникшие перед ним вопросы. Для решения их требовалось послать туда своего представителя, человека, способного в дипломатии и знакомого с военным делом, чтобы на месте определить степень опасности и подсказать правительству средства и методы предотвращения войны. Таким человеком правительство избрало А. Л. Ордина-Нащокина.

Перед самой отправкой в доруту Нащокин был приглашен на прием к царю, где еще раз услышал о серьезном значении, придаваемом правительством его дипломатической миссии. 20 октября он последний раз побывал у Богдана Дубровского, получил у него наказ и грамоту и, захватив богатые подарки господарю, двинулся в путь.

Путешествие через Украину, наводненную после казачьего восстания отрядами польских жолнеров, было сопряжено с необычайными трудностями и опасностью. По всей Украине действовало строгое запрещение проезда для русских, установленное польским правительством. Пришлось ехать по мало населенным местам под видом паломников и останавливаться на отдых в православных монастырях. Только через месяц Нащокин благополучно добрался до Ясс и вскоре был представлен Василию.

Господарь любезно встретил московского посла, охотно согласился помогать ему и обещал служить русскому царю, доставляя последние данные о событиях в Турции⁸. Начался длительный, продолжавшийся свыше 10 месяцев, период напряженной работы Нащокина в роли тайного представителя русского правительства при дворе турецкого вассала, на границе враждебной Польши. Письма, оставленные им за этот период, рисуют нам фигуру опытного конспиратора, умного и дальновидного дипломата,

⁷ В Москве совершенно определенно высказывались о невозможности войны с Польшей. На вопрос Молдавского господаря об этом Нащокин категорически заявил: «Того и в мыслях нет, чтоб воевать. Мирным посольством все должно быть решено». МД, 1643, № 2, л. 49.

⁸ МД, 1643, № 2, л. 8.

отлично понявшего характер поставленной перед ним задачи и делавшего все, чтобы решить ее легче, быстрее и лучше.

Для этого Нащокин стремился прежде всего сохранить наиболее полно тайный характер своего посольского поручения. Он не раз утверждал и был в этом совершенно прав, что только при сохранении тайны можно будет гарантировать успех миссии.

Будучи в Москве, он убедил правительство считать его поездку в Молдавию не обычным посольским поручением, а переходом на постоянную службу к господарю. Этим самым, а также решительными протестами против показных церемоний, пышных встреч и парадных обедов при дворе Василия, обязательных при официальном посольстве, Нащокин стремился ослабить внимание иностранной агентуры и облегчить себе условия работы.

А. Л. Ордин-Нащокин неоднократно настаивал перед господарем на равном с другими дворянами отношении к нему, хотя последнее, ввиду скудости его запасов, приносило ему немало хлопот и лишений. Заметив однажды, что при дворе господаря продолжают оказывать ему слишком заметный почет, Нащокин пишет в Москву и просит официального обращения правительства к Василию с напоминанием, чтобы последний рассматривал русского дипломата как своего служилого человека.

«Ведаешь ты подлено, што я николи за славою не ищуся», — добавляет посол в своем письме к Дубровскому⁹.

Еще большее значение придавал Нащокин организации надежной переписки с правительством. В Москве он условился о шифре (получил образцы «цифирного письма») и настоял на том, чтобы его письма шли не к Шереметеву и не в Посольский приказ, а доверенным лицам, которые будут передавать их адресатам.

Он добился позже, когда слишком громкими стали слухи о задачах его миссии, чтобы и к нему отправляли агентов для связи и письма не из Посольского приказа, г. к. подьячие и писари, как ему было известно, не умели хранить тайну¹⁰.

⁹ МД, 1643. № 2, л. 16, 138.

¹⁰ В июне 1643 г. в Яссы приехал московский купец и в беседе с Нащокиным заявил, что при выезде из Москвы ему в Посольском

На случай возможного перехвата писем поляками, они посылались без адреса и без упоминания имени Шереметева. При этом Нащокин, со свойственной ему настойчивостью, добивался пунктуального исполнения установленных им мер предосторожности. Когда, например, Шереметев в одном из своих писем потребовал писать на его имя, Нащокин резонно заметил, что в случае провала поляки узнают, кому адресовано письмо, а это может повредить ему, Шереметеву, «потому что в Литве его, боярина знают»¹¹.

Для успеха своего предприятия Нащокин стремился, кроме того, расположить к себе господаря и его приближенных. Достигалось это не столько богатыми подарками, хотя и на них русское правительство по совету своего посла не скупилось¹², сколько напоминанием и постоянным подчеркиванием традиционной дружбы между русским и молдавским народами. О том, насколько близок был русский посол ко двору Василия, можно судить по его письму от 30 апреля 1643 года. В нем Нащокин пишет: «А ныне Василий воевода едет по границе своей земли смотреть, а я с ним же еду. А куда он ни ездит, и я от него не отбываю. И он меня жалует за свои, а не так, как на время приезжих»¹³.

Нащокин хорошо представлял себе сложность международной обстановки, еще будучи в Москве, но только в Яссах он отчетливо увидел всю ее опасность для России. По дороге в Молдавию он узнал о провокационном разгроме отрядом польских жолнеров крымского посольства, возвращавшегося из Москвы, и о враждебных происках Вишневецкого среди донского казачества¹⁴. Было очевидно, что Польша стремится столкнуть хана с Россией и осложнить тем самым ее положение. В Яссах ему донесли и о другом не менее грозном событии. Агенты господаря

приказе сказал подьячий Мина Леонтьев: «сыщи в Ясах русскова человека — послан от нас сын боярской для дела».

«Житье наше руское,—с горечью замечает по этому поводу Нащокин — што большова колокола звон: што дале от колокольни отойдеж, то болши слышат». МД, 1643, № 2, л. 167.

¹¹ МД, 1643, № 2, л. 117.

¹² Там же, лл. 55, 88, 113, 147.

¹³ Там же, л. 154.

¹⁴ Там же, лл. 69, 162.

с тревогой сообщали, что султан вывел свою армию в Адрианополь — традиционное место смотра турецким войскам перед походом¹⁵.

Вместе с тем. Нащокин располагал достоверными данными об ожесточенной борьбе султана с оппозиционными ему феодальными группировками, об усилившейся в Турции национально-освободительной борьбе — обстоятельствах, сковывавших ее внешнеполитическую активность — и разработал план ликвидации угрозы войны путем примирения султана с Россией¹⁶. Василий Лупу одобрил этот план, заметив в разговоре с русским послом, что «надо наперед то дело сделать, что зачато с турецким царем»¹⁷.

Собрав необходимые предварительные сведения о положении в Турции и в Азове, куда из Молдавии были посланы специальные агенты — лазутчики, Ордин-Нащокин воспользовался хорошим расположением к России Василия, а еще больше — дружбой его главного администратора Исаея Астафьева¹⁸ и добился посылки в Константинополь от имени господаря письма к визирю, в котором подробно рассказывалось о грабеже и разгроме польскими жолнерами крымского посольства. Агент Василия должен был предупредить султана, что это событие неизбежно повлечет за собой задержку русского посольства, которое готово было следовать в Турцию для переговоров о мире и дружбе¹⁹.

Нетрудно понять цель Нащокина, предпринявшего этот оригинальный дипломатический шаг. Он рассчитывал помешать этим возможному сближению между Польшей и Крымом (а, следовательно, и Турцией), реальность которого он усмотрел в обмене посольствами между ханом и королем осенью 1642 года²⁰. Вместе с тем, он стремился подчеркнуть давнишнее стремление русского правительства к миру с султаном.

¹⁵ МД, 1643, № 2, л. 8.

¹⁶ Новосельский А. А. Ук. соч., стр. 311.

¹⁷ МД, 1643, № 2, л. 47.

¹⁸ Нащокин пишет о нем, как о давнишнем друге русских. «Теперь он, — продолжает Нащокин, — ближний человек у Василия, который о государственных делах только с одним с ним и говорит». МД, 1643, № 2, л. 27.

¹⁹ МД, 1643, № 2, л. 44.

²⁰ Там же, лл. 43, 45.

Успехи в подготовке переговоров России с Турцией вызвали тревогу в Польше. Там давно уже заинтересовались личностью и действиями русского посланца, ласково принятого при дворе Лупу. Опасение за судьбу своих завоеваний на юге заставило польское правительство спешно направить в Яссы агента, чтобы на месте разведать задачи посольства Ордина-Нащокина и всячески противодействовать его успехам. «А в Литве ведают про мой приезд в Молдавскую землю,—писал об этом Нащокин,—и гетман полной прислал нарошно человека своего, проведать и смотреть на меня»²¹.

Нащокин, узнав о прибытии польского агента, решил провести его и «нарошно допустил... во двор, чтобы видел, что живет не по посольскому обычаю»²².

Нам трудно судить, насколько удалось московскому послу обмануть бдительность польской агентуры, но то, что польское правительство было серьезно обеспокоено успехами его дипломатической деятельности, не подлежит никакому сомнению. Объясняется это тем, что Нащокин своими действиями бил по самому чувствительному месту — срывал лелеемый шляхтой план одновременного с Турцией удара по России, или хотя бы нападения на нее в обстановке вражды России с Турцией.

В Польше отчетливо представляли, насколько вредно для нее примирение между этими странами: оно коренным образом меняло соотношение сил в споре России с Польшей и ставило последнюю перед необходимостью идти на уступки.

Вот почему польские агенты, получив строгое задание своего правительства, всеми мерами стремились сорвать успехи русского дипломата, скомпрометировать его в глазах молдавского дворянства и правительства. Они упорно распространяли слухи об истинных задачах его посольства, указывали, что Нащокин не служилый человек у господаря, а агент московского правительства, прибывший в Яссы для «турскова мира»²³.

Они клеветали на Нащокина, стремясь вызвать к нему и к политике его правительства недоверие молдавского господаря. Так, в феврале 1643 года, когда из Посольско-

²¹ МД, 1643, № 2, л. 117.

²² Там же.

²³ Там же, л. 118.

го приказа прибыл к Нащокину гонец с казной (соболями), при дворе В. Лупу не без участия польских агентов распространился слух, что правительство Михаила Федоровича не доверяет господарю, что оно рекомендует своему послу не посылать господарю подарков, так как убеждено, что его скоро лишат должности. Разгневанный господарь потребовал немедленного выезда Нащокина, и последнему пришлось приложить немало усилий, чтобы разубедить Василия и доказать, что гонец по всей вероятности «наболтал со слов пьяных подьячих, с которыми сам пил»²⁴.

Так как официальным поводом к высылке Нащокина послужил факт отсутствия его имени в грамоте Московского правительства к Василию, то Нащокин, узнав об этом, немедленно обратился к правительству с просьбой написать о нем.

«У них... иноземской нрав: слово оне до слова помнят, также и письмо до письма,—писал посол.—А што после моего приезде к нему (Василию — И. Г.) про меня не написано ничево, и он чае и дела мне нет, за чем жить»²⁵.

Только после официального письма Шереметева, в котором от имени правительства подтверждалась ложность вестей, переданных Василию, удалось восстановить доверие господаря.

Ордин-Нащокин не мог не видеть, что подобные провокации были в значительной мере делом рук иностранной агентуры и, в ответ на ее проiski, усилил, с одной стороны, настойчивые попытки достигнуть примирения с Турцией, а с другой—разведку военных сил на юге Польши, чтобы составить себе полное представление о характере и потенциальных возможностях противника²⁶. Если первое, в сочетании с многочисленными представлениями правительству Василия о коварстве польской шляхты, вело к дипломатической изоляции Польши в предстоящем столкновении с Россией²⁷, то второе раскрывало карты военного обеспечения ее притязаний.

²⁴ МД, 1643, № 2, л. 113.

²⁵ Там же, л. 119.

²⁶ Там же, л. 144.

²⁷ Там же, л. 47.

Глазами военного человека Нащокин видел исключительное значение тщательной разведки вооруженных сил Польши. В своих письмах в Москву он убеждал правительство направить его тайным агентом в Польшу, несмотря на то, что последнее сопряжено с опасностью для жизни:

«Воистину мне в государевом деле смерть не страшит. Опрично я тово, как слышал государево милостивое слово, иново не помышляю и дому своего и ничего заднево (прошлого—И. Г.) не помню»,—оправдывает свою настойчивость Нащокин²⁸.

Правительство Михаила Федоровича, до сих пор внимательно прислушивавшееся к мнению своего дипломата, на этот раз отказало ему в довольно категорической форме. В очередном письме к нему Шереметев, отметив по обычаю его старание и инициативу, высказал резкое неодобрение последним предложениям Нащокина.

«А ты живи тамо пока тебе велено, а делай как тебе указано, а без большова самова дела не ездь оттоле»,—говорилось в письме²⁹.

После такой отповеди посол не стал настаивать на своем плане и все внимание обратил на успешное решение «большова самова дела», под которым, надо полагать, русское правительство подразумевало примирение с Польшей³⁰.

Начиная с февраля 1643 года в Москву стали поступать благоприятные вести от Ордина-Нащокина. Посол писал, что, по имеющимся у него сведениям, обстановка в Турции благоприятствует отправке русского посольства и что оно, по всей вероятности, будет встречено султаном с большим почетом.

Письмо Нащокина с указанным сообщением необычайно оригинально и по форме и по содержанию, так что на нем следует остановиться несколько подробнее. Оно походит по своей форме на инструкцию будущему по-

²⁸ МД, 1643, № 2, л. 64.

²⁹ Там же, л. 66.

³⁰ В письме к Федору Алексеевичу, написанному в июне 1676 года, Ордин-Нащокин указывает, что тайное посольство в Молдавию преследовало главную цель «всякими промыслы вести дело к миру с Королевством Полским и Литовским». ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, ф. № 159, д. 1228, л. 2.

сольству, в которой излагаются самые необходимые, крайне полезные для любого дипломата советы человека, хорошо знакомого с положением дел на месте.

Заверив правительство в почетной встрече послов при дворе султана, Нащокин настойчиво советует Московскому правительству не возить туда больших даров, мотивируя это тем, что «кто больше дает, к тому наглее турки³¹». Далее Нащокин рекомендует немногие подарки, без которых вообще нельзя обойтись в Константинополе, раздавать только тем приближенным султана, которые могут быть полезны России. Среди них он указывает прежде всего визиря, правильно подмечая, что тому фактически принадлежит вся полнота политической власти в стране.

«Власть имеет во всяком деле визирь и с ним начальные люди,—пишет Нащокин.—Что они захотят сделать, то и царь не может переменить»³².

Правительство Михаила Федоровича, снаряжая посольство в Турцию, учитывало советы Нащокина. Об этом свидетельствуют письма Шереметева к послу, в одном из которых, от 1-го июля 1643 года, он писал: «А турским людям начальном по твоему прежнему письму государево жалованье с послы послано»³³. То же самое подтверждают действия И. Д. Милославского при дворе султана, где, как известно, решение дипломатических задач началось с подкупа визиря³⁴.

Письмо-инструкция Нащокина характерно полной уверенностью в успехе дипломатического обращения к Турции. Обосновывая свой оптимизм, Нащокин останавливает внимание правительства на трех фактах, дающих, как ему кажется, наглядную картину современного состояния Турции и ее военных и политических возможностей.

Он указывает, прежде всего, на тяжелое поражение турок под Азовом, нагнавшее на них «неописуемый

³¹ МД, 1643, № 2, л. 78.

³² Там же.

³³ Там же, л. 140.

³⁴ Соловьев С. М. История России, кн. 2, стб. 1286; Смирнов С. Ук. соч., стр. 41, 46.

страх» и, в известной мере, сдерживающее теперь их агрессивные замыслы.

«Бусурманом страх Озовским взятъем. И как отсиделись такие малые люди ото множества людей?» — приводит он в своем письме недоумённый вопрос турецких государственных деятелей.³⁵

Он высказывает, во-вторых, свое глубокое убеждение в том, что настоящая обстановка исключает возможность нападения Турции на Россию сухим путем. Эта уверенность базируется не столько на том, что такому походу воспротивится Литва, через которую пролегал путь движения турецких армий, сколько на факте создания на юге России ряда укрепленных городов, решительно сковавших действия крымских татар и султанской Турции.

«А сухим путем им (туркам—И. Г.) через литовскую землю идти,—пишет Нащокин.—А тому николи не бывать, что Литве дать волю турку войти в их землю. А от крымских де мы слышим, што крепости есть от их приходу на Руси учинены»³⁶.

Правильность оценки Нащокиным роли «засечной» полосы в деле защиты страны от нападения турок и татар подтверждается аналогичными высказываниями жителей южных районов России. «Ныне... с Нагайской стороны на сокмах на татарских... стали твои, государевы, новые города Козлов и Усерд» и «татаром с той Нагайской стороны для тех новых городов к Лебедяни безвестно придти и Лебедянского уезда безвестно извовать не мочно»,—писали к царю жители г. Лебедяни³⁷.

Нащокин указывает, наконец, на тяжелую международную и внутреннюю обстановку султанской Турции, где масса сил и средств мобилизовывалась для войны с Венецией, где проявлялось среди господствующего класса недовольство к тогдашнему правительству и зрел заговор против визиря, как на факторы благоприятствующие России. Тяжелое положение Турции в Европе, ос-

³⁵ МД, 1643, № 2, лл. 101, 190.

³⁶ Там же л. 101.

³⁷ Акты Московского государства, т. II, СПб 1894, стр. 67; Ср. А. Новосельский, Ук. соч., глава VI, § 6.

ложненное трудной войной с католической коалицией, внутренний кризис в стране, вызванный оппозицией ви-зирию, затрудняли для султанской империи возможность активной политики на востоке и создавали тем самым возможность мирного урегулирования спорных вопросов.

Итак, своей активной разведкой Нащокину удалось детально выяснить состояние турецкой империи и дать в руки московской дипломатии открытые карты в момент переговоров с султаном. Конечно, утверждать при этом, что Нащокиным было сделано все для достижения мира с Турцией, что на долю посольства И. Д. Милославского, отправленного в Константинополь весной 1643 г.³⁸, оставалась лишь чисто формальная сторона подписания актов, было бы грубейшей ошибкой. Известно, как много потребовалось от Милославского дипломатического такта и находчивости, чтобы заключить с султаном крайне необходимый тогда договор о мире и дружбе³⁹.

Роль Нащокина в данном случае ограничивалась настойчивой и глубокой разведкой лагеря противника, созданием, в меру его сил и возможностей, благоприятной для России обстановки в момент переговоров, и, наконец, помощью русской дипломатии в изыскании путей и методов решения стоящих перед ней задач.

Замирение с Турцией, предотвращая угрозу войны на юге, вместе с тем оказало решающее влияние на развитие русско-польских противоречий. Панской Польше не удалось, как видим, вовлечь крымского хана в войну с Россией. Контрмеры, предпринятые Нащокиным при дворе султана, привели к совершенно неожи-

³⁸ Посольство было назначено еще в апреле 1642 года. А. А. Новосельский не объясняет причин такой длительной задержки, отмечая лишь факт «моччания». См. Ук. соч., стр. 311. С. Смирнов видит эту причину в желании царя «дождаться совершенного окончания дел под Азовом». См. ук. соч., стр., 32. И в том, и в другом случае не отмечается связь посольства И. Д. Милославского с предшествовавшей ему миссией А. Л. Ордина-Нащокина. Последний имел задачей выяснить положение дел при дворе султана, без чего Московское правительство не могло отважиться на отправку «великого посольства».

³⁹ Соловьев С. М., Ук. соч., кн. 2, стб. 1260; Смирнов С. Ук. соч., стр. 40 и далее.

данным для панов результатам, когда крымский хан весной 1643 года стал усиленно грозить войной Владиславу IV⁴⁰.

Польша очутилась в довольно сложной обстановке. С одной стороны, примирение России с Турцией, с другой — успехи франко-шведской коалиции в 30-летней войне на западе поставили ее в крайне невыгодное положение. К тому же внутри страны все громче раздавались голоса протеста против воинственных намерений магнатов и короля.

В таких условиях даже крайне агрессивному польскому правительству, каким было правительство Владислава IV, пришлось искать иных путей для разрешения спора с Россией. От Нащокина, внимательно следившего за событиями в Польше, не ускользнула эта перемена в настроении польского правительства⁴¹. Начиная с февраля 1643 года, он уверенно говорит об отсутствии угрозы войны со стороны Польши и убеждает правительство Михаила Федоровича немедленно ставить вопрос о спорных землях, считая данную обстановку наиболее подходящей для переговоров с поляками⁴².

Задержка русского посольства обеспокоила Нащокина и побудила его представить в июле новые сведения о Польше. В очередном письме правительству он дал подробное описание заседаний польского сейма, на котором было решено мирным путем ликвидировать спор о путивльском рубеже.

«Намерены поляки развести земли миром, опасаясь нарушить мир», — сообщает Нащокин. И для большей убедительности приводит в заключение слова польских панов, произнесенные ими на сейме: «Ради де мы, что с Москвою помиренось»⁴³.

Основываясь на этих данных Нащокина, русское правительство в 1643 году командировало Алексея Михайловича Львова на пограничный съезд с поляками, где русскому представителю удалось в том же году окончить длившийся долгое время спор с Польшей.

⁴⁰ МД, 1643, № 2, л. 69.

⁴¹ Там же, л. 85.

⁴² Там же, л. 83.

⁴³ Там же, л. 157.

Польские послы, встретив решительный отказ их притязаниям в вопросах территориальных и почувствовав твердость со стороны России в вопросе о титуле, пошли на уступки. Они должны были отказаться от всех земель, на которые раньше незаконно притязали, и обязались строго соблюдать титул Московского государя⁴⁴.

Договор с Польшей явился новой крупной победой русской дипломатии, тем «большим самым делом», на обеспечение которого работал по заданию правительства Ордин-Нащокин.

Русское правительство добивалось и добилося мира с Польшей и Турцией. Значение этого факта нельзя умалять, несмотря на то, что Турция нарушила договор и уже в 1644—1645 годах одобрила набеги татар на русскую землю⁴⁵. Русской дипломатии удалось тогда предотвратить объединенное выступление двух главных противников России и сохранить мир, обеспечив благоприятные условия для решения задач военнохозяйственного строительства. А соглашение 1643 года с Польшей, в обстановке все усиливающейся вражды со стороны Турции и Крыма, явилось заметным шагом в сближении обеих славянских стран для совместного отпора этим агрессорам⁴⁶.

Тогда же был сделан очередной шаг и в развитии дружбы между Молдавией и Россией. Традиции этой дружбы уходят в глубь веков. Русское государство активно поддерживало молдавский народ в его борьбе за национальное существование. Посольство Нащокина помогло вызреванию и организационному оформлению идеи союза, идеи объединения сил русского и молдавского народов для борьбы против польских магнатов и турецких поработителей. Оно послужило одной из основных ступеней к акту 1656 года о подданстве Молдавии Русскому государству.

Значение молдавского посольства в жизни и деятельности самого Нащокина состоит главным образом в том, что оно явилось важной школой начинающего дипломата. Здесь углублялись его знания международной

⁴⁴ Соловьев С. М. Ук. соч., кн. 2, стб. 1286.

⁴⁵ Новосельский А. А. Ук. соч., стр. 326.

⁴⁶ Там же, стр. 330—331.

жизни, оттачивались его наблюдательность, внимание к столкновению интересов соседних стран и вырабатывались характерные для него дипломатические приемы и комбинации, которые с таким искусством он применял в дальнейшем,

О. В. ПАНЦУКТИЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В БОЛГАРИИ В 1900—1904 гг.

Настоящая статья посвящена исследованию борьбы рабочего класса в Болгарии в 1900—1904 гг. Этот период характеризовался новым оживлением рабочего движения, на базе которого происходит организационное оформление марксистской партии тесных социалистов, образование Общербочего синдикального союза, и представляет поэтому особый научный интерес¹.

Рабочее движение в Болгарии зародилось сравнительно рано в связи с тем, что массовое разорение крестьянства и беспощадная эксплуатация рабочих национальной и иностранной буржуазией приводили к резкому обострению классовых противоречий в стране. Уже в 80-х гг. XIX века молодой болгарский рабочий класс выступил на арену классовой борьбы. В 1882—1884 годах прошли первые стачки болгарских рабочих. В 1882—1897 годах рабочее движение оживилось. Значительно возросло число стачек. В 1893 г. болгарские рабочие впервые отметили пролетарский праздник Первое мая, участвовали в выборах в Народное Собрание. Оживление

¹ В болгарской и советской исторической литературе нет пока исследований по истории рабочего движения в 1900 — 1904 годах. В опубликованных статьях и монографиях по истории Болгарии затрагиваются лишь отдельные моменты борьбы болгарских рабочих в эти годы. Весьма бегло освещено рабочее движение и в недавно изданном АН СССР первом томе «Истории Болгарии», а также и в «Истории Болгарии», изданной Болгарской Академией наук.

рабочего движения и пропаганда социалистов среди рабочих способствовали созданию первых профсоюзов.

Одновременно с ростом рабочего движения в Болгарии развивалось и социалистическое движение. В 1885 году появились первые социалистические кружки, а в 1891 г. Д. Н. Благоевым была создана социал-демократическая партия, в которой развернулась борьба между революционным и оппортунистическим направлениями. Революционное направление во главе с Д. Н. Благоевым стремилось решить историческую задачу — соединения марксизма с рабочим движением. Оппортунисты стремились превратить партию в буржуазно-радикальную. Позиции революционного направления в партии стали усиливаться с 1897 г., когда Д. Благоев был назначен редактором теоретического органа партии ж. «Ново време» и IV съезд партии вынес решение приступить к изданию газеты «Работнически вестник» для пропаганды идей социализма среди рабочих. Революционное направление активизировало борьбу против оппортунизма в партии.

В начале XX века рабочее движение в Болгарии значительно усилилось, что объяснялось социально-экономическими условиями страны. Болгария была в начале XX века аграрной страной, экономическая зависимость которой от иностранного капитала с каждым годом все более усиливалась. Иностранный капитал проникал в Болгарию в форме государственных займов, капиталовложений в промышленность и банковскую систему. В болгарской промышленности до 1895 года иностранный капитал занимал весьма незначительное место. Это был период, когда Болгария наводнялась иностранными товарами. С перерастанием капитализма в его высшую стадию—империализм,—когда «типичным стал вывоз капитала»², как говорил В. И. Ленин, когда «избыток капитала обращается... на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны», где «...прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы»³, иностранные капиталы устремились в Болгарию, захватывая в свои руки одну отрасль промышленности за

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 228.

³ Там же, стр. 229.

другой. В начале XX века английский капитал владел хлопчатобумажными фабриками в Варне и Ямболе, бельгийский капитал был вложен в спичечную, кожевенную, сахарную, спиртоводочную промышленность, в каменноугольные шахты Перника, в трамвайное дело в Софии; французский капитал—в спичечную и каменноугольную промышленность и т. д.⁴

Основным орудием влияния западноевропейских империалистов на Болгарию, как и на другие балканские страны, было проникновение иностранного капитала в банковскую систему. В 1901 г. был создан в Болгарии первый иностранный банк—торговый, переименованный позднее в Болгарский Генеральный банк (с франко-голландским капиталом). Затем появился Кредитный банк с германским капиталом, Болгаро-венгерский банк с венгерским капиталом, Франко-бельгийский и потечный банк и другие. Это были крупные банки, концентрировавшие в своих руках огромные капиталы, которые вкладывались в торговлю и промышленность путем создания предприятий на акционерных началах. Такие акционерные общества, предприятия и банки для влияния на политическую жизнь страны привлекали в свои правления, с участием в капитале, видных буржуазных деятелей Болгарии. Так, в Кредитный банк были привлечены И. Е. Гешов (лидер «народной» партии), министры С. Данев и Салабашев, в Генеральный банк—Р. Петров (глава правительства) и Тончев (лидер младо-либеральной партии) и т. д.⁵

Иностранный капитал стремился подчинить себе экономику Болгарии также путем захвата ее внешней торговли.

Монополии западноевропейских стран, ввозившие капиталы в Болгарию, не только грабили страну, но и определили развитие болгарской экономики в выгодном для них направлении, тормозя развитие тяжелой промышленности. Поскольку Болгария в начале XX века не имела развитого передового производства, она стала объектом империалистического грабежа и все более превращалась

⁴ См. Симидчиев Д. Чуждите капитали в нашето народно стопанство и техната доходност. София, 1928 г., стр. 10.

⁵ См. Альфред Бехар. Германският империализъм и отражението му в България. София, 1949 г., стр. 177—178.

в полуколонию, где развивалась главным образом легкая промышленность.

Болгарская промышленность после экономического кризиса 1897—1901 гг. переживала некоторый подъем. За короткий отрезок времени открылся ряд новых фабрик и заводов, возросли капиталовложения и число машин, увеличилось количество рабочих. В Болгарии в начале XX века начался промышленный переворот. Согласно официальным данным переписи промышленности, проведенной 31/XII-1904 г. (которая охватывала лишь предприятия поощряемой государством промышленностью), в Болгарии насчитывалось 166 предприятий, которые имели 36,2 млн. лв. капиталовложений и 6149 рабочих⁶. Большинство предприятий были небольшими по числу рабочих и по сумме капиталовложений. Только 12 предприятий имели капиталовложений более 500 тысяч левов каждое и 10 предприятий насчитывали более 100 рабочих каждое. Все наиболее крупные предприятия были основаны иностранным капиталом на акционерных началах (их было 15,7%, на них приходилось 47,5% всех капиталовложений и 33% рабочих)⁷. Но даже и эти предприятия оснащались отсталой техникой, ибо иностранные капиталисты стремились получить максимальную прибыль главным образом за счет неимоверной эксплуатации болгарских рабочих. Большинство предприятий в Болгарии относилось к числу легкой промышленности (пищевая, текстильная). Добывающая промышленность была развита крайне слабо. Тяжелой промышленности не было. Некоторое развитие получило строительство железных и шоссейных дорог, морской и речной транспорт.

Основу болгарской экономики в начале XX века продолжало составлять сельское хозяйство. Состояние его характеризовалось большой раздробленностью земельной собственности, низким уровнем сельскохозяйственной техники, невысокой урожайностью и малой товарностью. Развитие капитализма в сельском хозяйстве приводило к классовому расслоению болгарской деревни. За счет разорения и обезземеливания основной массы крестьянства

⁶ См. Иорданов Д. Преброяване на индустриите, насърдявани от държава, «Списание на Българското икономическо Дружество», София, 1906 г., стр. 412.

⁷ См. там же, стр. 328, 414—415.

происходило обогащение кулачества. Главными причинами разорения крестьянства были жестокая эксплуатация трудового крестьянства со стороны государства, буржуазии и ростовщиков, растущие налоги, большая задолженность и наличие феодальных пережитков (издольщина, кабальная аренда и др.). Положение сельскохозяйственных рабочих-батраков и трудового крестьянства было крайне тяжелым: систематическое недоедание, частые голодовки приводили к высокой смертности.

Социальный строй Болгарии в начале XX века значительно изменился по сравнению с периодом после освобождения, когда Болгария представляла собой страну мелких товаропроизводителей городов и деревень. В течение нескольких десятилетий развитие капитализма в Болгарии привело к массовому разорению мелких товаропроизводителей и к обогащению небольшой кучки городской и сельской буржуазии. Строительство фабрик и заводов, железных дорог, портов и гаваней привело к появлению в Болгарии новой торговопромышленной буржуазии и наемных рабочих.

В начале XX века наиболее богатой в Болгарии была торговая буржуазия, в особенности оптовики-хлеботорговцы и скотопродавцы, которые скупали у крестьян хлеб и скот для экспорта. Менее богатой была промышленная буржуазия, ввиду того, что болгарская промышленность была еще недостаточно развита. К прослойке крупной буржуазии примыкали банкиры и крупные землевладельцы. Крупная болгарская буржуазия была объединена в Союз промышленников, который защищал ее экономические интересы. Представители крупной буржуазии играли решающую роль в правительстве, от которого они получали всевозможные подряды. К средней буржуазии относились собственники ряда промышленных предприятий, мануфактур и крупных ремесленных мастерских. Крупные ремесленники играли решающую роль в эснафском союзе (эснаф—цех), который был для них удобной формой эксплуатации многочисленных мелких ремесленников. Наиболее многочисленной прослойкой были мелкобуржуазные слои, к которым относились главным образом собственники мелких ремесленных мастерских и лавочники. Они, как и крестьяне, цепко держались за свою собственность. Положение их с развитием капитализма

все более ухудшалось. Задавленные налогами, не выдерживая конкуренции, они непрерывно разорялись. В деревнях наиболее многочисленным классом были бедняцко-середняцкие слои крестьянства, которые все более разорялись, превращаясь в батраков или в арендаторов. Рабочий класс Болгарии состоял в основном из ремесленных и мануфактурных рабочих. Фабричный пролетариат был еще малочисленным и в своем развитии и организованности отставал от индустриальных рабочих передовых стран того времени. Начавшийся в XX веке промышленный переворот в Болгарии ускорил процесс формирования болгарского пролетариата. В 1905 году в Болгарии насчитывалось 79.566 промышленных и ремесленных рабочих⁸. Однако число рабочих, занятых в крупных предприятиях, было незначительным. Концентрация рабочих в Болгарии была низкой. В 1904 г. в среднем на одно предприятие приходилось 37 рабочих, а в ряде отраслей промышленности (пищевая, кожевенная и др.) эта цифра не достигала и 20⁹. Большинство рабочих было рассеяно по мелким фабрикам и мастерским. Многие рабочие еще окончательно не порвали с мелкой собственностью.

Экономическая зависимость Болгарии от иностранного капитала, слабое развитие капитализма в стране, малочисленность, незрелость и недостаточная организованность пролетариата—все это приводило к тому, что в Болгарии империалистический гнет переплетался с грубыми формами эксплуатации начального периода развития промышленного капитализма. Положение трудящихся в связи с этим было крайне тяжелым. И без того тяжелое положение рабочих ухудшилось в начале XX века в связи с ростом прямых и, особенно, косвенных налогов, растущей дороговизной на предметы первой необходимости. Болгарский рабочий получал в начале XX века 60—70 левов в месяц¹⁰, а прожиточный минимум семьи в 5 человек выражался в сумме 200—250 левов¹¹. В то же вре-

⁸ См. История Болгарии, т. 1, стр. 411, изд. АН СССР, Москва, 1954 г.

⁹ См. Иорданов Д. Указ. соч., СБИБД, кн. 5—6, стр. 412, София, 1906 г.

¹⁰ См. Рабочническото движение в България. Материали, т. 1, стр. 330—331, София, 1953 г.

¹¹ «Работнически вестник», 25 сентября 1909 г.

мя владельцы 166 предприятий только за один 1904 год получили более 5 млн. левов чистой прибыли¹². Рабочий день был в 12—16 и более часов без воскресного отдыха. Еще хуже было положение женщин и детей, которые получали в 2—3 раза меньше зарплату, чем мужчина. На предприятиях в Болгарии отсутствовали охрана труда и элементарные гигиенические условия. Жилища рабочих были темные, сырые, холодные и очень тесные. Например, в жилищах габровских рабочих на человека приходилось 1,6 кв. м жилплощади¹³. В результате таких условий труда и жизни почти 16% детей не доживали до 1 года¹⁴, тиф, туберкулез и другие инфекционные болезни были постоянными спутниками рабочей семьи. Медицинская помощь была недоступна рабочим: на одного врача в Болгарии в начале XX века приходилось почти 13 тысяч жителей¹⁵. Низкому уровню материальной жизни рабочих соответствовал их низкий образовательный ценз. Большинство детей (в 1902 году 51,1%)¹⁶ не училось в школе, рабочие были неграмотны или малограмотны.

Резкое ухудшение материального положения трудящихся вызывало сопротивление рабочих. Стачечная борьба болгарских рабочих все более разрасталась. В 1901 году произошла общая стачка табачников Пловдива. В этом же году бастовали 500 рабочих сахарной фабрики в Софии и софийские трамвайщики. В 1902 году бастовали 600 рабочих варненской хлопчатобумажной фабрики. Затем бастовали 520 рабочих на табачном складе в Хаскове, а в 1903 году вторично забастовали рабочие варненской хлопчатобумажной фабрики и т. д. С середины 1901 года до середины 1903 года в Болгарии произошло 28 стачек¹⁷. Рабочие требовали повышения заработной платы и регулярной ее выдачи, уменьшения рабочего дня, введения воскресного отдыха, т. е. они боролись за улучшение своего экономического положения.

¹² Д. Благоев, Избранные произведения, т. 1, стр. 507.

¹³ «Работнически вестник», 19 января 1901 г.

¹⁴ «Статистически годишник на Българското царство» за 1912 г., стр. 108.

¹⁵ «Статистически годишник на Българското царство» за 1909 г., стр. 485—486.

¹⁶ «Ново време», год XVIII, София, 1915 г., стр. 266.

¹⁷ См. Д. Благоев. Принос към историята на социализм в България, стр. 417—418, София, 1950 г.

С ростом стачечной борьбы укреплялись старые и создавались новые профсоюзные организации рабочих. Согласно отчету ЦК БРСДП IX съезду, только за один отчетный 1901/1902 год в Болгарии было образовано 32 рабочих союза, 7 общих рабочих объединений и одно гимнастическое общество, которые имели 1800 членов и 6698 левов общей кассы¹⁸. Все эти рабочие организации развивались под влиянием социал-демократической партии и ее центрального органа «Работнически вестник». Следует отметить, что если оживление рабочего движения в 1892—1897 гг. не было использовано партией ввиду засилья оппортунистов в ней в тот период, то в 1900—1904 годах положение изменилось. Партия с начала 900-х годов все более сближалась с рабочим движением. Не ограничиваясь только пропагандой идей научного социализма среди рабочих, партия становилась идейным вдохновителем и руководителем рабочего класса. Так, под руководством Д. Н. Благоева и его соратников в 1901 году прошла стачка софийских трамвайщиков, в 1902 году стачка 600 рабочих текстильной фабрики в Варне и ряд других.

Таким образом, несмотря на то, что чаще всего рабочие стихийно поднимались на борьбу за улучшение своего экономического положения, часть стачек проходила под руководством революционного крыла Болгарской социал-демократической партии (Д. Благоев и другие). Стачечная борьба 1900—1903 годов отличалась от стачечной борьбы 1892—1897 годов еще и тем, что в эти годы на арену классовой борьбы выступил молодой фабрично-заводской пролетариат крупных предприятий (500—600 рабочих). В это же время особенно ясно проявилась классовая сущность болгарского государства, открыто ставшего на защиту предпринимателей (во время стачки рабочих софийской сахарной фабрики и др.), в то время как в конце XIX века правящая буржуазия могла говорить, что в Болгарии нет рабочего класса и нет еще поэтому рабочего вопроса.

По мере роста рабочего движения увеличивалось число рабочих в социал-демократической партии. Если в августе 1901 г. в партии было 496 рабочих, то к июлю

¹⁸ См. Д. Благоев. Указ соч., стр. 417.

1902 года их насчитывалось 982¹⁹. Следовательно, рабочая прослойка в партии в течение года возросла почти в два раза. Усиление пролетарского элемента в партии и рост рабочего движения в Болгарии содействовали укреплению революционного, марксистского крыла, которое выражало интересы рабочего класса, потому что в расгусте рабочем движении оно черпало свои силы.

Растущее рабочее движение требовало создания сильной, монолитной партии. Но в Болгарской социал-демократической партии в это время проходила острая внутренняя борьба между революционным и оппортунистическим направлениями.

Оппортунизм в рабочем движении Болгарии не был случайным явлением. Болгария была отсталой страной, где промышленность была развита слабо. Пролетариат в Болгарии был очень молод, он только формировался, и основное его ядро (фабрично-заводские рабочие) было крайне слабым. С началом промышленного переворота процесс формирования пролетариата несколько ускорился. Ряды пролетариата пополнялись выходцами из разорившихся крестьян и ремесленников, которые приносили с собой мелкобуржуазную идеологию. Они-то и являлись питательной средой для оппортунизма. Среди ремесленных и мануфактурных рабочих, которые надеялись вновь стать собственниками, имели хождение различные мелкобуржуазные иллюзии. Кроме того, рабочие были слабо связаны между собой, так как большинство их было рассеяно по мелким фабрикам и мастерским. Наконец, в Болгарии начала создаваться рабочая аристократия (печатники придворной типографии, мастера, надсмотрщики и др.). Все это создавало условия для распространения оппортунизма в болгарском рабочем движении.

Отражая интересы мелких хозяйчиков в ремесле и сельском хозяйстве, оппортунисты пытались расколоть рабочих, насадить в профсоюзах цеховщину, ограничить рабочее движение рамками экономической борьбы, изолировать болгарский рабочий класс от международного пролетариата.

Внутрипартийная борьба в БРСДП была связана также с борьбой двух тенденций—революционной и оппорту-

¹⁹ См. Д. Благоев. Приносьтъ, стр. 419.

нистической — в международном рабочем движении, где правооппортунистическое крыло социал-демократической партии II Интернационала, с перерастанием капитализма в империализм, все более превращалось в агентуру буржуазии в рабочем движении.

Острая борьба революционного крыла БРСДП против оппортунистического усилилась в 1900 году. Болгарские оппортунисты во главе с Я. Сакизовым выступили с открытой ревизией марксизма. В 1900 г. Я. Сакизов начал издавать журнал «Общее дело», на страницах которого проповедовал «классовое сотрудничество» между рабочими, капиталистами, крестьянами и ремесленниками. Он призывал создать общую партию этих классов, т. е. по существу он стремился превратить БРСДП в буржуазно-радикальную партию²⁰.

Используя ленинские работы («Что делать?», статьи в «Искре» и др.), революционное крыло БРСДП во главе с Д. Н. Благоевым выступило с решительной критикой оппортунизма Я. Сакизова и др. В 1903 году внутрипартийная борьба окончилась изгнанием оппортунистов из партии и организационным оформлением революционного крыла в самостоятельную партию, название которой было уточнено: она стала называться Болгарской социал-демократической партией (тесных социалистов). С этих пор в истории партии и в истории рабочего движения наступил новый тесносоциалистический период, который характеризовался все большим сближением партии с рабочим движением. Все свое внимание тесняки направляли с этих пор на организацию экономической и политической борьбы рабочего класса и укрепление профсоюзов.

Профсоюзное движение в Болгарии имело свои особенности. Политическая организация болгарского пролетариата предшествовала профессиональной, поэтому профсоюзы находились в тесной организационной и идеологической связи с социал-демократической партией. Социалисты были первыми руководителями болгарских профсоюзов. Распространяя идеи социализма среди рабочих и помогая им овладеть богатым опытом международного рабочего движения, социал-демократическая партия ока-

²⁰ Подробнее о внутрипартийной борьбе в БРСДП см. История Болгарии, т. 1, стр. 454—458.

зывала благотворное влияние на развитие профсоюзного движения или, говоря словами Г. М. Димитрова, «сыграла роль счастливой повивальной бабки при его правильном рождении и еще более счастливую роль заботливой и любящей матери в его воспитании, развитии, возмужании и охране от ударов многих его врагов...»²¹. Вот почему особенностью болгарских профсоюзов было то, что они не пошли по пути тред-юнионизма, а рассматривали себя как органы классовой борьбы.

За влияние и руководство профессиональными организациями болгарским теснякам пришлось на протяжении долгих лет вести борьбу против общедельцев, которые пытались превратить профсоюзы в инструмент своей соглашательской политики. Общедельцы проповедовали так называемую теорию «нейтралитета» профсоюзов, согласно которой профсоюзы должны ограничиваться только защитой интересов труда в рамках капиталистического общества, быть организациями для полюбовного разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями. Общедельцы были противниками организационной и идейной связи профсоюзов с партией. Стремлением насадить в профсоюзах тред-юнионизм общедельцы старались расколоть рабочий класс Болгарии.

Теория «нейтральности» профсоюзов была осуждена V Лондонским съездом РСДРП в 1906 году, а партиями II Интернационала на Штутгартском конгрессе в 1907 году. Заслуга болгарских тесняков заключается в том, что они значительно раньше осудили эту теорию и вели борьбу против ее распространения в Болгарии.

Большую роль в борьбе против оппортунистов в профсоюзах сыграли В. Коларов, Г. Димитров, Г. Кирков. В 1904 году на страницах «Работнически вестник» выступил В. Коларов с рядом статей под заглавием: «Должны ли быть наши профсоюзы нейтральными?» В этих статьях он подробно рассматривал профсоюзное движение в различных европейских странах и подводил рабочих к выводу, что профсоюзы, которые имеют в своей основе только помощь своим членам, не могут быть классовыми организациями пролетариата²². В Коларов показал, что теория

²¹ Г. М. Димитров. Синдикалното движение в България. Соч., т. 1, стр. 298.

²² «Работнически вестник», 3 июня 1904 г.

«нейтральности» выгодна только буржуазии. «Ее происхождение, — писал он, — чисто буржуазное и в ее основе лежит стремление буржуазии отменить классовый характер профсоюзного движения, направленный против ее классового господства»²³. В этих статьях В. Коларов показал, что теорией «нейтральности» общедельцы стремятся разоружить рабочий класс, превратить профсоюзы в орудия притупления классовых противоречий, а поэтому она приносит рабочему классу только вред.

Ведя борьбу против оппортунистической теории «нейтральности» профсоюзов, тесняки одновременно проводили большую подготовительную работу по объединению профсоюзных организаций, ибо растущее рабочее движение все настоятельнее требовало объединения разрозненных, слабо связанных между собой рабочих союзов в единую классовую профсоюзную организацию. Еще до раскола БРСДП ЦК предложил X съезду решить вопрос об отношении партии к растущему профсоюзному движению. X съезд в 1903 г. рассмотрел этот вопрос и принял известную «Резолюцию о профсоюзном движении и отношении к нему партии», в которой подчеркивалось, что одной из главнейших задач социал-демократии является «организация и воспитание рабочего класса для выполнения его освободительной миссии и объединение его частных движений во всеобщее». Резолюция осуждала теорию «нейтральности» профсоюзов, подчеркивала необходимость тесной связи профсоюзов с партией; предлагала «парторганизациям и союзам энергичнее проводить работу для объединения профсоюзного движения» и рекомендовала рабочим «централизованную систему организации, при которой все профессиональные союзы будут объединены в одно целое»²⁴.

После этого в «Рабочнически вестник» был опубликован ряд статей, разъясняющих необходимость создания Всеобщего Объединения Профсоюзов, цели, задачи его и т. д. Г. Кирков в статьях «Об идейном контроле» подробно освещал вопрос о необходимости установления идейного контроля партии над профсоюзами, а также рекомендовал создать Общий Совет из членов ЦК партии и руководящего органа Объединения профсоюзов, в компе-

²³ «Рабочнически вестник», 1 июня 1904 г.

²⁴ БРП(к) в резолюции, т. 1, стр. 165, 168.

тенцию которого входило бы решение всех вопросов общего характера²⁵.

Вопрос о создании Объединения профсоюзов вызвал большое оживление среди болгарских рабочих. На профсоюзных собраниях обсуждался не только вопрос о необходимости создания Объединения, но и вопросы об идейных и организационных связях между профсоюзами и партией.

Вопреки стремлениям общедельцев, большинство профсоюзных организаций и рабочих обществ высказалось за создание Всеобщего Объединения Профсоюзов и за установление идейных и организационных связей с партией тесняков. Так, 4 апреля 1904 г. софийское «Металлороботническо дружество» решило: «1) Согласиться в принципе с идеей основания Всеобщего Объединения Профсоюзов; 2) возложить на ЦК БРСДП выработку проект-устава объединения, в основу которого положить начало непримиримой классовой борьбы и прямого идейного контроля партии в лице ее центрального комитета; проект-устав рассмотреть на конференции профсоюзных представителей, созванной в июле в Пловдиве; 3) руководство предварительной работой конференции возложить на русенскую общую профсоюзную комиссию»²⁶. Подобные решения приняло большинство рабочих организаций.

В 1904 году (16, 17, 18 мая) произошли встречи софийских и пловдивских рабочих, которые на совместном собрании 17 мая в Пловдиве, заслушав доклады В. Коларова и Г. Бакалова о профсоюзах, единодушно заявили, что:

«Профсоюзная борьба рабочих есть только один вид всесторонней классовой борьбы пролетариата против капиталистического общественного строя и за торжество социалистического идеала. Чисто профсоюзная борьба недостаточна не только для отмены капиталистической тирании и рабочего рабства, но и для эффективного улучшения положения рабочего класса в рамках современных капиталистических отношений...

²⁵ См. Др. Коджейков, «Исторически преглед», год VII, кн. 2, стр. 194—195.

²⁶ «Работнически вестник», 22 апреля 1904 г.

Профсоюзная борьба должна быть и орудием для достижения политических целей, как и политическая борьба есть орудие для достижения экономических улучшений для рабочих. Ограничить значение профсоюзов областью чисто экономических отношений значит превратить их в простые общества для взаимной помощи рабочей аристократии...

Ввиду этого собрание 1) решительно отвергает политический нейтралитет профсоюзов и 2) провозглашает необходимость тесных организационных связей между различными пролетарскими организациями...»²⁷.

Мотивировочная часть резолюции софийских и пловдивских рабочих ярко показывает, что под влиянием тесняков рабочие уясняли необходимость тесной связи профсоюзного и социалистического движения и отвергали поэтому общедельскую теорию «нейтралитета профсоюзов».

Особенно четко была выражена мысль о необходимости совместной борьбы в резолюции общего собрания плевенских профсоюзов, в которой говорилось: «Рабочие союзы, исходя из принципа классовой борьбы, ведут экономическую борьбу, которая при нынешних условиях облегчает отчасти положение рабочего класса, а как боевые пролетарские союзы не забывают бороться за конечную цель—социализм... для этой цели они борются вместе с политической классовой партией пролетариата—под знаменем революционной социал-демократии»²⁸.

Не все союзы принимали такие резолюции. Часть союзов, где среди рабочих еще было сильное влияние мелкобуржуазной идеологии, пошла за общедельцами. В зависимости от местных условий и влияния одни союзы пошли за тесняками, другие—за общедельцами, а в ряде союзов произошел раскол.

В то время как среди рабочих шло оживленное обсуждение вопроса о создании Всеобщего Объединения Профсоюзов, ЦК партии тесняков и лично Д. Благоев и Г. Киров выработали проекты резолюций о профсоюзном движении для XI съезда партии и для Учредительного конгресса профсоюзов и составили проект — устав для Объединения Профсоюзов.

Одним из центральных вопросов XI съезда БРСДП в

²⁷ «Работнически вестник», 3 июня 1904 г.

²⁸ «Работнически вестник», 1 июля 1904 г.

1904 г. был вопрос о профсоюзном движении и отношении к нему партии. В резолюции конгресса, после делового обсуждения этого вопроса, еще раз подчеркивалась неразрывная связь между профсоюзным движением, которое «является только одной из сторон общей классовой борьбы в современном капиталистическом обществе», и партией болгарского пролетариата. Конгресс обязывал членов партии бороться за «прочные и прямые организационные связи между партией, с одной стороны, и проектируемым Всесобщиим объединением болгарских профсоюзов—с другой, сохраняя полную его внутреннюю автономию»²⁹.

После закрытия партийного конгресса сразу же начал свою работу Учредительный конгресс болгарских профсоюзов (21 и 22 июля 1904 г.). На конгрессе делегаты представляли 53 организации, а именно: портных — 14, сапожников (обущари)—11, печатников—3, железнодорожников—1, торговых служащих—2, табачников—2, продавцов яиц (яйчари)—2, железо-деревообделочников—2, металлорбочих—1, сапожников (папукчеи) — 1, жестянщиков—1, парикмахеров—1, шорников и кожевников (сарашко-табашки)—1, текстильщиков—1, кафетанджийски—1 и 9 общих рабочих обществ, в которые входили 1500 рабочих³⁰.

Часть делегатов была из среды рабочих, большинство делегатов являлось членами партии, что было вполне естественно, ибо руководителями союзов были социалисты. Они и в дальнейшем остались видными руководителями профсоюзного движения.

Интересно отметить, что из 53 организаций, представленных на конгрессе, 29 организаций находились в 7 крупных промышленных центрах (София—2, Пловдив—6, Русе—4, Сливен, Видин; Т.-Пазарджик—по 3); что свидетельствовало о том, что в промышленных городах тесняки пользовались большим влиянием, чем общедельцы³¹.

На первом заседании конгресса, выполняя желание депутатов, выступил Д. Благоев, который говорил:

²⁹ «БРП (к) в резолюции...», т. 1, стр. 201:

³⁰ См. Др. Коджейков, Материали по синдикалното движение в България. Стр. 29.

³¹ Там же, стр. 31—32.

«Союз (Всеобщее Объединение Профсоюзов—О. П.) должен объединить рабочих на почве классовой борьбы, воспринять две формы классовой борьбы и еще с самого начала быть в тесной организационной связи с рабочей социал-демократической партией. Еще до появления рабочего движения именно партия боролась за его зарождение, а после—за правильное его развитие. С самого начала оно направлялось и шло с ней. Эта естественная связь должна сегодня укрепиться, она должна выразиться в самом управлении Союза...»³².

Конгресс заслушал доклад Г. Киркова о профсоюзах и после продолжительного обсуждения, в котором приняли участие многие делегаты, принял резолюцию об образовании Всеобщего Объединения Профсоюзов (Общ. Работнически Синдикалния Съюз или ОРСС). В резолюции говорилось, что ОРСС имеет целью защиту экономических интересов труда на почве классовой борьбы; ОРСС признает две формы борьбы пролетариата — экономическую и политическую. Резолюция указывала, что ОРСС будет согласовывать все свои действия с соц.-дем. партией, находясь с ней в тесных организационных и идейных связях³³.

Оживленно прошло обсуждение проекта устава ОРСС, предложенного ЦК. По этому вопросу выступило 20 делегатов. Делегаты конгресса единодушно приняли проект устава.

Устав состоял из VII разделов (36 параграфов). Основные положения устава были следующие. В состав ОРСС может входить всякий профсоюз или общее рабочее общество, которое в своей деятельности стоит на почве классовой борьбы, проводит работу в деле взаимопомощи, имеющей целью поддержку общей классовой борьбы рабочих и не выступает против интересов партии (§ 3).

Задачами ОРСС является объединение профсоюзного движения на почве классовой борьбы, для защиты материальных и духовных интересов труда (§ 5). Признавая две формы классовой борьбы—экономическую и политическую, ОРСС считает своей ближайшей задачей орга-

³² «Работнически вестник», 28 августа 1904 г.

³³ См. Др. Коджейков. Указ. соч., стр. 30.

низацию рабочих всех профессий для борьбы на почве их экономических интересов (§ 6). ОРСС проводит непрерывно устную и печатную пропаганду и агитацию за объединение рабочих в союзы, поддерживает союзы в их борьбе за уменьшение рабочего дня, увеличение зарплаты и вообще за всестороннее улучшение условий труда (§ 8). ОРСС собирает сведения об условиях труда, учреждает бюро для нахождения работы безработным, помогает тем, кто становится жертвой преследования господствующих классов, а также безработным (§ 9).

Устав устанавливал идейную и организационную связь с партией. В § 7 говорилось, что во всех случаях, где затрагиваются общие экономические, политические и культурные интересы всего рабочего класса, ОРСС согласует свои действия с деятельностью партии. Кроме того, организационное построение ОРСС свидетельствовало о тесной связи с партией. На местах для руководства рабочим движением создавались местные рабочие советы, которые состояли из представителей местных партийных и профсоюзных организаций (§§ 21, 22, 23). Члены комитета ОРСС вместе с членами ЦК партии образуют Общий Рабочий Совет, который является инициатором общих действий во всей Болгарии по организации и объединению рабочего движения, а также в отношении борьбы рабочего класса за защиту интересов труда. Исполнительным органом Общего Рабочего Совета является ЦК партии (§§ 24, 25, 26, 27).

Конгресс избрал Комитет ОРСС в составе Петко Величкова, Георгия Димитрова, Янко Дундарова и Марко Рафаелов-Финци. Секретарем-кассиром по рекомендации ЦК конгресс избрал Н. Харлакова (секретарь партии). Эти члены Комитета ОРСС вместе с членами ЦК партии (Д. Благоев, Г. Георгиев, Г. Кирков, Н. Харлаков и Г. Бакалов) составили Общий Рабочий Совет³⁴.

Органом ОРСС конгресс провозгласил газету «Работнически вестник».

Кроме этих решений, Учредительный конгресс принял специальную резолюцию, осуждающую теорию «нейтральности» профсоюзов, которую общедельцы продолжали проповедовать среди рабочих. Резолюция призы-

³⁴ См. Др. Коджейков, Указ. соч., стр. 38.

вала все союзы и общие рабочие общества «повести энергичнейшую борьбу против этих проповедей наших врагов и особенно против общедельцев... и объединить-ся под знаменем революционной социал-демократии»³⁵.

На последнем заседании конгресса выступил Д. Н. Благоев, который призвал делегатов, по возвращении на места, заняться укреплением профсоюзов.

Образование ОРСС было большой заслугой болгарских тесняков, которые сумели не только основать революционное объединение профсоюзов, но и уберечь его в дальнейшем от прямого влияния буржуазии и ее агентов-реформистов. Образование ОРСС означало не только фактическое, но и формальное завершение процесса окончательного соединения рабочего движения с научным социализмом³⁶.

В противовес ОРСС общедельцы в 1904 году образовали так называемый «Свободный общерабочий союз профсоюзов», который объединял главным образом ремесленников и отсталые слои рабочих. Это была малочисленная организация, в которой общедельцы насаждали оппортунизм, а поэтому в период обострения классовой борьбы она занимала явно предательскую позицию, нанося тем самым большой вред рабочему движению.

Организационное оформление тесняков и создание ОРСС свидетельствовало о возрастающем влиянии тесных социалистов на рабочих. Это обстоятельство вызывало большую тревогу в правящих кругах Болгарии. Стремясь расколоть и тем самым ослабить растущее рабочее движение, буржуазия предприняла ряд маневров. Одним из них было проведение через Народное Собрание так называемого «эснафского закона». Впервые этот закон был принят в 1897 году. Он воскрешал средневековую цеховую систему ремесленников, обязательную как для хозяев, так и для работников. Ни один ремесленник или торговец не имел права впредь заниматься своей профессией, не являясь членом цехового Союза (Эснафского союза); ни один рабочий не мог получить звание подмастерья или мастера без утверждения Эснафского союза. Поскольку в

³⁵ См. там же.

³⁶ См. «Рабочническото движение в България». Материали, т. 1, стр. 9.

то время «эснафский закон» вызвал большое недовольство, в 1899 году он был отменен³⁵.

В начале 1903 года правительство прогрессистов (премьер Данев) поставило на утверждение Народного Собрания измененный «эснафский закон». Большинство буржуазных депутатов Собрания единодушно поддержало правительство. Только депутаты-социалисты (Д. Благоев, Г. Кирков и другие) решительно выступили против реакционного «эснафского закона».

Д. Благоев доказывал, что «эснафский закон» поворачивает Болгарию «к цеховому устройству, как это было в средние века»³⁶. Особенно решительно выступал против ст. 10 закона, согласно которой в ученики принимались дети с 12 лет, причем пункт 2 этой статьи допускал с разрешения торгово-промышленной палаты зачисление в ученики детей моложе 12 лет. Д. Благоев требовал изменить ст. 10 так, чтобы в ученики принимались дети только с 14 лет, т. е. после получения ими начального образования³⁷. Несмотря на то, что реакционное большинство Собрания встретило это предложение в штыки, теснякам удалось провести поправку к ст. 10 закона, согласно которой в ученики принимались дети с 12 лет при условии, что они закончили начальную школу, а на вредные производства детей принимали только с 14 лет. Кроме того, тесняки добились уменьшения рабочего дня для детей. Для учеников моложе 14 лет устанавливался рабочий день не более 8 часов, для подростков 14—16 лет — не более 10 часов, включая производственное обучение (ст. 17)³⁸. Тесняки также решительно выступили против ст. 38, которая вводила обязательное вступление всех ремесленников и ремесленных рабочих в Эснафский союз. Тесняки совершенно справедливо считали, что эта статья имела целью расколоть рабочий класс, не допустить вхождение ремесленных рабочих в профсоюзы. В силу недостаточной зрелости рабочего класса и малочисленности де-

³⁵ См. И. Янулов, Трудово право, стр. 61—63. София, 1948 г.

³⁶ «Дневници (стенографски) на XII ОНС, I редовни сесия», кн. X, стр. 4445, София, 1903 г.

³⁷ «Дневници (стенографски) на XII ОНС, I редовни сесия», кн. X, стр. 4445—4446, София, 1903 г.

³⁸ «Дневници (стенографски) на XII ОНС, I редовни сесия», кн. X, стр. 4576, София, 1903 г.

путатов-тесняков Народное Собрание утвердило реакционный «эснафский закон».

Утверждая «эснафский закон», правительство преследовало двоякую цель: во-первых, оно стремилось успокоить разоряющихся ремесленников, создав видимость заботы государства о них, и этим привлечь ремесленников на свою сторону; во-вторых, что было главное, правительство стремилось воспрепятствовать созданию профсоюзов и других организаций среди ремесленных рабочих. Возлагая большие надежды на «эснафский закон», правительство создало специальный комитет промышленно-ремесленного союза, председателем которого и инспектором ремесла при министерстве назначался И. Джамджиев.

Однако правительству не удалось провести в жизнь «эснафский закон», потому что все трудящиеся с большим возмущением встретили принятие этого закона Народным Собранием. Под руководством тесняков, которые разъясняли реакционность «эснафского закона», болгарские рабочие поднялись на борьбу против него. В Софии, Пловдиве и других городах прошли многолюдные митинги и собрания протеста³⁹. Дружное выступление рабочих заставило правительство временно оставить попытку осуществить «эснафский закон». Это означало большую победу болгарских рабочих, которые убедились на опыте, что только единодушное выступление даст им возможность отстаивать свои права.

Боясь растущего рабочего движения и усиления организованности болгарских рабочих, буржуазия Болгарии стала на путь попираания демократических свобод. В мае 1903 года князь Фердинанд призвал к власти наиболее реакционную партию стамболовистов. Это правительство 26 ноября 1904 года внесло на рассмотрение XIII Обыкновенного Народного Собрания «законопроект о лицах»⁴⁰. До этого времени § 83 Тырновской конституции давал право всем гражданам Болгарии создавать различные общества, ассоциации без какого бы то ни было предварительного разрешения; более того, нарушителем конститу-

³⁹ «Работнически вестник», 12 и 26 февраля, 4 марта 1904 г.

⁴⁰ «Дневници XIII ОНС. II редовна сесия», стр. 721—739, София, 1904 г. См. также «Ново време» год VIII, стр. 11—12, стр. 902; год IX, кн. 5, стр. 350.

ции считался тот, кто осмеливался распустить какое-либо общество. «Законопроектом о лицах» правительство отменяло § 83 Тырновской конституции. Под видом упорядочения юридического лица различных обществ правительство отнимало правовую способность у тех обществ и организаций, которые имели интересы, противоположные интересам буржуазии. Так, §§ 186, 198, 199 и 216 «законопроекта о лицах» отнимали правовую способность у рабочих союзов и организаций. Например, § 216 прямо указывал, что общества, преследующие политические, политико-социальные или религиозные цели, лишаются правовой способности; § 186 был явно направлен против стачек: общество ответственно за ущерб, нанесенный им третьему лицу.

При обсуждении законопроекта все буржуазные фракции выражали единодушное одобрение. Н. Цанев от имени младо-демократической группы заявил, что § 186 законопроекта списан с германской конституции «и почти исключительно относится к стачкам». Министр Стайков, внесший законопроект, объяснял, что цель правительства заключалась в том, чтобы этим законопроектом отменить общества, которые были против «публичного порядка и морали». Подобным образом выступал С. Бобчев, Тодоров и другие буржуазные депутаты⁴¹.

Попытка стамболовистского правительства ограничить право союзов и стачек вызвала большое возмущение болгарских рабочих. По призыву ЦК и ОРСС рабочие всех предприятий Болгарии провели в декабре 1904 г. ряд митингов и собраний протеста против реакционной политики правительства и, в частности, против «законопроекта о лицах»⁴². Повсеместное выступление рабочих заставило правительство снять с повестки дня XIII ОНС обсуждение законопроекта. Болгарские рабочие отстаивали право союзов.

Одновременно болгарские рабочие развернули борьбу за рабочее законодательство. Еще в конце XIX века началась борьба за издание закона о женском и детском труде. Вначале рабочие подавали петиции в Народное

⁴¹ «Дневници XIII ОНС, II редовна сесия», стр. 906—907, София, 1904.

⁴² «Работнически вестник» декабрь 1904 г. — январь 1905 г.

собрание. В 1893 году 3 тысячи рабочих направили петицию в Народное собрание, затем, в 1901 году сливенские рабочие направили заявление, требуя 36-часового еженедельного отдыха, 10-часового рабочего дня, обязательно-го страхования, введения инспекторов труда и др. В 1902 году подобную петицию подавали 1000 русенских рабочих, затем 500 варненских рабочих⁴³. В марте 1901 года софийские рабочие на собрании вынесли решение выработать петицию в Народное собрание с требованием введения рабочего законодательства и поручить Г. Киркову передать ее в Народное собрание⁴⁴.

Затем рабочие стали действовать более решительно. Во время стачек, собраний они требовали введения рабочего законодательства. Эту борьбу возглавили социалисты. 19 июня 1902 года парламентская фракция социалистов внесла в Народное собрание «законопроект о защите и покровительстве женского и детского труда», который был опубликован в «Рабочнически вестник».

Показав в мотивировочной части законопроекта беспощадную эксплуатацию, которой подвергались на фабриках, заводах и в мастерских женщины и дети, социалисты требовали запретить работу детей до 15 лет; установить рабочий день для молодежи с 15 до 18 лет в 8 часов, с 18 до 20 лет—9 часов, включая 2 часа на отдых; запретить молодежи до 20 лет ночную работу, работу под землей и на вредном производстве; установить для молодежи 36-часовой еженедельный отдых; запретить ночную работу женщин, а также работу на всех опасных вредных и подземных работах; ввести отпуск для женщин в 45 дней до родов и 45 дней после родов, с сохранением 75% зарплаты (из специальной кассы); оборудовать специальную комнату, где бы матери кормили своих детей, на всех предприятиях, имеющих более 5—10 работниц; для надзора за выполнением закона ввести специальных инспекторов по труду, которые имели бы свободный доступ на все предприятия в любое время⁴⁵.

В 1902 году теснякам не удалось добиться обсуждения этого законопроекта в Народном собрании, ибо все

⁴³ См. Др. Коджейков, Указ. соч., стр. 45.

⁴⁴ «Рабочнически вестник», 30 марта 1901 г.

⁴⁵ См. «Рабочнически вестник», 11 и 18 июля 1902 г.

буржуазные партии выступали против какого бы то ни было рабочего законодательства. Но главное — болгарский рабочий класс еще не представлял организованной силы, чтобы заставить буржуазию принять закон. Однако положение изменилось в последующие годы. В 1903 и 1904 годах значительно возросла организованность рабочих, усилилась стачечная борьба. Так, в ноябре 1904 года началась общая стачка столяров г. Русе⁴⁶. Причиной стачки были крайне тяжелые условия труда в ремесленных мастерских и злоупотребления «эснафским законом». Стачка проходила под руководством тесняков. Местный рабочий совет помог составить требования: освободить рабочих от всех обязанностей по отношению к цехам, ввести 8-часовой рабочий день во всех столярных мастерских города, регулярно выдавать зарплату, оплачивать в двойном размере сверхурочные работы, принять всех стачечников на работу. В результате 10-дневной борьбы рабочие победили. С октября 1904 года до 5 февраля 1905 года проходила стачка сливенских текстильщиков, охватившая ряд фабрик города⁴⁷. Большую помощь забастовавшим текстильщикам оказали тесняки, возглавившие стачку.

Растущее стачечное движение, усиление политической активности болгарских рабочих, наступление революционного подъема в России и в ряде европейских стран — все это заставило буржуазию Болгарии пойти на уступки и заняться вопросом рабочего законодательства.

Первый закон (о женском и детском труде) был издан в 1905 году. Это был год, когда под влиянием первой русской революции 1905—1907 годов в Болгарии начался новый подъем рабочего движения.

**
*

Таким образом, рабочее движение в Болгарии в 1900—1904 годах свидетельствовало о росте классового сознания рабочих. Хотя большинство стачек вспыхивали стихийно, однако многими стачками руководили тесняки. Под руководством тесняков болгарские рабочие учились

⁴⁶ См. «Работнически вестник», 27 ноября, и 4 декабря 1904.

⁴⁷ См. «Работнически вестник», 25 декабря 1904 г., 5 февраля 1905 г.

сочетать стачечную борьбу с борьбой за рабочее законодательство, с борьбой против реакционной политики правительства. Кроме того, рабочее движение 1900—1904 гг. характеризовалось тем, что на арену классовой борьбы вступил фабрично-заводской пролетариат крупных предприятий.

Большую роль в повышении классового сознания и в организации болгарских рабочих играло революционное, марксистское крыло БРСДП (тесняки). Тесняки решительнее, чем многие другие левые течения партий II Интернационала, вели борьбу против оппортунизма. Следуя примеру русских большевиков, тесняки в 1903 году порвали с общедельцами и организационно оформились в самостоятельную партию—БРСДП (т. с.). В разрыве тесняков с оппортунистами и в дальнейшей их решительной борьбе против оппортунизма, так же как и в формировании мировоззрения болгарских марксистов, решающую роль сыграли труды В. И. Ленина и ленинская «Искра».

В отличие от Западной Европы, где профсоюзы зародились и укрепились задолго до появления социалистических партий, в Болгарии профсоюзным организациям предшествовало создание социалистической партии, поэтому профсоюзы болгарских рабочих находились под непосредственным влиянием и руководством социалистов и не пошли по пути тред-юнионизма, а рассматривали себя как органы классовой борьбы.

Растущее рабочее движение в начале XX века все настоятельнее требовало объединения разрозненных, слабо связанных между собой рабочих союзов. Заслуга тесняков заключается в том, что, ведя решительную борьбу против оппортунистической теории «нейтральности» профсоюзов, они не только в 1904 году объединили профсоюзы в Общерабочий синдикальный союз, но и уберегли его от влияния буржуазии и ее агентов-реформистов.

Рабочее движение в 1900 — 1904 годах в Болгарии свидетельствовало о том, что единственным классом, который мог поднять знамя борьбы за демократические свободы и суверенитет страны, был болгарский рабочий класс, ибо буржуазия Болгарии в начале XX века была открытым врагом демократических свобод.

А. Ф. ОСТАЛЬЦЕВА

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1904 г. И АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Соглашение 1904 г. является одним из многих явлений в истории дипломатических отношений, когда результаты действий дипломатов резко расходятся с теми целями, которые они ставили, с теми мотивами, которыми они руководились, подписывая тот или иной дипломатический акт. Указанное соглашение — одна из иллюстраций того марксистского положения, что закономерность исторических явлений пробивается через толщу случайностей.

В ходе исторического процесса образования империалистических коалиций, как они сложились перед войной 1914—1918 гг., англо-французское соглашение 1904 г. является важным этапом. В исторической литературе это соглашение рассматривается с точки зрения конечных результатов дипломатической борьбы, т. е. как звено в образовании Антанты. Эта трактовка стала утверждаться с 1907 г., со времени подписания англо-русской конвенции 1907 года.

В отличие от историков современники событий меньше всего были склонны рассматривать указанное событие как звено складывающейся антигерманской группировки. Так, например, германская буржуазная пресса приписывала образование англо-французской антанты, прежде всего, стремлению Англии локализовать русско-японскую войну.

Из всех газет только одна «Националь-Цейтунг» ус-

мотрела в этом факте зародыш антигерманской тройственной коалиции¹. Как правило, в газетах подчеркивалось, что соглашение направлено прежде всего против России, а не против Германии.

В течение примерно одного года, года окончания русско-японской войны и начала первой русской революции, оценка англо-французского соглашения радикально изменилась. Оно стало рассматриваться как звено в создании Антанты.

Причиной различных, иногда прямо противоположных трактовок указанного дипломатического акта, а также быстрой его переоценки современниками является чрезвычайная сложность и противоречивость международных отношений начала XX в.

Для начала XX в. характерно сочетание противоречий, обусловленных продолжающимся процессом раздела мира, и противоречий, вырастающих на почве борьбы молодых капиталистических стран и прежде всего Германии и США. за передел мира.

Империалистическая Англия, игравшая ведущую роль в разделе мира, захватившая львиную долю колоний, оказалась во враждебных отношениях со всеми крупнейшими европейскими державами. К противоречиям с Россией и Францией, занимавшим главное место в последние десятилетия XIX века, прибавились противоречия с Германией. К торговому соперничеству Англии и Германии в это время прибавилось начавшееся соперничество в строительстве военно-морского флота. Стремление империалистической Германии к переделу мира, поделенного, прежде всего, в пользу Англии, обнаружилось в таких известных фактах, как трансваальский кризис 1896 г. и концессия, полученная германскими банками в 1903 г. на постройку Багдадской железной дороги. Англо-русские противоречия, принявшие в это время форму японо-русского конфликта, достигли такой степени остроты, какая только может быть между

¹ Обзор германской прессы дан французским послом в Берлине. См. *Documentes diplomatiques francais* (1871—1914) Paris, 1930, Serie II, v. IV, № 384. См. также «Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894—1914 г.», М., 1928, стр. 62—73. Также *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914*, Berlin, B. XX, № 6846.

странами, одна из которых (Россия) находится в войне с официальным союзником другой.

В такой обстановке естественно соглашение Англии с союзницей России могло восприниматься современниками как акт, направленный против своего традиционного врага.

Перед исследователем истории англо-французского соглашения, если он хочет вскрыть мотивы действий, расчеты его инициаторов, встают те же вопросы, которые волновали современников изучаемого события, именно: проектировалось ли это соглашение лондонским кабинетом с расчетом на сближение с франко-русским союзом или, наоборот, с целью разрыва последнего; какое место занимали в этих расчетах соображения, связанные с назревающей русско-японской войной.

**
*

Главными объектами дележа между Францией и Англией по соглашению 1904 г. были Египет и Марокко. Борьба за Египет составляла со времени оккупации Египта Англией в 1882 г. основной стержень англо-французских противоречий. Борьба за Марокко между крупными капиталистическими странами обострилась в самом конце XIX в. Основными претендентами на Марокко в то время были Англия, Франция, Германия и Испания. Главными конкурентами, как и в разделе всей Африки, выступали Англия и Франция. В общем объеме импортируемых товаров в Марокко британский импорт составлял за 1899—1902 гг. 44,7%, французский 22,1%, германский 11,96%².

В Лондоне в свою очередь постоянно существовало подозрение, что Франция намерена захватить восточную часть страны и что на этот счет существует соглашение с Италией.

Граф В. Н. Ламсдорф считал Марокко «опорной базой англичан» в Средиземном море и стремился поддерживать здесь влияние французов, хотя полностью был

² British Documents on the origins on the War 1898—1914, London, v. II, №№ 317, 318, 321, 322, 369.

уверен, что они стремятся овладеть страной³. В султанском дворе шла непрерывная борьба англичан и французов, принимавшая форму дворцовых интриг. Коммерсанты той и другой страны добивались концессий на разработку недр, постройку железных дорог. В 1901—1902 гг. в Париж и Лондон были направлены специальные миссии марокканского правительства с целью переговоров о распределении концессий и получения займа. Английское правительство одобрило проект дороги от Танжера до Мацагана, при этом Форейн оффис, как и предпринимательские круги, было склонно сотрудничать в постройке этой дороги с немецкими предпринимателями⁴. Одновременно с переговорами в Лондоне министр иностранных дел Марокко Бен Шлиман вел переговоры в Париже. Он добивался точного определения границ между Марокко и Алжиром, чтобы лишить французских колонизаторов возможности постоянно вмешиваться в дела Марокко под предлогом неопределенности границ. Было подписано соглашение об организации смешанной комиссии для разбора конфликтов в пограничных областях⁵.

В это время французский министр иностранных дел Теофил Делькассе начал переговоры одновременно в Мадриде и Лондоне. В Лондоне их вел французский посол П. Камбон, по общему признанию русских дипломатов убежденный сторонник примирения с Англией. Камбон поставил вопрос о разделе Марокко в 1902 г., в момент взаимных объяснений по поводу пребывания в Лондоне и Париже представителей марокканского сул-

³ Инструкция Ламсдорфа послу в Англии графу Бенкендорфу 1 дек. 1902 г. Архив Внешней политики России, Фонд Канцелярия МИД, 1902. л. 64.

⁴ Brit. doc. v. II, № 320 D.D.F., v. I, №№ 148, 305, 315. Также Nicolson H., Sir Arthur Nicolson, London, 1930. Никольсон, бывший в то время консулом в Марокко, видел в германских предпринимателях естественных союзников в борьбе с французскими. Об интригах при дворе султана свидетельствует факт ареста вернувшегося из Лондона военного министра Мехебеди, который был освобожден по настоянию английского консула, взявшего его под свою охрану. См. об этом также Lee Sidney, Edward Vli. A. biography L 1925 — 27 v. 1 p. 219 и далее.

⁵ D.D.F., v. I, p. 382—383.

тана⁶. 6 августа того же года французский посол изложил свои соображения как по объектам соглашения, так и о мотивах, которыми французское правительство руководилось при этом. Французское министерство, предлагая соглашение Англии, исходило не только из споров вокруг Марокко, а также из учета взаимоотношений крупнейших стран Европы. Соглашение стало возможным, по мотивировке Камбона, потому, что интенсивная борьба за долю при разделе мира для Франции заканчивалась. «Они (французы), — записал Ленсдаун, — имеют колоний вполне достаточно не только для сегодняшних нужд, но и для нужд грядущих поколений. Они вышли из периода экспансии и не желают увеличивать своей ответственности дальнейшими приобретениями. Колониальная политика Франции поэтому консервативна. Делькассе думает, что, преследуя эту политику, можно было бы дальше идти вместе с Англией»⁷. Эта позиция Франции создавала возможность ее сотрудничества с Англией. Стремление обеих стран отстоять захваченное от претендентов на передел мира делало такое сотрудничество необходимым. Камбон говорил как о само собой разумеющемся факте, что такое сотрудничество необходимо, прежде всего, против Германии. Англия и Франция, говорил он, производят разные товары и французы «не конкурируют с англичанами на рынках мира, как Соединенные Штаты Америки или Германия»...

Камбон предложил поделить Марокко между Францией и Испанией, оставив Танжер интернациональным портом. Касаясь Сиам, он сказал: «Наше дело защитить Сиам против вмешательства Германии, насколько это возможно». Камбон считал Сиам уже поделенным между Францией и Англией договором 1896 г.

Ленсдаун, выслушав предложение «с большим интересом», констатировал только один тезис, совпадающий с взглядами правительства своей страны, именно «жела-

⁶ Brit. doc. v. II, № 321, Ленсдаун Монсону 23. VII. 1902 г. Камбон еще в 1900 г. поднимал вопрос о Марокко, но не встретил ответного желания в Ф. О. В начале 1902 г. было несколько неофициальных встреч Камбона с королем и др. лицами.

См. Lee S., v 1. p. 218.

⁷ Brit. doc., II, № 322.

ние скорее консолидировать владения, чем увеличивать их поверхность». Но он отвел предлагаемый проект как относительно Марокко, так и относительно Сиам. Договор 1896 г. не был, по его мнению договором о сферах влияния, т. к. англичане не давали свободы действий французам в их области. В Марокко он предпочитал сохранить существовавшее тогда положение, возражая против раздела страны. Кроме того, он ссылаясь на факт заинтересованности в Марокко Германии и Испании, которые будут возражать против англо-французского соглашения относительно этой страны.

В течение 1902 года Камбон неоднократно возвращался к обсуждению поставленных им вопросов, но неизменно наталкивался на отказ Ленсдауна дискуссировать «проект раздела Марокко»⁸. Тем временем обе стороны укрепляли свои позиции в спорных областях. Французское правительство подписало с Сиамом договор (1902), по которому последний обязывался привлечь французские капиталы для строительства портов, каналов, ж. д. в бассейне реки Меконг. Английские дипломаты и финансисты действовали в Марокко⁹. В Форейн оффис было представлено несколько проектов укрепления власти послушного англичанам султана. По одному из них Англия должна была одна или вместе с Германией гарантировать целость Марокко на 7 лет. За этот срок султан обязывался «развить ресурсы страны» при участии британских финансистов. Султан просил немедленно предоставить ему заем. Ленсдаун не согласился с этим проектом по тем же мотивам, какие им были развиты в беседах с Камбоном. Он опасался оппозиции Франции и Германии и предложил организовать заем у банкиров всех трех стран, при условии предоставления им концессий¹⁰. В Лондоне предпочитали совместную эксплуатацию Марокко тремя крупнейшими соперниками, имея там наиболее сильные позиции. Ленсдаун также отклонил предложение французского посла совместными силами подавить восстание претендента на престол в Марокко Бу-Хамары. Англий-

⁸ Brit. doc., v. II, № 325.

⁹ Там же, II, № 327, 355.

¹⁰ Brit. doc., v. II, № 325.

ские дипломаты не хотели тогда сотрудничать с французским правительством против Германии и продолжали видеть во Франции прежде всего соперника¹¹. Ленсдаун продолжал упорствовать и после того, как Камбон отказался от формулы «раздел Марокко» и заменил ее формулой «сохранение статус кво». Форейн оффис готов был приписать Делькассе стремление поссорить Англию с Германией. Стремление французского правительства «не допускать Германию на побережье Марокко» было, по выражению Ленсдауна, «самым деликатным вопросом»¹².

Поворот в ходе переговоров со стороны министерства иностранных дел Англии произошел весной 1903 г. В марте 1903 г. о необходимости сближения с Францией заговорил «Таймс»¹³. В это время уже был достигнут определенный контакт между торговыми организациями Парижа и Лондона, начавших искать пути примирения раньше, чем они были найдены правительствами обеих стран. Так, еще в конце 1901 г. состоялась встреча представителей торговых палат в Париже, после чего президент ассоциации британских купцов в Париже (Т. Барклей) внес предложение в Лондонскую Торговую Палату заключить договор о передаче конфликтных дел на арбитраж. Лондонская палата приняла это предложение, и такое соглашение было подписано в октябре 1903 г.¹⁴. Из колониальных кругов наибольшую заинтересованность в соглашении с Францией проявили дельцы, связанные с Египтом. Лорд Кромер, английский верховный комиссар в Египте, по своей инициативе направил министра финансов Египта Тигран-пашу в Париж для переговоров непосредственно

¹¹ Brit. doc., v. II, № 271.

¹² Там же, № 330—331. Временный отказ французских дипломатов от ставки на раздел Марокко произошел после провала переговоров с Испанией. Испанское правительство отказалось подписать соглашение о разделе Марокко без ведома Лондона. Делькассе думал договором с Испанией укрепить позиции в переговорах с Лондоном. Поведение испанской дипломатии показало ему, что «путь в Мадрид лежит через Лондон». См. об этом D.D.F., v, III, p. 573—574, 583—586, 611—613. Brit. doc., II, № 355. Также Pribram A. I., *England and the international Policy of the European Great Powers 1871—1914*. Oxford 1931, p. 96.

¹³ «The Times» 6 и 11 марта 1903 г.

¹⁴ Brit. doc. v. II, № 352, 354, 360.

« французскими банкирами по финансовым вопросам¹⁵.

Первым публичным и демонстративным показателем поворота со стороны английского кабинета явился визит Эдуарда VII в Париж в мае 1903 г.¹⁶. Непосредственное обсуждение условий соглашения началось во время и после ответного визита президента французской республики в Лондон в июле 1903 г. Только тогда Ленсдаун определенно высказался за соглашение и занялся активно его обсуждением со всеми наиболее заинтересованными лицами. Во время визита президента Ленсдаун беседовал с французским министром иностранных дел Делькассе и министром колоний Этиеном. В этих беседах были определены объекты соглашения, в ходе бесед выяснился принцип, легший в основу договора, принцип — «даешь-берешь», — по выражению Ленсдауна¹⁷.

Программа французского правительства сводилась к следующему. Англия должна была признать преобладающее влияние Франции в Марокко, в частности право посылать туда карательные экспедиции. Испании выделялась часть территории. Предусматривалось изменение границ колониальных владений в Центральной Африке в пользу Франции.

Конкретная программа английского правительства была изложена Ленсдауном в письменном виде 1 октября 1903 г. после консультаций с Кромером и Никольсоном. Кромер настаивал на «обмене Марокко на Египет». Марокко в таком состоянии, доказывал он, что должно попасть в руки какой-либо одной страны. Пусть он попадет лучше в руки Франции. Здесь и речи не было о сохранении хотя бы видимости государственной самостоятельности Марокко, на чем настаивал лицемерно Ленсдаун в разговорах с Камбоном. «Конечно, — писал Кромер, — Марокко станет провинцией Франции, но это относится и к Египту»¹⁸. В обмен за признание Марокко

¹⁵ The Cambridge History of British foreign Policy. v. III, p. 303.

¹⁶ Despatch to his Majesty's ambassador at Paris. foreign office. France № 1 (1904). Король говорил на торжественном приеме: «Дни конфликтов, я надеюсь, прошли. Провидение желает, чтобы Франция была нашей доброй соседкой... нашим другом».

¹⁷ Brit. doc. v. II, №№ 336, 349, 350, 356. D.D.F. v. IV, № 36.

¹⁸ Там же. II, № 359. Письмо Кромера 17 июля.

французской провинцией англичане требовали, чтобы французское правительство признало Египет монопольным владением Англии. В меморандуме от 1 октября было записано:

«Правительство французской республики признает, что британская оккупация Египта, первоначально рассматриваемая как временная, в силу обстоятельств приобрела характер постоянной». 2) Французское правительство «признает, что при изменившихся условиях нет больше необходимости в существовании Кассы египетского долга и (смешанной международной) администрации египетских железных дорог»¹⁹.

В Марокко Ленсдаун требовал сохранения свободы торговли и сохранения позиций, приобретенных британскими дельцами по договору 1865 г. Это было требование предпринимателей, связанных с Марокко. Во второй половине октября состоялись собрания купцов и судовладельцев в Манчестере и Лондоне, чтобы обсудить вопрос «об английских интересах в империи шерифа». Председателем собрания в Лондоне был глава компании «Братья Форвуд и К^о», суда которой ежедневно совершали рейсы во все порты Марокко. Собранием был подписан адрес с требованием обеспечить равенство в коммерческих делах в Марокко и был образован комитет «защиты интересов»²⁰. В Мадагаскаре Форейн оффис хотел обеспечить равные условия торговли с французами. В Занзибаре требовали ликвидации существовавшей там французской юрисдикции и почтового поста²¹. В октябре 1903 года полностью выявились планы обеих договаривающихся сторон. Начиная с октября 1903 г. и кончая мартом 1904 г. переговоры вращались вокруг спорных объектов соглашения.

Споры шли по трем основным пунктам: о финансовом контроле в Египте и Марокко, о границах демилитаризованной зоны в Марокко и о территориальной компенсации за уступки французов в Ньюфаундленде. Вопрос об Египте, как уже указывалось, был поднят Ленсдауном в беседе с Делькассе в июле 1903 г. Но как

¹⁹ Brit. doc. v. II, № 369. Меморандум 1 октября 1903 г. D.D.F., v. IV, № 7.

²⁰ D.D.F., v. IV, № 28: Донесение Камбона 21 окт.

²¹ Brit. doc. v. II, № 369.

тотом разъяснял Камбон, «Делькассе не вынес впечатления от беседы с Ленсдауном, что последний хочет поднять египетский вопрос в целом»²². Спор вызывал не самый принцип обмена Египта на Марокко, а условия этого обмена. Делькассе исходил из того, что время работает против французов. «Англичане мало по-малу трансформируют свое непрочное владение... в скрытый протекторат». «Эвакуация в будущем возможна, но не исключено худшее—война. Эти соображения, а также заинтересованность в контакте с Англией, писал Делькассе, толкают на обмен Египта на Марокко». «Но менять надо реальное на реальное, а не реальное на возможное»²³. Следовательно, коротко суть размышлений сводилась к следующему. Невозможно заставить Англию уйти из Египта без войны. Продолжение дипломатической войны за Египет препятствует установлению контакта с Англией, необходимого в борьбе с Германией. Вопрос шел об объеме уступок и выигрышей.

Камбон доказывал Ленсдауну, что французскому правительству трудно примириться с фактом постоянной оккупации Египта. «Любое правительство, поставившее этот вопрос,—говорил он,—должно быть готово к выматыванию нервов. Делькассе не из нервных и готов стать лицом к лицу с этой проблемой, при условии больших компенсаций»²⁴. В переписке между собой Делькассе и Камбон жаловались на своих будущих друзей, что они «дают только надежды, а получают... реальные выгоды»²⁵. «Ленсдаун дает нам,—писал Делькассе,—то, чем не владеет, а от нас требует отказа от наших реальных владений в Египте»²⁶.

Французский капитал глубоко внедрился в хозяйство Египта. Французские финансисты были держателями облигаций египетских займов от 1 436 до 2 400 тысяч фунтов стерлингов²⁷. Из предприятий, основанных

²² D.D.F., v. IV, № 40. Письмо Камбона Ленсдауну 26 окт. Ответ на меморандум от 1 окт.

²³ Там же № 36, Делькассе Камбону 24 окт. 1903 г.

²⁴ Brit. doc. v. II, № 364.

²⁵ D.D.F., v. IV, № 7.

²⁶ Там же, № 30.

²⁷ Камбон доказывал, что $\frac{2}{3}$ египетского долга находится в руках французских держателей. Кроммер определял французскую

французами, на первом месте стояли сахарные заводы. Общий торговый оборот с Египтом оценивался в 1902 г. в 77 млн. франков. Французские предприниматели входили на равных правах с англичанами в управление железных дорог. В их руках в значительной мере было почтовое ведомство. В Суэце им принадлежал пост медицинского инспектора. В Египте было 89 французских школ с 14896 учениками, Институт восточной археологии, Юридический институт. Французы входили во все смешанные учреждения, например в военно-морской совет, муниципалитет Александрии. В центральных учреждениях был широко распространен французский язык, английским пользовались преимущественно в провинциальных учреждениях, находившихся или полностью в руках иностранцев или контролируемых ими²⁸. Все это в значительной степени или полностью обесценивалось при условии ликвидации Кассы египетского долга и смешанной администрации железных дорог. Английские дипломаты про себя считали возражения французов обоснованными. «Англия дает мало, а берет много,—писал Кромер.—Марокко—страна, впадшая в состояние анархии. Мы не желаем ее для себя. Если вам нравится идти на неприятности, пожалуйста, идите. Мы не возражаем, учитывая, что вы обеспечиваете нам коммерческие выгоды... и гарантируете, что Испания—слабая держава, которая не может принести нам вреда—будет владеть береговой линией и не построит на ней укреплений»²⁹. В этих отрывочных словах, предназначенных для внутреннего употребления, в основном правильно схвачен ход рассуждений Форейн оффис. Ленсдаун вполне был согласен с Кромером, что много просит и что французы видят это. Он хотел использовать «очень уж сильное желание французов иметь Марокко»³⁰. Но в своей интерпретации сути соглашения о

долю в 39 000 000 фр. из общей суммы в 103 000 000 фр. Brit. doc. v. II, № 374. Нелидов называл цифру 1 500 000 000 фр. из общей суммы в 2 500 000 000 фр. См. его депешу 31/XII 1904 г. «Новый Восток», кн. 18, стр. 112.

²⁸ D.D.F. v. IV. № 105. Доклад поверенного в делах в Каире написанный по требованию Делькассе 25/XI. 1903 г.

²⁹ Письмо Кромера Ленсдауну, цитировано у Newton P. C., Lord Lansdowne. A biography, London, 1929 p. 284.

³⁰ Ленсдаун Кромеру. Там же.

Марокко Кромер упустил важнейшую сторону его — именно антигерманскую направленность. Ленсдаун поспешил объяснить это Кромеру. Он поделился с ним своими опасениями, что «в дело ввяжется Германия, она, наверно, уже знает о переговорах... Не знаю, что скажет наше адмиралтейство, но французы всегда предполагают, что мы обязываемся не допускать другие страны в Марокко»³¹.

В обмен на требование английского кабинета признать полную монополию в Египте Делькассе выдвинул требование такой же монополии Франции в Марокко, в частности монопольного распоряжения финансами страны³².

Лондонское правительство считало это требование неприемлемым и предпочло отказаться от требования ликвидации Кассы египетского долга. Вместо этого было предложено: 1) Кассу сохранить, но ограничить ее функции. За ней оставалось право на сбор всяких поступлений, необходимых на выплату дивидендов кредиторам. Остальные средства передавались правительству. Железные дороги, телеграф и порт Александрии изымались из ведения смешанной администрации. 2) Французское правительство, отказываясь от финансового контроля над Египтом, обязывалось бы добиваться того же и от правительств других стран. 3) Французское правительство должно дать согласие на конверсию займов Египта³³.

Формула Ленсдауна отнимала у Кассы египетского долга все ее атрибуты. За ней оставалась одна функция—выколачивание дивидендов кредиторам. Английские финансисты, получая монопольное право распоряжения финансами Египта, сохраняли в руках финансистов других стран, прежде всего Франции, орудие, обеспечивающее получение доходов. Характерно, что уступка, сделанная английским кабинетом, сопровождалась требованием, чтобы Франция защищала монополию Англии в Египте против притязаний ее конкурентов. Это

³¹ Ленсдаун Кромеру, 17 ноября. Там же, р. 285.

³² D. D. F., v. IV, № 40. Письмо Камбона от 26 октября.

³³ Br. doc. v. II № 276, Ленсдаун Камбону 19 ноября 1903 г. D.D.F., v. IV. № 98.

требование настойчиво подчеркивалось на всем продолжении переговоров, особенно в момент окончательного редактирования конвенции.

Новое предложение вызывало у Делькассе возражение только в одном пункте: конверсия займов. Он боялся оппозиции кредиторов, которая сорвала бы все соглашение³⁴. Ленсдаун гарантировал доходы держателей египетских облигаций, и новое предложение было принято³⁵.

Другим вопросом, вызвавшим довольно продолжительный спор, был вопрос о демилитаризованной зоне на побережье Марокко. Обязательство не возводить на побережье Марокко никаких укреплений и не позволять возводить их другим странам фигурировало в условиях соглашения, предлагаемых обеими сторонами. Разногласие сводилось к чисто территориальным объектам. В Лондоне хотели, чтобы демилитаризованная зона простиралась от Алжира до Мацагана. В Париже хотели ограничить ее пространством между Мелильей и высотой, возвышающейся на правом берегу реки Себу³⁶. Ленсдаун постепенно уступал, суживая границы зоны, но долго настаивал на том, чтобы в нее вошел порт Рабат, указывая, что он находится всего в 100 милях от Гибралтара³⁷. Скрытым от французских дипломатов было, по-видимому, намерение отдать этот порт в случае необходимости Германии. В указанном письме Кромеру (17 ноября) Ленсдаун писал, что немцы наверно будут просить Рабат³⁸. Французские дипломаты особенно дорожили этим портом как конечным пунктом ж. дороги. При этом они исходили из перспектив раздела Марокко. В таком случае указанный пункт должен был отойти к Испании и железная дорога проходила бы по испанской территории³⁹. В договоре зафиксировано французское предложение⁴⁰.

³⁴ D. D. F. v. IV, №№ 98, 117.

³⁵ Brit. doc. v. II, №№ 378, 380.

³⁶ Там же. №№ 369, 371 D. D. F. v. IV, № 40.

³⁷ Br. doc. v. II, №№ 376, 377, D. D. F. v. IV, № 120. Донесение Камбона 11 декабря.

³⁸ Newton, L. Lansdoune p. 285.

³⁹ Brit. doc. v. II, №№ 377, 378, 380.

⁴⁰ «В целях обеспечения свободного прохода через Гибралтарский пролив,—говорится в статье 7,—оба правительства соглаша-

Наиболее острые споры вызвал как раз наименее важный объект, по признанию обеих сторон, именно вопрос о компенсациях за отказ французов от права рыбной ловли около берегов Ньюфаундленда. Французы потребовали сначала в качестве компенсации передачи им Гамбии и на этом упорно некоторое время настаивали. Англичане также упорно отказывались удовлетворить это требование⁴¹. В конце декабря Делькассе отказался от этого требования и выдвинул требование передать Франции территорию на правом берегу Нигера, площадью в 10 000 кв. миль, что также было отвергнуто британским кабинетом⁴². На этом пункте в конце декабря переговоры застопорились. Роли обеих сторон поменялись. Теперь англичане стремились ускорить соглашение. В Париже, наоборот, требовали «времени для изучения вопроса»⁴³. В январе Ленсдаун писал Кромеру, что «соглашение повисло на волоске». Кромер побуждал Ленсдауна уступить. «Французы больше уступают в Египте, чем англичане в Марокко. Публика не поймет отказа от уступок. Стоит принести некоторые жертвы, чтобы избежать срыва договора»⁴⁴. В январе и феврале английский кабинет выступил с несколькими, одно за другим следующими, предложениями требуемых компенсаций. Наконец в марте появились все те территориальные уступки, которые зафиксированы в конвенции от 8 апреля: право пользоваться устьем и берегами Гамбии, приращение территории французских колоний в этой области, исправление границ в пользу Франции в восточной Нигерии, передача Фран-

ются не допускать возведения укреплений или каких-либо стратегических сооружений в части марокканского побережья, заключенным между Мелильей и высотами, господствующими на правом берегу Себу... Однако это решение не относится к пунктам, занятым в настоящее время Испанией на марокканском побережье Средиземного моря»

⁴¹ Brit. doc. v. II, №№ 373, 377. D. D. F., v. IV, №№ 30, 46, 59, 98, 158, 119, 178. Камбон говорил Ленсдауну: «Учтите, во Франции нет ни одного политика, который уступил бы вам в Египте, кроме Делькассе». Ленсдаун отвечал: «...нужды нет в уступках. Мы уже обосновались в Египте и со временем укрепимся».

⁴² Brit. doc. v. II, №№ 382—385.

⁴³ Там же, №№ 387, 398, 370, 408.

⁴⁴ а) Newton... p. 287, 289.

пии острова Лос^{44а}. Камбон после нескольких распоряжений из Парижа, быстро следующих одно за другим и отменяющих друг друга, получил, наконец, инструкции подписать конвенцию⁴⁵. В последний момент, в процессе редактирования документа возник еще раз спор вокруг формулировки обязательств Франции. Бальфур особенно настаивал, чтобы французское правительство «признало факт оккупации Египта постоянным» и дало бы обязательство поддерживать английское правительство в случае сопротивления турецкого султана и правительств других стран. Камбон, ссылаясь на оппозицию в парламенте, предлагал ограничиться обязательством «не препятствовать действиям Англии в этой стране, не настаивать на том, чтобы был положен срок британской оккупации»⁴⁶. Соответствующий пункт (первый) прошел в редакции Камбона.

**
*

Подписанное 8 апреля 1904 г. англо-французское соглашение состоит из двух деклараций и одной конвенции. В конвенции был зафиксирован отказ Франции от ее монопольных прав рыболовства у берегов Ньюфаундленда (французские рыболовы не лишались, прав ловить рыбу наравне с английскими колонистами, кроме того, получали денежное вознаграждение за понесенный ущерб). За эту уступку Франция приобретала острова Лос, до того затруднявшие путь к порту Французской Гвинеи, Конакри, исправляла в свою пользу границу в Восточной Нигерии и получала свободу плавания по важнейшему для нее участку реки Гамбии. Согласно декларации о Сиаме (Таи) часть этой страны к западу от реки Менам признавалась сферой влияния Англии, а часть к востоку от той же реки — сферой французского влияния, с исключительным правом каждой державы

^{44а} Brit. doc., v. II, №№ 387, 388, 389, 391. D. D. F, v. IV, №№ 201, 184, 212, 316.

⁴⁵ Brit. doc., v. II, №№ 394, 398, 401, 408.

⁴⁶ D. D. F, v. IV, №№ 364, 370. Brit. doc. v. II, Постатейное сравнение обоих проектов. Бальфур, по словам Ленсдауна, не дорожил декларацией, в которой не был бы «признан факт оккупации постоянным».

на эксплуатацию своей части территории. Декларация предусматривала также создание кондоминиума на Ново-Гебридских островах, где до тех пор происходили постоянные конфликты между английскими и французскими колонистами, содержала отказ Англии от претензий по вопросу о пошлинах в мадагаскарских портах.

В декларации об Египте и Марокко, опубликованной в 1904 г., Франция обязывалась не чинить препятствий действиям Англии, не поднимать вопроса об эвакуации Египта. Англия признавала за Францией, ввиду смежности ее владений с Марокко, преимущественное право сохранять в Марокко порядок и оказывать помощь в административной, экономической и финансовой областях. Обе стороны обязывались не допускать сооружения укреплений на участке марокканского побережья, противолежащего Гибралтару (между Мелильей и р. Себу). В последней (9) статье обе стороны обязывались оказывать друг другу дипломатическую поддержку в реализации вышеуказанных статей. Англия, кроме того, гарантировала Франции свободу плавания через Суэцкий канал.

В опубликованной декларации обе стороны обязывались сохранять то положение в Египте и Марокко, которое существовало к моменту договора, что противоречило остальной части декларации. Планы раздела Марокко между Францией и Испанией, которые фигурировали на всем протяжении переговоров, были зафиксированы в секретной декларации, опубликованной в 1911 г. Как известно, смысл этой секретной декларации сводится к тому, что обе стороны предоставляли друг другу право аннексии означенных территорий, когда каждая из них найдет это для себя необходимым.

Изменения в организации управления финансами Египта и новое положение Кассы египетского долга было зафиксировано в особом документе, т. н. декрете хэди́ва, опубликованном в то же время. Английское правительство получало согласие Франции (вскоре было получено согласие и других заинтересованных стран) на конверсию займов, на выпуск новых займов, чего оно тщетно добивалось на Лондонской конференции в 1884 г., созванной по вопросу о финансовом положении Египта. Французское правительство соглашалось также

на свободное распоряжение английской администрации в Египте доходами, которые оставались после уплаты кредиторам (излишек, т. н. «ассигнованных» доходов). По конвенции 1885 г. это согласие было дано условно на три года.

Полный контроль над Кассой египетского долга, как известно, перешел к Англии только в 1922 году.

Содержание деклараций при обсуждении их в парламентах и в прессе обеих стран не вызвало широкой оппозиции. Во Франции критика договора по его содержанию шла в основном по тем же вопросам, которые вызывали возражения Камбона и Делькассе в ходе переговоров. В критических выступлениях часто употреблялась крылатая фраза самого Делькассе — французы приобрели одни надежды вместо реальных уступок со своей стороны⁴⁷.

Для английских империалистических кругов характерно почти единодушное одобрение соглашения. Не проявляли энтузиазма только те газеты, которые были тесно связаны с фирмами, действующими в Марокко⁴⁸. Английские дельцы, орудующие в самом Марокко, естественно, восприняли соглашение как «предательство по отношению к ним»⁴⁹. Наиболее видным противником договора во всех его аспектах был лорд Розбери. По его словам, более одностороннего, невыгодного для

⁴⁷ Эта мысль ярко была выражена известным французским историком Рене Милле. «Мы, — писал он, — променяли остатки нашего влияния в Египте на свободу действий в Марокко, но Англия ставит при этом крайне унижительные условия, запрещая нам возводить укрепления против Гибралтара. Таким образом, Англия в Суэце и Гибралтаре будет держать в своей власти оба выхода из Средиземного моря. Во-вторых, мы предоставили ей действительные права, оставив за собой лишь надежды. Для того, чтобы владеть Марокко, нам нужны пустяки — согласие шерифа, которого забыли спросить, мы же обязались не прибегать к военной силе, чтобы добиться этого согласия».

Цитировано у Федорова М. Н., Реальные основы современной межд. политики, СПб 1903 г., стр. 30.

⁴⁸ К ним относились: консервативная «The Morning Post», либеральная «The Daily Chronicle», близко стоявшая к Розбери. См. анализ прессы герм. послом Cros. Pol. В. XX, № 6375, 9.IV. Также Галеви Э., История Англии в эпоху империализма, М. 1937, стр. 372—3.

⁴⁹ H. Nicolson, sir A. Nicolson p. 71.

Англии договора, чем соглашение 1904 г., не заключала еще ни одна страна. Англия, доказывая, что не должна была уступать побережья Средиземного моря близ Гибралтара другой сильной военной державе. Лорд Розбери напечатал в «Таймс» протест против «опасной и бесполезной уступки Франции»⁵⁰.

Сам автор договора, маркиз Ленсдаун, подписывая документ 8 апреля, ожидал критики его за следующие «серьезные уступки»: за нейтрализацию Суэцкого канала, за отказ от части побережья Средиземного моря, за отказ «от своих интересов» в других частях света⁵¹. Выигрыш от соглашения Ленсдаун видел в упрочении английской власти в Египте. Оно выразилось, по его мнению, в том, что Египет перестал «быть интернациональным вопросом». «Если мы, — писал он, — будем в согласии с Францией, которая после нас одна имеет исторические, политические и финансовые интересы в Египте, не будет основания ожидать трудностей со стороны других держав»⁵². Ленсдаун полагал, что при согласии с Францией протесты других стран будут безопасными, и Германия теряет ту палку, которую князь Бисмарк всегда грозил поднять в случаях несговорчивости английского кабинета.

Англо-французское соглашение является классическим примером колониальной экспансии, свойственной эпохе империализма в его начальной стадии. «Даже капиталистическая колониальная политика прежних стадий капитализма, — пишет В. И. Ленин, — отличается от колониальной политики финансового капитализма»⁵³. Главной ее отличительной чертой, характерной для периода завершения раздела мира, является стремление к монопольному обладанию приобретенными и приобретаемыми колониями. По договору 1904 года устанавливалась полная монополия Франции в Мадагаскаре, Англии в Занзибаре и Ньюфаундленде, каждой из этих стран в соответствующей части Сиаме. В ходе переговоров о Сиаме, а также и в статьях декларации о

⁵⁰ «The Times» 10 июня 1904 г.

⁵¹ Brit. doc. v. II, № 416. Ленсдаун Монсону 8 апреля 1904 г.

⁵² Синяя книга «France» № 1 (1904).

⁵³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 253.

нем эта черта выступает очень выпукло. Границы колониальных владений Англии и Франции были установлены по договору 1896 г. Они оставались и по договору 1904 г. Однако Ленсдаун не согласился с Камбоном, будто Сиам уже был поделен на «сферы влияния». Англия по договору 1896 г., — указывал он, — не отказывалась от притязаний на концессии во французской части Сиаме. По договору 1904 г., каждая из договаривающихся сторон отказывалась от таких притязаний, взаимно признавая, следовательно, монопольные права на эксплуатацию соответствующей территории. Соглашение 1904 г. было определенным скачком, как мы видели в процессе превращения Египта в монопольную колонию Англии. Это выразилось в переходе контроля над финансами Египта в руки англо-египетского правительства, как оно официально именовалось, и в признании французским правительством факта оккупации, не подлежащим изменению. Подчинение Египта власти Англии Ленсдаун считал важнейшим фактом в истории колониальных захватов в конце XIX в. «... нет более важного эпизода в недавней истории, чем постепенное развитие нашего влияния в Египте», — писал он Кромперу⁵⁴.

Стремление французского правительства к монопольному обладанию намеченной им части Марокко проходит красной нитью через всю историю переговоров. «Французское правительство, — говорил Делькассе Ленсдауну в Лондоне, — оставило желание большого расширения колоний... Оно не намерено прибавлять новые колонии, а намерено консолидировать старые, устранить все источники будущих тревог за них, а также источники тревог, коренящиеся в них самих»⁵⁵.

Нет нужды останавливаться на первой половине тирады, история завоевания Марокко Францией достаточно красноречиво опровергает эту часть заявления французского министра. Стремление консолидировать колониальные владения, чтобы быть спокойными за них

⁵⁴ Ленсдаун Кромперу 7 декабря 1903 г., Newton, L. Lansd. p. 287.

⁵⁵ Brit. doc. v. II, № 357, запись беседы Ленсдауна о беседе с Делькассе 7 июля 1903 г.

не означает ничего другого, если не считать некоторого выправления их границ, как превращения этих колоний в не оспариваемые никем, закрытые для других стран, владения. Опубликованная в 1904 году декларация о Марокко устанавливала только гегемонию Франции в Марокко. Секретные статьи конвенции предусматривали ее полное и неоспоримое владычество. Борьба французского правительства за реализацию эвентуально признанных Англией прав Франции на монопольную эксплуатацию Марокко была одной из причин марокканских кризисов 1905 и 1911 годов.

Соглашение 1904 года является иллюстрацией к положению Ленина: «Раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»⁵⁶.

Англо-французское соглашение страстно обсуждалось с точки зрения его влияния на общую конфигурацию империалистических группировок. Как уже говорилось, современники по-разному оценивали как мотивы договаривающихся стран, особенно Англии, так и результаты договора. Одни говорили, что указанный дипломатический акт направлен против Германии, другие усматривали главное его острие в том, чтобы предупредить втягивание Англии в происходившую войну, подчеркивали антирусскую направленность соглашения. Для того, чтобы ответить на поставленные в начале работы вопросы, нам неоднократно придется возвращаться к основным этапам англо-французских переговоров.

Они явно распадаются на две стадии: **август 1902 — июль 1903**. Инициатива в это время принадлежала французскому правительству. Английский кабинет отказывался обсуждать предлагаемую программу соглашения. С июля 1903 г. инициатива переходит в руки Ленсдауна. Чем больше он старается ускорить дело, тем

⁵⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 253.

больше оказывает сопротивление Делькассе. В критические дни кануна русско-японской войны переговоры заходят в тупик, в основном, из-за сопротивления Парижа, притом по самому незначительному предмету спора — по вопросу о рыбной ловле у берегов Ньюфаундленда. Возникает вопрос, почему наименее важный объект раздела вызвал наиболее продолжительные споры, которые грозили сорвать соглашение в целом?

В июльской беседе с Ленсдауном Делькассе заметил по вопросу о Ньюфаундленде, что он скорее касается сентиментальных, чем реальных уступок, и что соглашение по нему зависит от решения вопроса о Марокко⁵⁷. В ноябре того же года Камбон доказывал как раз обратное. Он говорил, что общественное мнение страны дорожит приобретениями Людовика XIV и что от решения вопроса о компенсациях за них зависит решение вопроса об Египте⁵⁸.

Настойчивость французской дипломатии по мало значащим вопросам и настойчивость Форейн оффис в декабре 1903 г. объяснялась соображениями, диктуемыми в первую очередь союзническими обязательствами обеих стран, которые приобрели первостепенное значение в момент развязывания русско-японской войны.

Во французских империалистических кругах шла непрерывная борьба между сторонниками русско-французского союза и сторонниками соглашения с Англией. Сторонники последнего старались убедить своих противников, что оно не противоречит союзническим обязательствам. Это была официальная точка зрения Делькассе и правительства. Делькассе единодушно считался современниками, а также единодушно рассматривается историками убежденным реваншистом и сторонником франко-русского союза. Он был одним из первых журналистов, начавших пропаганду союза с Россией⁵⁹.

⁵⁷ Brit. doc. v. II, № 357.

⁵⁸ D. D. F. v. IV, № 178.

⁵⁹ В 1887 г. он писал: «Общая опасность для Франции и России повелительно диктует им тесную кооперацию. Каждая из них служит противоресом. одна на востоке, другая на западе, тевтонскому гиганту. В Азии они также выступают, одна на севере, другая на юге, как бульверк против вторжения в Китай Великобритании. Всюду они стоят лицом к лицу с одними и теми же

Основные внешнеполитические концепции Делькассе сводились к следующему: признание Германии опаснейшим противником Франции, необходимость всемерно укреплять союз и дружбу с Россией, усиление военной и военно-морской мощи Франции и расширение ее международных связей. Делькассе, прежде чем обратиться в Лондон, дважды ездил в Петербург (1899 и 1903), чтобы добиться расширения действия франко-русского союза, в частности, на случай войны с Англией.

Как видно из заявлений Камбона и Делькассе в Лондоне, французское правительство включало в свои планы если не создание тройственной группировки, то во всяком случае ослабления напряженности в отношениях между Англией и Россией. «Если бы понимание было достигнуто, — говорил Этиен Ленсдауну, — Англия увидела бы, что Франция может оказать сильное влияние на Россию и это спасло бы Англию от многих неприятностей»⁶⁰. За время переговоров в Лондоне дважды была сделана попытка реализовать эти планы: в июле, во время пребывания главы правительства в Лондоне и в октябре-ноябре 1903 г. во время пребывания Ламсдорфа в Париже, когда ему было сообщено о ходе переговоров. Сокровенные мысли Делькассе о будущих группировках сообщает Палеолог. Делькассе говорил ему: «Если Россия будет держать руки свободными в Европе, если я заключу соглашение с Англией, Италией, Испанией, вы увидите, Марокко упадет в наш сад как созревший плод». Захват Марокко был ближайшей целью Делькассе. Но он мечтал о союзе Франции, России и Англии. «Поверьте мне, — развивал он свои мысли собеседнику, — я не останавлиюсь на этом. Ликвидация трений должна привести нас, и я желаю, чтобы она привела к политическому союзу с Англией. Ах, мой дорогой друг, какие прекрас-

врагами». Цитировано Gooch, Litt, E. B. A., *Before the War*, v. I, p. 91. Лангер пишет о Делькассе, что он принял пост министра иностранных дел, имея мысль сгруппировать как можно больше друзей вокруг Франции на случай войны с Германией. «Он хотел присоединить Англию к франко-русскому союзу и решил не оставлять кабинета до тех пор, пока не установит добрых отношений с Англией». Langer B., *The diplomacy of imperialism 1890 — 1902*. N.—I. 1935. v. II. p. 555.

⁶⁰ Brit doc., II, № 356, 2 июля 1903 г.

ные горизонты открываются перед нами. Подумайте только! Если бы мы могли опереться на Россию и на Англию, как сильны бы мы были в отношении Германии. Франко-английский союз всегда был моей мечтой, даже во время фашистского кризиса. Сейчас, я верю, близок к цели». После минутной паузы он добавил: «Трудно это соединить с русским союзом. Но каждый день имеет свою задачу»⁶¹.

Несмотря на постоянные уверения Делькассе в верности союзническим обязательствам, противники сближения с Англией обвинили его, что он жертвует франко-русским союзом ради новых связей. Очевидно, они исходили не из заявлений министра, а из учета фактического положения дел. Противникам Делькассе сближение с Англией казалось непримиримым с союзом с Россией. Германский посол в Париже писал по поводу визита короля в 1903 г.: «Чем ближе мы приближаемся к дню прибытия короля Англии, тем энергичнее выступает националистическая пресса против англо-французского союза». Радолин предсказывал неудачу визита, основываясь на этой оппозиции. «Во Франции, как и прежде, в первую очередь держатся франко-русского союза»⁶².

Наиболее остро оппозиция выступала в декабре 1903 г., в момент, когда решался вопрос—быть или не быть войне на Тихом океане. Именно этой оппозицией и объясняли в Лондоне неговорчивость Делькассе по маловажным вопросам. Делькассе часто подвергается обвинению, сообщал английский посол из Парижа, «за подчинение интересов союза с Россией выгодам, скорее сентиментальным, чем реальным, соглашения с Англией»⁶³.

Французские дипломаты серьезно размышляли о судьбах русско-французского союза накануне русско-японской войны. Об этом свидетельствуют, например, письма Бомпара (посла в России) к Делькассе. «Франко-русский союз не рушится, как надеются в Берлине, но условия, в которых он был заключен, изменились»,—писал он в одном из них. Эти изменения, по мнению Бомпара, выразились в двух основных направлениях: в том, что

⁶¹ Paleologue, Un Grande Tourrant de la Politique Mondiale, Paris, v. II, p. 11, 12.

⁶² Gross, Politik, B. XVII, № 482.

⁶³ Brif. doc, v. II, № 59, Монсон Ленсдауну 29 дек. 1903

«отношения между Россией и Германией, а также с Австрией из натянутых стали дружественными и, во-вторых, в том, что внимание русской дипломатии, поглощенное тогда европейскими делами, сейчас направлено в Азию. Азия пока грозит поглотить силы России». Посол советовал учесть этот факт⁶⁴. Бомпар выражал широко распространенные настроения⁶⁵. Ценность союза понижалась по мере того, как царизм все же втягивался в войну. Первые поражения на фронте были ударом по противникам соглашения с Англией. Неклюдов, тогда посол в Париже, в обзоре русско-французских отношений, написанном уже в 1910 г., утверждал: «Лубе и Делькассе давно уже лелеяли планы о сближении Франции с Великобританией и о желательности привлечения самой России к этому новому соглашению. Но восторжествовала эта идея в общественном мнении только под влиянием первых неудач царской армии на театре войны. Французские государственные люди, да и само общественное мнение, испугавшись ослабления России, охотно пошли навстречу заигрываниям Англии и в особенности ее нового и мудрого монарха, в надежде этим добавочным союзом снова восстановить нарушенное равновесие и найти для Франции новую могущественную поддержку против угрожающего насилия со стороны Германии»⁶⁶.

Палата депутатов, обсуждавшая конвенцию в апреле 1904 г., единодушно одобрила факт соглашения с Англией, причем и здесь всячески подчеркивалась верность союзу с Россией. Делькассе объяснял в своей речи, что «об-

⁶⁴ Бомпар Делькассе 25 февр. 1904 г. D.D.F., v. IV, № 317. Французский военный атташе в Петербурге, описывая неподготовленность царизма к войне, господствующее казнокрадство и беспечность во всем военном и гражданском аппарате, трудности снабжения армии, пришел к заключению, что «Россия выйдет из войны с уменьшенным престижем, очень обедневшей, очень дезорганизованной в военном отношении». D. D. F., v. IV, 301. Длинное донесение атташе приведено Б. А. Романовым, Очерки дипл. истории русско-японской войны 1895—1907, М.—Л. 1947, стр. 335

⁶⁵ Без преувеличения можно сказать, пишет Лангер, что франко-русский союз был в упадке между 1898 г. и русско-японской войной. Среди радикалов он не пользовался популярностью. В прессе много писали, что союз направлен против реформ... стр. 599.

⁶⁶ Из депеши 14/XII 1910 г. Неклюдова Сазонову. «Красный архив», т. 68—69.

суждаемое соглашение является результатом политики, преследуемой в последние шесть лет, политики, базирующейся на франко-русском союзе, который образует первейшее условие равновесия великих держав мира». Этиен в своей речи много говорил о значении Марокко для Франции, о необходимости мирных отношений с соседкой за каналом и в заключение патетически воскликнул: «Франция останется другом и союзником России. Она желает усилить эту дружбу, потому что надеется в будущем на понимание между Россией и Великобританией»⁶⁷. Это заявление вызвало всеобщие аплодисменты всего парламента (за исключением социалистов).

Делькассе постоянно уверял царское правительство в верности союзническим обязательствам и при этом настойчиво подчеркивал, что он стремится примирить Петербург и Лондон. Так, в марте 1904 г. он убеждал Неклюдова, что в соглашении «нет ничего, что могло бы сколько-нибудь нанести ущерб чьим бы то ни было чужим интересам и тем менее ничего, что могло бы ослабить нашу дружбу и союз с Россией. Лорд Ленсдаун, — говорил он, — был мною предупрежден с самого начала, что этот союз служит краеугольным камнем нашей внешней политики и что мы от него ни в коем случае не отступим. Но мне кажется, в прямых выгодах Франции было бы улучшить отношения с Англией. Я думаю, что этим мы можем быть полезными России, в особенности, когда придет время заключения мира после окончания нынешней войны».

Неклюдов, передавая эти заверения Делькассе, с своей стороны подчеркнул, что Делькассе в первую очередь заботится об интересах Франции, а не об интересах своего союзника. «Твердо стоя в высших политических вопросах на почве союза с Россией, в сношениях с другими странами он преследует исключительно французские практические цели»⁶⁸. То же, что и Делькассе, говорил П. Камбон русскому послу в Лондоне в момент подписания англо-французской конвенции, с той только разницей, что главный упор он сделал на значении соглашения

⁶⁷ Brit. dos. v. III, №№ 8, 14, Донесения Монсона.

⁶⁸ Депеша Неклюдова от 11—12 марта 1904 г. Цитирована в журнале «Новый Восток» кн. 18-я, стр. 113—114.

для Франции, заверив своего собеседника, что этот акт не меняет союзных отношений с Россией⁶⁹.

Монсон, английский посол в Париже, сообщал, что пресса отнеслась к договору благожелательно. «Есть склонность, — писал, — рассматривать договор как предшествующий шаг к подобному же соглашению с Россией»⁷⁰.

Приведенные материалы можно суммировать в следующем коротком выводе.

Французское правительство, подписывая договор с Англией, не теряло надежды в будущем примирить свои союзнические отношения с царской Россией с фактом сотрудничества с Великобританией. Вместе с тем французское правительство не могло не видеть, что примирение с главным дипломатическим врагом России находится в противоречии с союзническими обязательствами по отношению к ней. Однако оно шло на это, увлекаемое жадой колониальных захватов, и предполагая, что дипломатическая поддержка Англии является достаточной гарантией, чтобы можно было реализовать соглашение о Марокко, не опасаясь вмешательства Германии. Последующие события опрокинули эти расчеты и показали со всей убедительностью незаменимую ценность для Франции союза с Россией.

Оценка англо-французских отношений царской дипломатией претерпела глубокие изменения за первые годы XX столетия. В конце XIX в. всякое уменьшение враждебности между Францией и Англией учитывалось как расшатывание русско-французского союза. М. Н. Муравьев писал в 1897 г. «... мы должны опасаться лишь двух случайностей, а именно: возможности сближения Германии с Францией или Франции с Англией»⁷¹.

Когда тон английских газет по отношению к Франции изменился после Фашоды, царский посол в Мадриде предлагал все усилия, чтобы выяснить, не состоялось ли анг-

⁶⁹ АВПР, Канц. МИД 1904, 85, л. 672—674.

⁷⁰ Brit. doc., v. III, № 18.

⁷¹ Докладная записка М. Н. Муравьева 4 февр. 1897 г. Красный архив. т. 47—48, 1931, стр. 77.

ло-французское соглашение об Египте и Марокко⁷². Барон Стааль ревниво следил за всяким проявлением «любозности» между Лондоном и Парижем. Он, например, возмущался речью французского военного атташе в Англии, заявившего о братстве двух народов (1899 г.)⁷³.

Во время англо-французских переговоров (1903 — 1904) этот тон сохранился в русской прессе, особенно в такой газете, как «Московские ведомости». Эта газета все время твердила, что Англия ссглашением с Францией добивалась и добилась охлаждения во взаимоотношениях союзников. Одним из мотивов действий английского правительства газета считала стремление предупредить франко-германское сближение. «Напуганная слухами о том, что союзная России Франция готова сблизиться с Германией и что таким образом Англия останется изолированной, Англия заключила с Францией соглашение»⁷⁴. В разгар русско-японской войны редакции газеты казалось, что соглашение направлено к единственной цели — развязать себе руки для окончательных расчетов с Россией, в которой англичане видят своего самого опасного врага⁷⁵. В то же время газета уверяла своих читателей в незыблемости русско-французского союза. «Пока существует союз России с Францией, не может быть союза последней с Англией... Это положение не изменилось бы даже в том случае, если бы во главе французского правительства стали бы преданные Англии социалисты. Франция может существовать как великая держава единственно в союзе с Россией, и это знают в Париже»⁷⁶. В основе оценки англо-французских отношений здесь, как мы видим, лежит незыблемое положение, что Англия и Россия — непримиримые антагонисты. В этом же духе выступали многие буржуазные газеты. Показательно, например, статья Е. Белова в газете «Русское слово». Статья была написана по поводу мароккского кризиса, который знаменовал определенный этап в сближении Англии и Франции. «В былое время,—пи-

⁷² Brit. doc., v. II, № 310.

⁷³ АВПР, Канц. МИД, 1899. д. 65, л. 151—152.

⁷⁴ «Московские ведомости» 2 апр. 1905 г.

⁷⁵ Там же, 17 апр. 1905 г.

⁷⁶ «Московские ведомости», 2 апреля 1905 г.

сал указанный автор,—мы поморщились маленько, узнав о сближении между Англией и Францией, но успокоили себя тем, что это лишь частичное соглашение, по отдельным вопросам... Если это частичное соглашение превратится в нечто большее — старое клише окажется непригодным»⁷⁷.

Среди руководящих лиц царского правительства был весьма распространен тезис, что сближение Франции с Англией означает бесспорное ослабление русско-французского союза и что самый поворот французского правительства в сторону Лондона был вызван отвлечением внимания российского правительства на Дальний Восток. Этот тезис, как мы видели, лежал в основе донесений Неклюдова. Его же воспроизводит граф Витте в своих воспоминаниях. «Перемещение главных сил России на Дальний Восток,—писал он,—во всяком случае обесценило так называемый франко-русский союз. Отсюда соглашение 1904 г.»⁷⁸.

Официальное отношение царского правительства к дипломатическому шагу сюзника выразилось в личных объяснениях Ламсдорфа с Делькассе в Париже в ноябре 1903 г., в письме царя к президенту и в заявлениях по поводу опубликованного договора.

Ламсдорф заверил Делькассе, и это подтверждалось личным письмом Николая II, что царь ценит союз с Францией и рассматривает его как основу своей внешней политики и далек от неодобрения сближения Франции с Англией и Италией⁷⁹. Мотивы своего поведения Николай II объяснял германскому императору в Висбадене в то время, когда Ламсдорф передавал его письмо президенту. Он говорил, что хотел бы тесного сближения с Германией, в частности потому, что во Франции господствует атеизм, но он вынужден сдерживать Францию, иначе она перейдет к Англии⁸⁰. Это за-

⁷⁷ «Русское слово», 22 марта 1905 г. Е. Белов. Шахматный ход.

⁷⁸ С. Витте, Воспоминания, 1923, т. 1, стр. 333.

⁷⁹ D. D. F., v. IV, № 80 Письмо Делькассе послам Франции, информирующее о содержании бесед двух министров. Делькассе информировал Ламсдорфа о ходе переговоров с Англией. В последующее время Ламсдорф был в курсе событий. См. там же, № 350.

⁸⁰ Записка князя Бюлова о встрече в Висбадене 4 ноября 1903. Gros Pol. B. XVIII, № 5422.

явление царя, по-видимому, отражало истинные мотивы поведения двора в данном вопросе. Во всяком случае такая аргументация часто встречается в переписке царских чиновников. Так, финансовый агент в Париже Рафалович предупреждал министра финансов Коковцева, что нельзя демонстрировать дружеских отношений между правительством России и Германии. «Это было бы средством ускорить сближение Франции с Англией, которое отнюдь не в наших интересах делать слишком тесным»⁸¹.

Англо-французское соглашение, как видно из приведенных заявлений, вызвало глубокое недоверие в правящих кругах России. Но ни сам царь, ни министерство иностранных дел не считали возможным открыто противиться новому курсу своей союзницы, исходя из того, что открытое сопротивление только ускорит распад союза, а не укрепит его.

Бомпар так характеризовал настроения в Петербурге. В другое время нас заподозрили бы в измене союзу, т. к. Англия вызывает подозрение. «Но дружеские симпатии Франции во время войны, сама личность Делькассе лишают основания эту подозрительность»⁸².

Решение вопроса, является ли соглашение 1904 г. отходом Франции от своего союзника, зависело в значительной степени от того, как оценивалось само соглашение. Если оно рассматривалось только как регулирование спорных вопросов, какое имело место на всем протяжении раздела Африки, т. е. исключительно с его негативной стороны, его можно было считать не находящимся в противоречии с русско-французским союзом. Французское правительство подчеркивало именно эту версию. Ламсдорф старался верить ей и воспринимал факт в этой плоскости. Больше того, министерство рассчитывало, что примирение Франции с Англией может сыграть положительную роль в решении тех дипломатических проблем, которые оно считало основными для себя в начале войны.

Основной проблемой, которая занимала министерст-

⁸¹ «Русские финансы и европейская биржа», в 1904—1906 гг. М.—Л. 1926, стр. 127.

⁸² D. D. F. v. IV, № 382, 31 марта 1904 г.

во, был вопрос, как предупредить вмешательство в ход войны других стран, прежде всего Англии. Сам царь и министры боялись, что соперники России не дадут ей воспользоваться плодами победы над Японией, в которой никто тогда не сомневался. Ламсдорф и Бенкендорф считали наиболее вероятным вмешательство в момент заключения мира, после победы, боялись повторения Берлинского конгресса. Задача предупредить во что бы то ни стало вмешательство Англии в спор России и Японии побуждала министерство иностранных дел искать некоторого примирения с своим давним врагом⁸³. Ламсдорф надеялся, что французское правительство, используя свои новые связи, сумеет оказать услуги в решении указанной задачи.

Отношение к опубликованной уже конвенции Ламсдорф выразил в телеграмме в Лондон, в которой выражал удовлетворение по поводу опубликованного акта и заверял, что он не воспринимается русским правительством как акт, противоречащий русско-французскому союзу⁸⁴. Эта телеграмма произвела «наилучшие впечатления в Лондоне», по свидетельству Бенкендорфа⁸⁵.

Таким образом, война уже в самом начале имела противоречивое влияние на англо-русские отношения. С одной стороны, она сама по себе, при существующих тогда группировках стран, обостряла враждебные отношения между Петербургом и Лондоном, с другой—она создавала некоторые стимулы для примирения обеих стран, во всяком случае со стороны царского правительства.

**
*

Сложным делом является определить место англо-французского сближения в расчетах британской дипломатии по отношению к Российской империи. Чтобы ответить на поставленный в начале статьи вопрос—проектировалось ли это соглашение с расчетом сближения с франко-русским союзом или, наоборот, в Лондоне рассчитывали на разрыв русско-французского союза—при-

⁸³ АВПР, Канц. МИД, 1904, д. 85, л. 572—574.

⁸⁴ Телеграмма 15 апр. нов. стиля, Там же, л. 562—569.

⁸⁵ Там же, л. 502—516.

ходится учитывать многие явления, находящиеся в тесной взаимной связи.

Лондонский кабинет пошел навстречу французскому, как мы видели, весной 1903 г. В июле Форейн оффис активно включился в переговоры, взяв инициативу в свои руки. Самыми важными событиями в международных отношениях этого времени, с которыми английским дипломатам пришлось иметь дело, были: подписание концессии на постройку Багдадской дороги «Обществом анатолийских железных дорог» (март 1903) и начало японо-русских переговоров, закончившихся войной. Эти события знаменовали собой, с одной стороны, определенный скачок в развитии англо-германского антагонизма, с другой—стадию предельного обострения англо-русских противоречий.

Вокруг Багдадской дороги в Англии в 1901—1903 гг. шла оживленная полемика. Ленсдаун вел переговоры через банк «братья Беринг» с немецкими банкирами об участии английских финансистов в строительстве дороги и в контроле над ней. Весной 1903 года эти переговоры кончились провалом, и правительство в апреле того же года возвестил о своем полном отходе от этого предприятия, что фактически означало бойкот его. Вслед за Англией и Франция поспешила отойти от участия в указанном деле. На этой почве началось сотрудничество между обоими правительствами в Турции. Декларация английского кабинета по поводу Багдадской дороги сопровождалась резкой антигерманской кампанией в английской прессе, начавшейся еще после провала переговоров об англо-германском союзе в конце 1901 г.

Прямое совпадение даты указанной декларации и визита Эдуарда VII в Париж свидетельствует, что одной из причин, определившей поворот Форейн оффиса в англо-французских переговорах, было столкновение Англии и Германии на почве Ближнего Востока.

Ход переговоров между Лондоном и Парижем с полной очевидностью показывает, что французское правительство рассматривало проектируемое им соглашение как один из путей к монопольному обладанию Марокко и как средство защиты своих колоний против покушений Германии. Этот тезис всячески подчеркивался Делькассе и Камбоном в полной уверенности, что на этой

почве может быть найдено взаимное понимание с Англией. «В заключение разговора, — писал Ленсдаун, — Этиен выразил убеждение, что наиболее серьезная опасность миру лежит в Германии...»⁸⁶.

Английские дипломаты были несравненно сдержаннее в своих заявлениях относительно Германии. Одной из главных причин, почему Ленсдаун не соглашался сначала с проектом французов, было нежелание создавать почву для конфликта с Германией в Марокко⁸⁷. Хотя Ленсдаун не выражал своего отношения к антигерманским декларациям французов и после июля 1903 г., молчание английского министра по этому вопросу воспринималось его партнерами с полным основанием за молчаливое согласие с ними их собеседника. Действительно, если опасение осложнений с Берлином выдвигалось в Лондоне как одно из препятствий к соглашению в 1902 г., то согласие на последнее без специальных оговорок означало согласие и с аргументацией другой договаривающейся стороны. В переписке Ленсдауна с Кромером имеются, хотя и скудные, но совершенно определенные замечания, свидетельствующие, что именно Германия была страной, против которой прежде всего было направлено ссглашение.

Очень показательно в этом отношении письмо Ленсдауна Кромеру в декабре, когда кабинет занимался вопросом об уступках упрямившемуся французскому правительству. Делясь с Кромером о своем опасении подвергнуться критике в парламенте за уступчивость Франции, Ленсдаун заканчивает это письмо чрезвычайно выразительной фразой: «Но я не желаю другого багдадского фиаско»⁸⁸.

Весьма показательна оценка соглашения в рассматриваемом аспекте, данная «Таймс». Газета писала в день опубликования конвенции: «Бисмарк хотел видеть Францию слабой и изолированной. Первым ударом по этой политике Бисмарка был франко-русский союз, вто-

⁸⁶ Brit. doc., v. II, № 356, Запись беседы 2 июля.

⁸⁷ Никольсон, тогда консул в Меце, считал главным врагом в Марокко Францию, а не Германию и часто жаловался на «глухую враждебность» «Таймс» к последней. Поворот в Лондоне в сторону Франции для него был полной неожиданностью.

⁸⁸ Письмо Ленсдауна Кромеру 7 декабря 1903 г. Newton, p. 287.

рым, соглашение Франции с Италией. Третьим—соглашение 1904 года»⁸⁹.

Антигерманский смысл соглашения 1904 г. вытекал из логики вещей. По смыслу договора французские империалисты получали Марокко с согласия Англии и Испании (а по франко-итальянскому соглашению 1900 г. и Италии) без согласия Германии, которая была одним из сильных претендентов на эксплуатацию Марокко. Англия в свою очередь, с согласия Франции, утверждала свою монополию в Египте, который находился под контролем европейских стран. Соглашение о монопольном владении поделенными колониями, на которые претендуют другие страны, объективно является актом борьбы против остальных претендентов на эти колонии. Эта сторона дела ясно выступает в 9 статье декларации об Египте и Марокко. Обе стороны обязывались оказывать друг другу взаимную дипломатическую поддержку.

Таким образом, англо-французское соглашение было не просто соглашением об устранении трений между обеими державами, а дипломатическим союзом для раздела сфер влияния в Африке, частично в Азии, для защиты захваченных колониальных владений и для совместного противодействия всяким претензиям других держав, прежде всего Германии, выступившей с претензиями на передел поделенного мира. Эта логика вещей вскрывается в известной оценке договора В. И. Лениным: «Делят Африку (готовятся к войне с Германией)»⁹⁰.

Но антигерманский характер конвенции 1904 г. в то время необязательно мог быть и не был, как говорят, «прорусским». Англо-французское соглашение, послужившее после русско-японской войны основой, на которой сложилось «тройственное согласие» Англии, Франции и России, в момент его подготовки вовсе не рассматривалось британским правительством как зародыш Антанты. В этом, между прочим, обнаруживается, какое

⁸⁹ «The Times», 12 апр. 1904 г. Передовая. Антигерманскую направленность договора 1904 г. подчеркивает Кроу Э. в его известном меморандуме 1 янв. 1907 г. Brit. doc., v. V. Также Э. Грей в своих воспоминаниях «Twenty—five years 1892—1916 by viscount Grey of Fallodon», London, 1925, p. 72.

⁹⁰ В. И. Ленин, Тетради по империализму, 1939, стр. 621.

глубокое влияние оказала русско-японская война и революция 1905 г. на перегруппировку европейских стран перед первой мировой войной.

В 1903 г., когда британский кабинет пошел на соглашение с Францией, англо-русские противоречия в его расчетах играли не менее важное место, чем англо-германские. В это время шла ожесточенная борьба между Британской и Российской империями на Балканах, в Иране, Афганистане, Тибете, против которого как раз в 1903 г. английское правительство начало вооруженный поход, и, наконец, в Китае. Доминирующими во всей сумме перечисленных противоречий были противоречия, сложившиеся на почве Китая. Именно для противодействия царской России в Китае Англия заключила военный союз с Японией в 1902 году, по которому Англия обязалась выступить на ее стороне, если на стороне России будет воевать Франция. Как раз в 1903 году и началось дипломатическое развязывание войны, которая предусматривалась англо-японским договором. Известно, что царское правительство в этом году отказалось увести свои войска из Манчжурии, введенные туда в 1900 г., и даже ввело их обратно в ранее оставленные ими провинции. Этот факт использовало японское правительство, чтобы в конце концов решить спор с Россией из-за Китая и Кореи силой оружия. Свое решение начать переговоры с Петербургом о Корее и Манчжурии японское правительство сообщило английскому кабинету в том же июле 1903 г., когда в Лондоне начали обсуждаться условия соглашения с приехавшими туда французскими министрами. В таких условиях весь комплекс англо-русских противоречий, связанных с Дальним Востоком, не мог не дозвезть над лондонской дипломатией. В повседневной работе министерства иностранных дел японо-русские переговоры занимали первенствующее место.

Англо-русские противоречия, принявшие форму японо-русского, сначала дипломатического, а затем и вооруженного конфликта, выступали в то время на первый план и определяли ход переговоров с Францией. В свете этих противоречий, наряду с англо-германскими оценивались значение, перспективы и возможности англо-французского соглашения. Этим объясняется как про-

тиворечивость суждений о соглашении современников, так и противоречивость связанных с ним расчетов английских правящих кругов.

В имериалистических кругах Англии в трактовке связи англо-французских отношений с англо-русскими наблюдались две тенденции. Часть правящих кругов рассматривала сближение с соседкой за каналом как средство отрыва Франции от России. Другая, наоборот, видела в улучшении отношений с Францией путь к урегулированию споров с Россией, путь к объединению с франко-русским союзом.

Первая тенденция была господствующей на стыке XIX и XX веков. Показательны в этом отношении донесения тогдашнего русского посла в Лондоне Стааля. Так, сообщая о некотором повороте в английской прессе после фашодского кризиса, посол писал: «Англичане за торжество в Фашоде расплачиваются мелкой монетой любезности. Любезность по отношению к Франции соединяется с указанием на непрочность франко-русского союза. Это одна из любимых тем здешней прессы за последнее время»⁹¹. Но по мере обострения противоречий с Германией в английских правящих кругах все больше распространялось мнение, что желательно улучшение отношений не только с Францией, но и с Россией.

Господствующие умонастроения в правительственных кругах Англии в середине 1903 г., когда Форейн оффис перешел от платонических разговоров к практическому обсуждению программы соглашения, четко охарактеризовал граф Бенкендорф. «Я не берусь, конечно, судить, — писал он, — насколько дружественное настроение к Англии серьезно во французских правящих кругах, но смело могу утверждать, что сближение с Францией чрезвычайно популярно в Англии и, по-моему, отвечает задачам великобританских политических деятелей всех оттенков. Так враги России усматривают в этом сближении ослабление франко-русского союза и даже возможность бездействия Франции в случае наступления кризиса в наших отношениях с Англией. Сторонники же соглашения с нами не без основания предполагают,

⁹¹ АВПР, Канц. МИД 1899. д. 68, донесение 7 июня. То же, лл. 152.

что установление дружественных отношений с Францией составляет шаг к достижению намеченной ими цели»⁹².

На протяжении двух лет (1903—1905), когда центральное место в международной жизни занимали события, происходившие в России, временами получала преобладание то одна, то другая тенденции, пока, наконец, окончательно не возоблдала последняя.

Биограф короля Эдуарда VII Сидней Ли утверждает: «В конце 1903 г. было признано по обе стороны канала, что проектируемая англо-французская конвенция, чтобы быть полностью эффективной, должна повлечь за собой взаимопонимание России и Англии»⁹³. Мотивы, которыми руководились сторонники сближения с Россией, были разные. Одни исходили из растущих противоречий Англии с Германией, другие — из дальневосточного узла противоречий. «Убеденным поборником англо-французского и англо-русского сближения выступал король Эдуард VII. К уверенности, что этого сближения требуют интересы Англии, у Эдуарда присоединилась личная неприязнь к Вильгельму II. Эдуард VII давно усматривал в Германии главного врага Англии»⁹⁴. Король, по утверждению С. Ли, определенно рассматривал англо-французское соглашение как шаг к сближению с франко-русским союзом. В том же духе высказывалась весьма близкая к верхушке либеральной партии «Вестминистерская газета»⁹⁵.

Лорд Кромер, один из вдохновителей «сердечной антанты», разделял взгляды короля. Так, он писал о беседе с французским консулом в Каире: «Французский агент сказал: Делькассе надеется, что мы предварительной войдем в соглашение с Россией, и, таким образом изолируем Германию». Кромер не только выразил согласие с своим собеседником, но и написал об этом министру. «Это одно из преимуществ всей схемы»,—объяснял он

⁹² АВПР, Канц. МИД 1903, д. 68, л. 198—199, 29 июля.

⁹³ S. Lee Edward VII, II, p. 181.

⁹⁴ История дипломатии, том второй. Дипломатия в новое время. (1872—1919). Под редакцией академика В. П. Потемкина. М.-Л., стр. 161.

⁹⁵ Приложение к дон. посольства АВРП, Канц. МИД 1903, 68. л. 263—266.

свое отношение к проектам французских дипломатов⁹⁶.

В расчетах английского министерства иностранных дел важное место занимали соображения о влиянии сближения с Францией на взаимоотношения с Россией в связи с началом японо-русских переговоров. В это время (июль 1903) начинается переписка между дипломатами трех стран: Англии, Франции и России, которая привела к прямым переговорам между Ленсдауном и Бенкендорфом в октябре-ноябре о программе соглашения.

В задачу данной работы не входит подробное изложение англо-русских переговоров 1903 г.⁹⁷. Отметим лишь, что главным импульсом к ним со стороны английского правительства было опасение, как бы спор между Японией и Россией не кончился взаимным соглашением о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. При таком исходе дела из рук лондонского кабинета выпадало орудие давления на Россию на Дальнем Востоке, исчезала держава, которая сама стремилась дать бой России на почве «китайского узла» империалистических противоречий.

Параллельно развивающиеся англо-русские и японо-русские переговоры в 1903 г. обнаруживают определенную закономерность: как только открылась перспектива мирного исхода русско-японских переговоров, в Лондоне проявлялись склонность завязать переговоры с Петербургом через Париж; исчезала такая перспектива, возникала уверенность в военном исходе японо-русского конфликта, проявлялась «несговорчивость» Форейн оффис с Россией.

Склонность использовать Францию для урегулирования споров с Петербургом проявилась в июле 1903 г., когда японцы только еще заявили о своем намерении поставить манчжурский вопрос и было неизвестно, во что выльется конкретно это намерение. В конце октября, когда в Лондоне узнали, что в Токио отступились от требования, чтобы царское правительство признало «договорные права» в Манчжурии, завязались переговоры между Ленсдауном и Бенкендорфом.

⁹⁶ Newton, Lansdown, p. 286.

⁹⁷ См. о них Историю дипломатии, т. II, стр. 157—158, Brit. doc. v IV.

В условиях, когда перспектива разворота русско-японского конфликта еще не определилась, соглашение с Францией рассматривалось в Лондоне как своеобразная страховка на случай мирного исхода переговоров между Токио и Петербургом. Оно обеспечивало возможность торговаться с царским правительством о разделе сфер влияния в Китае в случае японо-русского сговора. В случае, если бы Англии не удалось договориться с русским правительством, соглашение с Францией ослабило бы русско-франко-японскую группировку, которая могла бы сложиться.

В декабре 1903 года, когда лондонский кабинет напряженно взвешивал возможные шансы победы России и Японии в войне, соглашение с Францией связывалось с вопросом об ее позиции в войне. Анализ колебаний и раздумий руководителей Англии в тот момент опровергает тезис, выдвинутый тогда германскими историками и поддерживаемый некоторыми современными историками, что одним из главных мотивов соглашения английского правительства с французским было стремление локализовать русско-японскую войну⁹⁸. Накануне войны англичане были твердо уверены, что англо-японский союз служит гарантией против вступления в войну Франции на стороне России, ибо это повлекло бы за собой войну между Францией и Англией. Ленсдаун, по сообщению японского посла в Лондоне, был уверен, что Франция никогда не окажет действительной поддержки России в случае ее войны с Японией⁹⁹. Основной вопрос, какой занимал английский кабинет в этой плоскости, сводился не к тому, придется ли воевать англичанам в силу условий договора, т. е. в случае присоединения Франции к России, а к тому, не придется ли Англии воевать для предупреждения разгрома Японии в войне с одной Россией и как при этом поступит Франция? Именно такой подход к вопросу отмечал Камбон в последние дни перед войной. «В Лондоне, — писал он, — не знают природы и существа обязательств Франции по отноше-

⁹⁸ В советской л-ре этот тезис нашел свое отражение в Истории дипломатии, т. II, стр. 161.

⁹⁹ Н. Eckardstein, Fsolierung Deutschlands, Leipzig. 1921, В. III, р. 188.

нию к своему союзнику и спрашивают себя: обязаны ли будут французы присоединиться к России в случае вмешательства армии Великобритании?» Камбон рекомендовал не рассеивать «благодетельной неизвестности»¹⁰⁰.

В последние месяцы русско-японского дипломатического конфликта в английских правящих кругах было широко распространено убеждение, что победительницей из войны выйдет Россия¹⁰¹. Именно такую перспективу, прежде всего, учитывал и такого исхода войны боялся британский кабинет¹⁰².

Вопрос об исходе войны имел первенствующее практическое значение для британских дипломатов. В зависимости от оценки возможного исхода войны решался вопрос о поведении английского правительства в момент ее развязывания. Этот вопрос дебатировался в течение всего декабря 1903 г. Ленсдаун полагал, что англичанам придется спасти японцев. Он доказывал, что Япония слабее России и не может противостоять ей. Министр далек был от мысли воевать на стороне Японии. Исходя из указанного выше прогноза, Ленсдаун считал необходимым попытаться так или иначе предотвратить войну. Он предлагал, в частности, выступить в качестве посредника. Сначала кабинет склонялся к точке зрения министра иностранных дел. На заседании кабинета, на котором Ленсдаун отстаивал идею посредничества, «лорд Ленсдаун был уполномочен переговорить неофи-

¹⁰⁰ D. D. F. v. IV, № 246. Так же ставил вопрос Бенкендорф. АВПР, Канц. МИД 1903, 68.

¹⁰¹ Newton. L. Lansdovne p. 308. Насколько страшились победы русской армии, показывают в некоторой степени письма Спринг-Райса, управлявшего посольством в Петербурге. Он доказывал, что в случае разгрома Японии Россия практически овладеет всем Китаем. Никто не может помешать этому, ибо Америка далеко, а Англия не имеет надлежащей военной силы. Нельзя послать 200 000 англичан воевать «за целостность Китая». Русские могут с помощью Азии завоевать всю Европу. Райс пугал своих адресатов перспективой разрушения Британской империи. «Если война окончится полной победой России... революционизируется все соотношение сил. Английская империя как искусственное создание может быть легко уничтожена хорошо направленным ударом». The Letters and friendships of sir Cecil Spring Rice, a record, edited by Stephen Gwinn, Boston—New York, 1929, Ch. I, p. 407, 422.

¹⁰² Brit. doc. v. IV, p. 211, 228. D.D.F. v. IV, N 121.

циально с Камбоном и подчеркнуть, что война между Россией и Японией может втянуть и нас»¹⁰³.

Ленсдаун немедленно выполнил поручение, используя слух о заходе 4 русских военных судов в Чемульпо. Он заявил Камбону, что Англия пойдет на войну в случае поражения Японии. «Наш договор с Японией не обязывает нас вмешиваться, если Япония воюет только с одной державой, — заявил министр. Но я боюсь общественного мнения... Если бы конфликт разразился и если бы Япония проиграла, я не знаю, куда бы нас это завело»¹⁰⁴. Это был своеобразный ультиматум обоим союзникам — России и Франции. России грозили, что она будет иметь дело не только с Японией, но и с Англией. Франции грозили, что она тоже может оказаться втянутой в войну на Дальнем Востоке. На деле английское правительство отнюдь не хотело втягиваться в войну¹⁰⁵. Своим заявлением Ленсдаун хотел, очевидно, побудить французских дипломатов к энергичному нажиму на своего союзника. Он просил Делькассе воздействовать на Петербург, обещая с своей стороны действовать в Токио. В те же дни Ленсдаун, единственный раз за все время дипломатического развязывания войны, посоветовал японскому правительству пойти на некоторые уступки. Это было время, очень короткое, когда для английского кабинета приобретал практическое значение вопрос о позиции Франции в русско-японской войне. И это было время, когда французское правительство в свою

¹⁰³ Dugdale B., Arthur James Balfour, N—Y., 1936, p. 280—281. Письмо Бальфура королю 11 декабря.

¹⁰⁴ Brit. doc., v. II, № 259, D.D.F. v. IV, № 121. Донесение Камбона 11 декабря. Также Б. А. Романов, Очерки, стр. 267.

¹⁰⁵ Если вся английская буржуазная пресса занималась подстрекательством Японии к войне против России, то также единодушно она выступала против втягивания в войну самой Англии. «Англия находится сейчас в полной реакции против джингоизма чемберленовской эпохи», — писал сотрудник германского посольства в Лондоне (Gros. Pol. B. XX, № 6376). Камбон много писал об опасениях английских банкиров, что в случае войны начнется бегство иностранных капиталов из Англии. «Такая перспектива рассматривается Сити с истинным страхом» (D.D.F. v. IV, № 246). Также Романов, Очерки... Спринг-Райс боялся, что в случае войны Англии против России «Германия окажется в состоянии получить» «от нее» любые условия, какие только пожелает» (Gwinn, v. I, p. 392, 296). Французский историк Пинон писал, что Англия

очередь практически почувствовало себя сидящим между двумя стульями. Этим и объясняется тот временный тупик, в который зашли англо-французские переговоры в декабре 1903 г.

Но в конце декабря лондонский кабинет пришел к заключению, что Англии не придется выступать на стороне Японии для ее спасения от полного разгрома, и опасения неизбежного столкновения с Францией, хотя бы дипломатического, потеряли свою актуальность. Ленсдаун из бесед с японским послом уяснил себе, что Япония уверена в победе с одной Россией и рассчитывает только на дружественный нейтралитет Англии¹⁰⁶. Ленсдаун, как и Бальфур, по-прежнему исключал победу Японии. Считалось, что она не только не может вторгнуться на территорию России, но не сможет занять и Корею. Но теперь, в конце декабря Бальфур приобрел уверенность, что и русская армия не сможет разгромить японскую и что поражение Японии ограничится тем, что Корея будет занята русскими войсками. Такой исход войны вполне устраивал лондонский кабинет. «Для нас,—писал Бальфур кабинету,—не могло бы быть ничего лучшего, если бы Россия втянулась в длительную и бесполезную авантюру в Корее, в результате которой она в лучшем случае овладела бы бесполезной провинцией, которая стоила бы больше, чем давала, и которая могла бы быть удержана только тем, что Россия держала бы флот на Дальнем Востоке и большую армию за тысячу миль от собственной базы. Это было бы гарантией, что она не пойдет войной против какой-либо другой державы»¹⁰⁷. Показательно, что ослабление России считалось желательным и потому, что она является союзницей Франции¹⁰⁸.

Размышления Бальфура показывают, что он лично не думал накануне русско-японской войны о присоединении

боялась как победы России, так и победы Японии. Если Россия победит, она станет хозяйкой на Дальнем Востоке. Если Япония победит, Россия двинется в Персию и на Балканы. «Англия заняла нейтралитет и стала ждать нового Сан-Стефана». R. Pinon, *Origines et resultats de la guerre Russo-Japonaise*, Paris, 1906, p. 216.

¹⁰⁶ Б. А. Романов, *Очерки*, стр. 262.

¹⁰⁷ B. Dugdale, цит. выше, стр. 288.

¹⁰⁸ Там же.

Англии к русско-французскому союзу. Последний рассматривался им в свете того соотношения сил, которое сложилось к концу XIX века.

Вопрос о месте англо-французского соглашения во взаимоотношениях с Россией снова встал в момент опубликования конвенции (12 апреля 1904 г.). Практическое значение он получил в связи с тем, что в этот момент английский парламент решал вопрос о походе против Тибета. Оба предмета обсуждения (англо-французская конвенция и тибетский вопрос) были непосредственно связаны с англо-русскими отношениями не только в разрезе текущего дня, но и в их перспективе.

Вооруженная интервенция против Тибета была принята в ноябре 1903 г., когда выяснилось серьезное желание японского правительства воевать с Россией. В апреле 1904 года англо-индусские войска овладели пограничными укреплениями Тибета, но не сломили сопротивления последнего. Русское и китайское правительства протестовали против этого акта Англии. Парламент должен был решить: продолжать ли поход на столицу Тибета вопреки этим протестам или решить вопрос путем переговоров с Россией.

Та часть прессы, которая была склонна трактовать англо-французское соглашение как зародыш «тройственного согласия», высказывалась за соглашение с русским правительством и по тибетскому вопросу. Бенкендорф «с удовольствием» сообщал о «некотором переломе» в тоне английской прессы весной 1904 г.¹⁰⁹ В частности, посол много писал о примирительных настроениях некоторых банкирских кругов. Весьма показателен следующий факт, сообщаемый Бенкендорфом. Лорд Ревельсток, глава банкирского дома «Братья Беринги», посетил в начале марта российское посольство, чтобы заявить, что Сити беспокоит враждебный тон прессы обеих стран, в частности тон «Таймс». В ходе беседы Ревельсток заявил, что «после консультации с Ленсдауном он решил воздействовать на «Таймс» средствами, которыми располагает глава банка и которые могут быть более эффективными, чем вмешательство правительства»¹¹⁰.

¹⁰⁹ АВПР. Канц. МИД, 1904, д. 85, л. 102—104. 6 апреля.

¹¹⁰ АВПР, Канц. МИД, 1904, д. 85, л. 451—458.

Этот редкий по своей методологической значимости документ объясняет, по-видимому, отчасти поведение «Таймс» в апреле 1904 года. Так, газета солидаризировалась в оценке англо-французского договора с заявлением русского посла в Париже, что соглашение не меняет направления внешней политики Франции, не затрагивает франко-русского союза. «Нет великой Франции без союза с Россией», — заявлял «Таймс»¹¹¹. Газета «Финасовые новости» развивала мысль о необходимости соглашения с Россией по всем спорным вопросам, в том числе и о Тибете. «Англо-французское соглашение, — говорилось в статье, — содержит зерно возможного соглашения с Россией»¹¹². Примирительный характер многих статей и стремление «прийти к некоторому соглашению с Россией» отмечал финансовый агент в Лондоне Рафалович¹¹³. В палате лордов, по сообщению посольства, все ораторы выступали за более или менее прямое соглашение с Россией¹¹⁴. Определенным показателем настроений в Лондоне весной 1904 г. (апрель—май) было известное в нашей литературе заявление английского короля в беседе с А. П. Извольским, русским послом в Копенгагене. «Заключение англо-французского договора дает мне надежду, — говорил король, — достичь теми же методами, но больших результатов — заключения подобного же соглашения с Россией, соглашения, которое всегда было и продолжает оставаться объектом моих искренних желаний»¹¹⁵.

Министерство иностранных дел Англии в эти весенние дни также проявило некоторую склонность к примирению с Россией, в частности выразило готовность дать обязательство не оккупировать Тибет в обмен на обязательство царского правительства признать новое положение в Египте. Граф Ламсдорф, чтобы предупредить

¹¹¹ «The Times» 12 апреля 1904 г.

¹¹² «The Finansists News» 18 апр. 1904 г. АВПР, Канц. МИД. 1904, 85, л. 516.

¹¹³ Русские финансы..., стр. 99.

¹¹⁴ АВПР, Канц. МИД. 1904, д. 85, л. 517—578. 20 апр.

¹¹⁵ АВПР, Канц. МИД. 1904, л. 614—619. Выступление короля вызвало оживленную дипломатическую переписку, являющуюся важным штрихом для характеристики взаимоотношений правительств Англии и России в то время. АВПР, Канц. МИД, 1904, л. 85, лл. 531—534, 586—88, 500.

дипломатическое вмешательство Англии в ход войны с целью лишить Россию плодов ожидаемой победы, также пытался использовать сближение своей союзницы Франции с Англией для налаживания отношений с этой последней. 31 марта 1904 г. он писал послу в Париже: «Если действительно, помянутое соглашение не выйдет за пределы той программы, которую в кратких чертах обрисовал вам г. Делькассе, то императорское правительство не только не усматривало бы в этом какого-либо нарушения франко-русского союза, но, напротив, отнеслось бы с полным сочувствием к установлению доверчивых отношений между обоими государствами, что в свою очередь могло бы в известных условиях содействовать к сближению Англии и России. Исходя из этого соображения и принимая, с другой стороны, во внимание не раз высказанное членами лондонского правительства желание притти к соглашению с Россией по интересующим обе державы вопросам, — мы полагаем, что г. Делькассе мог бы, действительно, в этом отношении оказать при удобном случае весьма ценное посредствующее содействие. Нам кажется, что происходящий ныне между парижским и сент-джемским кабинетом обмен взглядов является вполне подходящим предлогом для выяснения, в какой степени и на какой, именно, почве Англия готова была бы подвергнуть обсуждению те общие начала, которые смогли бы лечь в основу нашего с нею соглашения»¹¹⁶.

В результате переговоров Ленсдауна с Бенкендорфом при прямом посредствующем участии П. Камбона был согласован проект обмена обязательствами. Царское правительство должно было согласиться с декретом египетского хедива о переходе управления финансами страны от кассы египетского долга к англо-египетскому правительству. Английское правительство взамен обязывалось: «не вмешиваться во внутренние дела Тибета, не оккупировать и не аннексировать никакой части и ни в какой форме тибетской территории»¹¹⁷.

Но в тот день, когда Бенкендорф был уполномочен

¹¹⁶ Письмо Ламсдорфа Нелидову 18/31 марта 1901 г. Приведено в журнале «Новый Восток», кн. 18, стр. 113—114.

¹¹⁷ АВПР, Канц. МИД, 1904, 85, л. 634.

подписать документ (13/27 мая), британский кабинет отказался от столь долго подготовляемого акта¹¹⁸. Парламент санкционировал поход на Лхасу. Это был прямой удар, нанесенный дипломатии России и Франции, в первую очередь лично Ламсдорфу и Делькассе¹¹⁹.

Неожиданный для Парижа и Петербурга поворот Форейн оффис в вопросе о Тибете объясняется ходом военных событий. На апрель—май падают сражения, в которых японская армия одержала первые победы на суше, чего никак не ожидали многие военные специалисты. 18 апреля произошла первая сухопутная битва на реке Ялу, при Тюренчене, в результате которой был открыт путь японской армии в Манчжурию. 28 мая закончился второй сухопутный бой на подступах к Порт-Артуру с суши, за Чинжоуский перешеек. В результате этого боя крепость была изолирована. Прямое совпадение дат этого боя (28 мая) и отказа британского кабинета от согласованного проекта обмена обязательствами с царским правительством (27 мая) являются одним из проявлений непосредственного влияния хода русско-японской войны на дипломатические перепитии в англо-русских отношениях¹²⁰.

Поскольку английское правительство в начале войны потеряло временно заинтересованность в примирении с Россией, англо-французское соглашение, взятое в аспекте англо-русских отношений, выступило объективно и рассматривалось кабинетом Бальфура весной 1904 года как средство ослабления франко-русского союза.

Прямая ставка на разложение указанной группировки, как и тройственного германского блока, особенно вылилось проявилась в так называемом «македонском» вопросе, который занимал дипломатию всех европейских стран в 1903—1905 гг. в связи с национально-освободи-

¹¹⁸ Там же, л. 629—633. 27 мая.

¹¹⁹ Ламсдорф, по его собственным словам, даже не решился показать царю письмо Бенкендорфа, в котором он советовал не отказываться от примирительной тактики. АВПр, Канц. МИД, 1904, 76, Телеграмма 27 мая.

¹²⁰ Весьма показательна реакция на эти события со стороны лондонской биржи. Гибель «Петропавловска» 13 апреля и сражение на Ялу вызвали панику на бирже. Курс 4% русских бумаг упал с 101 до 87 пунктов.

тельной борьбой македонского народа против турецкого ига. До русско-японской войны было общепризнанным, что ведущая роль в балканских делах принадлежит Австрии и России. В ходе войны Ленсдаун дважды пытался изменить это положение в пользу Англии—первый раз в самом начале войны, второй — после падения Порт-Артура¹²¹. Ленсдаун доказывал Камбону, что Англия и Франция, а не Россия и Австрия являются «наиболее заинтересованными странами» в делах Балкан¹²². Некоторые члены парламента требовали «положить конец господству на Балканах России и Австрии»¹²³.

Тот факт, что Ленсдаун адресовался с своими проектами решения македонского вопроса к австрийскому, болгарскому, итальянскому и французскому правительствам, свидетельствует о стремлении английской дипломатии сколотить блок из этих стран, чтобы вырвать флаг защитника славян из рук России и вместе с тем противопоставить этот блок на Балканах Германии. Конец войны ознаменовался отказом лондонского кабинета от этой идеи и провозглашением курса на сотрудничество с Россией на этом участке дипломатической борьбы, сотрудничества, направленного непосредственно против Германии.

Поворот от ставки на развал существовавших к 1905 г. европейских группировок, в частности франко-русского союза, к ставке на сотрудничество с последним особенно рельефно выявился в ходе первого мароккского кризиса, разыгрывавшегося после сражения под Мукденом.

Марссккий кризис обнаружил брешь в прежнем балансе сил, показал, что германский империализм намерен использовать новое положение, созданное войной 1904 г. и русской революцией. Весьма выразительным являются следующие размышления «Вестминстерской газеты». С 1875 года, писала газета, когда Александр III помешал Бисмарку начать новую войну с Францией, Россия рассматривала себя как хранительницу равновесия в

¹²¹ АВПР, Канц. МИД, 190, 86, л. 66 Br. doc. v. V. №№ 22, 24, 25, D. D. F. v. IV. № 308.

¹²² АВПР, Канц. МИД, 1904, 74, л. 131—138.

¹²³ «The Times» 29 марта 1905 г. Парламентские прения, речь лорда Ньютона.

Европе. Последние события показали, что «Германия имеет первенство в Европе и намерена использовать это преимущество для практических целей. Мы узнали, что ослабление России означает усиление Германии, и ничем нельзя этому помешать»¹²⁴.

Поражение России резко повысило удельный вес Германии в системе империалистических стран, делало ее первенствующей военной державой. Благодаря этому новое значение получили существовавшие уже англо-германские противоречия.

Бенкендорф писал в разгар мароккского кризиса: «Антинемецкие настроения растут с каждым днем и в известном смысле более национальны, чем антирусские»¹²⁵. Немецкое посольство сообщало в эти же дни: «Уже сейчас бритты жалуются, что вследствие краха России Германия на Западе стала всемогущей»¹²⁶. Сообщая о толках по поводу Бьоркского свидания, Бенкендорф написал знаменательные слова: «Дело происходит как раз тогда, когда проявилось англо-германское соперничество более интенсивное и более глубокое, чем англо-русское за все предшествующее время»¹²⁷. Одним из элементов англо-германских противоречий была борьба за союзников, которая приобрела доминирующее значение в годы русско-японской войны и первой русской революции. Английские правящие круги увидели в действиях германского правительства весной и летом 1905 г. не только протензию на долю в разделе Марокко, а, прежде всего, намерение разрушить англо-французскую антанту и повести за собой франко-русскую группировку¹²⁸. Это впечатление особенно усилилось под влиянием известной встречи монархов России и Германии в Бьорке.

Перед английским правительством стала повелительная задача крепить англо-французский блок. Ленсдаун следующим образом мотивировал эту задачу. «Со времени 1875 года,—говорил он Спринг-Райсу,—Германия дважды хотела развязать войну против Франции.

¹²⁴ «The Westminster Gazette» 1 июля 1905 г.

¹²⁵ АВПР, Канц. МИД, 1905, 74, л. 410.

¹²⁶ Grosse Politik B. XX, 1 № 8849.

¹²⁷ АВПР, Канц. МИД, 1905.

¹²⁸ Там же, л. 449, 513—14. Так же.

Оба раза суверены России и Англии предотвратили ее. Сейчас нет русской армии, чтобы помешать нападению на Францию. Германия использовала это в Марокко. Англия не может допустить превращения Франции в германскую провинцию. Она должна защищать ее для собственной безопасности»¹²⁹. Укрепление блока с Францией и защита Франции властно диктовали Англии необходимость примирения с Россией и привлечения ее на свою сторону. В связи с этим изменилось объективное значение англо-французского соглашения в англо-русских отношениях. Сотрудничество с Францией, рассматриваемое кабинетом Бальфура как средство ослабления франко-русского союза, превратилось в ходе мароккского кризиса в орудие сближения Англии с Россией. А русско-французский союз стал рассматриваться и объективно превратился в средство втягивания царской России в фарватер английской политики, в звено будущей Антанты.

¹²⁹ Запись беседы Спринг-Райса с Ленсдауном 10 июля 1905 г. Spring-Rice, *The Letters*, ch. I, p. 474—476.

Доцент А. М. ШАПИРО

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

В буржуазной и фабианско-лейбористской историографии материальное положение английского рабочего класса, в особенности в 60-е гг. XIX века, в период «царства свободной торговли», приукрашивается и изображается как процветающее.

При этом положение верхушки рабочего класса рассматривается как положение всего пролетариата. «Чтобы прикрасить положение английского рабочего класса,—писал В. И. Ленин,—обыкновенно говорят только об этом верхнем слое, составляющем *меньшинство* пролетариата...»¹ (подчеркнуто В. И. Лениным). Затушевывается то обстоятельство, что улучшение положения верхушки пролетариата происходило на фоне обнищания английского рабочего класса в целом.

Эти процессы были тесно связаны с особенностями развития английского капитализма.

В 60-х годах 19 века Англия переживала экономический подъем. Это была эпоха экономического прогресса, бурного развития промышленности и неуклонного расширения ввоза и вывоза. Как писал Маркс в 1864 г., «...По развитию промышленности и по росту торговли этот период (1848—1864 гг.—А. Ш.) не имеет себе равных»².

¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 269, изд. 4. См. также стр. 270—271.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, ч. 1, стр. 5.

60-е годы XIX века для английской буржуазии были годами *Extension mania* (мания расширения), в это время в стране росли коммерческие, банковские, финансовые предприятия и, особенно, акционерные компании для постройки доков, кораблей, железных дорог.

Англия в этот период была единственной страной, где уже полностью была завершена промышленная революция. Она снабжала дешевыми товарами мировой рынок, в частности, снабжала машинами те страны, где промышленная революция либо только начиналась, либо была в самом разгаре. Англия становится «мастерской мира».

Среди факторов, содействовавших расширению базы капитализма после кризиса 1847—1848 гг., огромную роль сыграло открытие золотоносных земель в Калифорнии и Австралии. И это, конечно, в первую очередь отразилось на экономическом развитии тогдашней метрополии капитализма, на Англии. «Калифорния и Австралия — это такие два случая, — писал Энгельс Марксу, — которые не предусмотрены в Манифесте: создание новых больших рынков из ничего. Это придется учесть»³.

Далее, большое значение в развитии английской экономики имела так называемая фритредерская политика: отмена хлебных законов в 1846 году, отмена вывозных пошлин и снижение ввозных пошлин в 1848 году, отмена пошлин на все виды сырья и полуфабрикатов в 1853 году и, наконец, заключение выгодных для Англии торговых договоров с другими странами.

Таковыми были договора: 1860 года с Францией, 1863 года с Италией, 1864 года с Австрией и Швейцарией и 1865 года с Германским таможенным союзом.

Серьезным фактором в развитии английской экономики этого периода являлось строительство железных дорог, океанских пароходов и вообще средств сообщения, вызвавшее небывалый рост машиностроительной промышленности в Англии.

«На расширение железнодорожной сети было затрачено в Соединенном Королевстве в течение 1862—1866 годов 98 миллионов ф. ст., а длина железных дорог была

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 395

увеличена за то же время более чем на 2000 миль»⁴. К тому же английские капиталисты участвовали и своими капиталами и своей продукцией в постройке железных дорог в США, в Индии, в Пруссии, в Швейцарии. Все это не могло не отразиться на экономическом подъеме Англии.

И, наконец, следует отметить открытие новых рынков для английского капитализма, в особенности внеевропейских рынков, дальнейшее проникновение англичан в Индию, в Австралию и другие районы.

За 1861 г. лишь 23—24% английского вывоза приходилось на Европу, весь остальной вывоз направлялся на внеевропейские рынки⁵. При этом английский экспорт неуклонно возрастал. В 1862 г. он оценивался в 123.992.264 ф. ст., в 1863 г. — 146.602.342 ф. ст., в 1864 году — 160.436.302 ф. ст.⁶.

Газета «International Courier» иллюстрировала экономический подъем Англии после 1848 г. следующими цифрами: «В 1844 г. импорт и экспорт составляли 134 миллиона. В 1865 году — 489 миллионов. В 1844 году общая сумма вкладов в Соединенном Королевстве составляла около 70 миллионов, а в 1866 г. свыше 350 миллионов»⁷ (ф. ст. — А. Ш.).

Кто же был хозяином этого выросшего богатства, кто пользовался материальными благами выросшего могущества Англии?

Маркс в Учредительном Манифесте цитирует по этому поводу слова лидера либералов Гладстона, который вынужден был признать, что «этот опьяняющий рост богатства и могущества... ограничивается исключительно имущими классами!»⁸.

В первом обращении, выпущенном в 1869 году Лигой Земли и Труда, организованной Первым Интернационалом, говорилось:

⁴ Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы» «История английских кризисов», стр. 124—125, изд. 3-е, СПб, 1914.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 61.

⁶ Газета «Beehive» от 25/II—1865 г., № 176, стр. 7.

⁷ Газета «International Courier» от 17/IX—1867 г. стр. 3.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, ч. 1, стр. 7.

«В течение последних 20 лет стоимость ежегодного экспорта (британской и ирландской продукции) выросла с 60 млн. ф. ст. до 188.900.000 фунтов ст.

В течение 20 лет доходы (подлежащие обложению) английских лордов—земельных собственников выросли, по их собственному признанию, от 98 миллионов до 140 миллионов фунт. ст. в год; доходы хозяев предприятий—от 60 миллионов до 110 миллионов ф. ст. в год.

Количество приближенных короны выросло с 319 до 959 человек. Их ежегодный доход вырос (у каждого) с 17 тысяч 700 ф. ст. до 19 тысяч 300 ф. ст. в год.

В 1864 г. ежегодный, подлежащий обложению доход вырос на 9 миллионов 200 тысяч ф. ст.

Из этого прироста метрополия, где находилось менее 8-й части всего населения, всосала 4 миллиона 266 тысяч ф. ст. — почти половину.

3 миллиона 123 тысячи ф. ст. — из этого количества, более трети всего прироста для всей Великобритании, было поглощено лондонскими фаворитами, 179-й частью британского населения. А рабочее население получило всего 175 тысяч ф. ст.»⁹.

Обращение Лиги земли и труда дает яркую картину распределения национального дохода в Англии.

Таким образом, 60-е годы XIX века характерны быстрым обогащением английской буржуазии.

Разразившийся в этот период хлопковый кризис (1862—63 гг.), вызванный гражданской войной в Америке, содействовал еще большему обогащению английских буржуа.

Маркс, пристально следивший за ходом хлопкового кризиса, писал Энгельсу: «Теперь доказано... что в начале гражданской войны англичане имели *запасы буквально на три года...*»¹⁰.

Фабриканты Ланкашира, имевшие огромные запасы хлопка, нажили в результате спекуляции хлопком и по-

⁹ «Land and Labour League. Address to the working men and Women of great Britain and Ireland 1869».

Такие же цифры распределения национального дохода в Англии приводит известный русский экономист Зибер. См. Зибер. Собр. соч., т. 2 «Право и политическая экономия». Статья «Возражения на экономическое учение Милля», стр. 449. СПб, 1900 г.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 141.

нижения заработной платы ланкаширских текстильщиков 35 млн. ф. ст.¹¹

Таким образом, тузы хлопковой промышленности наживались даже в период ланкаширского кризиса, происходившего на фоне общего экономического подъема 60-х годов XIX столетия.

Расцвет английской экономики, огромные доходы промышленников, сверхприбыль, получаемая капиталистами, послужили источником образования в Англии рабочей аристократии. «...Только меньшинству рабочего класса, — писал Маркс, — удалось несколько повысить свою реальную заработную плату...»¹²

Некоторое улучшение материального положения касалось только верхушки рабочего класса, «обученных» рабочих, рабочих только тех отраслей промышленности, где была необходима большая мужская сила, ловкость, опыт и сноровка.

Надо учесть и то обстоятельство, что, пользуясь в то время известными демократическими свободами, английская рабочая аристократия, организуясь в тред-юнионы, могла оказывать сопротивление постоянным поползновениям капитала к общему понижению жизненного уровня рабочего класса.

Из обученных рабочих надо в первую очередь выделить слесарей-механиков, положение которых было наиболее благоприятным в силу расцвета машиностроительной промышленности.

Механики были объединены в известном «Амальгамированном Союзе механиков», куда входили наиболее квалифицированные группы рабочих. Этот мощный союз оказывал сильное сопротивление капиталистам. К механикам надо отнести и другие группы рабочих металлистов, поскольку они должны были обладать большой физической силой и опытом.

Анализируя положение английских рабочих, Энгельс писал: «Одним словом, мы едва ли насчитаем всего навсего один миллион рабочих, относительно кото-

¹¹ См. Туган-Барановский. «Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов», стр. 410, изд. 3-е, СПб, 1914.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, ч. 1, стр. 9.

рых мы можем сказать, что их положение улучшилось в связи с ростом промышленности и прибылей капиталистов»¹³. Таким образом, только верхушка рабочих находилась на сравнительно высоком уровне жизни.

Это благополучие совершенно не коснулось женского, детского труда, рабочих домашней промышленности. Указанные группы рабочих, а их было большинство, находились в весьма тяжелом положении.

В вышеупомянутом обращении Лиги земли и труда так охарактеризовано положение рабочего класса Англии на фоне общего экономического подъема в стране. «Никогда в истории человечества так много не производилось, как со времени отмены хлебных законов. В течение 10 лет с конца 1861 года количество рабочих, занятых в хлопковой промышленности, выросло на 12%, а их продукция увеличилась на 103%. Вместе с тем в обращении подчеркивается: «Смерть от голода стала обыденным явлением. Все партии признают, что страдания рабочих выросли»¹⁴.

Рабочая газета «Beehive» в ряде хроникальных заметок отмечала частые случаи смерти от голода. Приведу некоторые из них: «Норман, 63-х лет, не имела возможности работать и умерла от голода. А в Работный дом отказалась пойти», «Смерть от голода Мэри Коллинс, сапожницы-надомницы. Врач освидетельствовал ее — нет ни кусочка жира во всем теле». «Смерть от истощения. Джемс Брадок, 52 лет, был найден на улице в изнеможении и во второй стадии тифа. Полиция направила его в Работный дом, где он и умер»¹⁵.

Ограничусь приведенными фактами. Они являются типичными. Жилищные условия большинства английских рабочих были плохими. Их жилища являлись очагами болезней. «Холера очень серьезно засвидетельствовала нам (я подразумеваю: лондонцам) свое почтение,—писал Маркс 27 июля 1866 г. Энгельсу; отчет д-ра Хентера о «Housing of Poor» ...может послужить мадам

¹³ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 303.

¹⁴ Land and Labour League. Address to the working Men and Women of great Britain and Ireland.

¹⁵ Газета «Beehive» № 125 от 5/III—64 г., стр. 3, № 175 от 18/II—65 г., № 130 от 9/IV—64 г., стр. 2.

Холере путеводителем, который укажет ей, куда ей являться со своими визитами»¹⁶.

Официальные английские правительственные отчеты о народном здравии говорили о распространении тифа, холеры и других болезней в рабочих кварталах.

«Мы можем сделать, — писал Энгельс, — приблизительный подсчет тех рабочих, которым в 1863 году, без сомнения, очень плохо жилось: сельских рабочих средним числом 1.100.000, рабочих хлопчатобумажной промышленности 496.000, швей и модисток—751.000, портных и сапожников — за вычетом 30%—401.000, рабочих кружевной промышленности 150.000, производства бумаги 100.000, чулочного производства 120.000, мелких отраслей промышленности, обследованных ch. Empl. Commission—189.000, наконец, пауперов 1.079.000.

Всего 4.549.000 рабочих, к которым в ряде случаев надо еще прибавить членов их семейств. А ведь 1863 год был **благоприятным** промышленным годом»¹⁷ (подчеркнуто Энгельсом). Наиболее тяжелым было положение рабочих в ряде мелких отраслей промышленности, составлявших значительный отряд английского рабочего класса (чулочное производство, плетение кружев, плетение соломы и выделка соломенных шляп, производство одежды и обуви и др).

Эти отрасли промышленности отличались исключительной эксплуатацией женщин и малолетних детей¹⁸.

Условия труда рабочих в мелких отраслях промышленности были настолько тяжелыми, что даже весьма умеренная рабочая газета «Beehive», находившаяся под прямым влиянием буржуазных социологов-позитивистов, вынуждена была заговорить о положении рабочих, правда, в своем своеобразном либерально-тред-юнионистском духе.

В одной из передовиц газета говорила о необходимости добиваться рабочего законодательства. «Не считаете ли вы нужным добиться законного урегулирования количества часов работы и наблюдения над общими условиями жизни рабочих»¹⁹.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 371.

¹⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 301—302.

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 267—281.

¹⁹ Газета «Beehive» от 27/VI-1863 г. № 89, стр. 1.

«Beehive» в этой передовице, впрочем, как и во многих других, освещая тяжелые условия труда рабочих, ограничивалась постановкой вопроса о необходимости борьбы за дальнейшее расширение рабочего законодательства, не призывая рабочий класс к самостоятельным политическим выступлениям против буржуазного строя.

На тяжелое положение английских рабочих вынужден был обратить внимание немецкий буржуазный экономист Луи Брентано. В своей книге «История развития народного хозяйства Англии» Брентано приводит такой не единичный факт из официального отчета комиссии по обследованию положения рабочих подростков, работавшей с 1862 до 1866 года.

«Девушка 14 лет, работающая на спичечной фабрике..., не знала ни одной буквы алфавита,... никогда не слышала таких слов, как Англия, Лондон, и не имела никакого представления о море и кораблях»²⁰.

Брентано сделал вывод, что дети были отданы на полный произвол алчным фабрикантам.

В силу бедственного положения многие рабочие Англии вынуждены были прибегать к благотворительности. Так, по сообщению английского ежегодника «*The Annual Register*», количество людей, получавших помощь в 1860 году, выросло с 835.787 до 889.942²¹.

А в 1863 году газета «Beehive» сообщала, что ...«по закону о бедных получают помощь 1.104.291 чел.»²².

Так из года в год (причем и в годы экономического подъема) росло число пауперов в Англии, обращавшихся за помощью.

Положение широких масс рабочего класса Англии на деле было таковым, что рабочие вынуждены были эмигрировать из Англии. «Количество эмигрантов, которые оставили порты Великобритании, в 1866 году составляет 204.882 человека. 161.000 эмигрантов отплыла в

²⁰ Луи Брентано. «История развития народного хозяйства Англии», т. 3. 1-й полutom стр. 399.

²¹ См. «*The Annual Register*». Хроника за январь 1861 г.

²² Газета «Beehive» от 16/V—1863 г. № 83, стр. 2.

США, 13.255 — в Южно-Американские колонии, 24 097 — в Австралийские колонии и 6.530 — в другие места»²³.

Ланкаширский кризис, разразившийся в 1862—1863 годах, еще более ухудшил положение рабочих Англии, в первую очередь, текстильных рабочих Ланкашира. Тяжелые лишения выпали на долю полумиллиона рабочих прядильщиков хлопка и ткачей. 60% веретен, 58% ткацких станков совсем не работали. Остальные же работали только 2—3 дня в неделю. В связи с массовой безработицей произошло снижение зарплаты на 10—20%. «В конце ноября (1862 г.—А. Ш.) пауперы составляли по отношению к населению: в Эштоне — 25%, Престоне — 20%, Манчестере — 20%, Блэкбурне — 19% и т. д.»²⁴

Бедствия в Ланкашире приняли огромные размеры. Капиталисты Ланкашира решили за счет помощи всей нации и, в первую очередь, трудящихся масс сохранить свою резервную армию труда, сохранить от вымирания и ни в коем случае не допустить эмиграции квалифицированных рабочих текстильщиков. Газеты «Times», «Beehive» и представители фритредеров развернули в стране агитацию в пользу национальной организации помощи бедствующим рабочим Ланкашира. Все фонды помощи были сосредоточены в руках организаций, во главе которых стояли представители буржуазии, хотя пожертвования поступали, в первую очередь, от рабочего населения районов, не охваченных кризисом.

Организациями, которые распоряжались распределением помощи были: Администрация помощи бедным, во главе с президентом Вилльерсом, Лондонский Центральный Комитет помощи нуждающимся рабочим во главе с лордом-мэром и, наконец, Манчестерский «Central Relief Committee» (Центральный комитет помощи). Все было сделано для того, чтобы подчинить рабочих моральному влиянию буржуазной благотворительности.

Газета «Beehive» в связи с ланкаширскими бедствиями писала: «Необходимо оказать помощь 2 миллионам людей. Закон о бедных дал 300.000 ф. ст. в год, что в среднем составляет 1 шил. и 2 пенни на человека. Но

²³ Газета «The International Courier» от 13/III—1867 г.

²⁴ R. Arnold. The history of the Cotton Famine. London 1864 г., стр. 298, цитирую по Туран-Барановскому, назв. соч., стр. 422.

больше всего дал рабочий класс. Как это ни странно, бедный класс дал самое большее».²⁵

Таким образом, прежде всего на плечи трудящихся масс легли издержки по содержанию резервной армии труда для ланкаширских хлопковых королей.

Хлопковые фабриканты и их душеприказчики радикалы-фритредеры старались любым путем собрать средства для голодающих ланкаширских рабочих, лишь бы только не за счет крупных капиталистов-текстильщиков. Они даже обратились за помощью к голодающему и вымирающему населению Ирландии. Та же газета «Beehive» привела любопытный факт относительно собрания в Ирландии, на котором выступил член парламента полковник Герберт. Он просил помощи для ланкаширцев. Его освистали. Выступивший на собрании ирландец О. Доночук заявил: «... хотя мы выражаем наше сострадание к бедствующим, но у нас есть слишком много страдающих дома, и они имеют преимущественное право требовать»²⁶.

Фритредеры Брайт и Кобден, газета «Beehive» меньше всего ставили вопрос о помощи ланкаширцам со стороны государства, об обложении тех, кто наживался за счет кризиса. Деятели буржуазии старались переложить издержки кризиса на плечи трудящихся. «Если бы каждый читатель «Beehive» дал бы один пенни, то сумма была бы очень большой и много страдающих могли бы получить помощь»²⁷. Сбором пенни газета на деле спасала крупный капитал от обложения. В этом деле газета шла на поводу у Гладстона, Кобдена, Брайта и других лидеров английской буржуазии.

Ланкаширские фабриканты не обнаружили желания и готовности помочь голодающим ланкаширцам. А лидер фритредеров, «благодетель» рабочих Кобден энергично выступал в парламенте против обложения фабрикантов на содержание бедных. Кобден добился проведения в парламенте летом 1863 года билля об открытии кредита в размере 1.850.000 ф. ст. на займы из средств государственного казначейства муниципалите-

²⁵ Газета «Beehive» от 29 XI—1862 г. № 59.

²⁶ Газета «Beehive» от 27/XII—1862 г., № 63.

²⁷ Газета «Beehive» от 25 X—1862 г. № 54.

гам хлопчатобумажных округов для покрытия расходов по содержанию бедных.

— Нужда рабочих была велика, помощь была мизерной. Среди рабочих-текстильщиков началось движение за эмиграцию, по этому поводу созывались специальные митинги. В отдельных местностях были организованы специальные комитеты по организации эмиграции из Ланкашира в Австралию. Администрация колоний (Австралии, Новой Зеландии) брала на себя часть расходов по эмиграции. Собирались эмигрировать наиболее квалифицированные рабочие: надсмотрщики, прядильщики и другие. Это были те ланкаширские рабочие, которые в длинном ряде поколений выработали свое мастерство, свое искусство в хлопчатобумажном производстве.

Но руководящие комитеты по оказанию помощи и попечительства помощи бедным (а в них заседали представители буржуазии) категорически отказались от помощи эмигрирующим безработным. Текстильные фабриканты всеми средствами препятствовали эмиграции.

Секретарь «Cotton Supply Association» Гейвуд поместил письмо в «The Manchester Daily Examiner», где ...«приводит расчет, согласно которому эмиграция 50 тысяч хлопчатобумажных рабочих равносильна ежегодной потере для промышленности и для всей страны 4 млн. ф. ст.»²⁸. Ланкаширские фабриканты хлопчатобумажной промышленности боялись нехватки квалифицированных рабочих рук, как только кончится гражданская война в Америке. Поощрять эмиграцию,—говорили они,—это значит следовать самоубийственной политике.

Когда в июне 1863 года в парламенте был поднят вопрос об использовании средств, полученных путем займов, для эмиграции безработных, то против этого активнейшим образом выступили уже хорошо известный нам Кобден и Вилльерс (президент Центральной Администрации по оказанию помощи бедным).

Весьма характерной является речь депутата парламента Ферранда (тори), произнесенная на заседании 26 июня 1863 года. «Кто противодействует этим желаниям? (т. е. желаниям рабочих Ланкашира эмигрировать. —

²⁸ Туган-Барановский. Назв. соч., стр. 425.

А. Ш.). М-р Вилльерс и Кобден—люди, которые были раньше вождами Лиги против хлебных законов, люди, которые теперь защищают интересы фабрикантов, заключивших между собою прочный союз, чтобы помешать эмиграции!! Рабочие устали от этого голода и бедности и они просят для эмиграции хотя бы один миллион из тех многих миллионов, которые, как недавно хвалился министр финансов (Гладстон), прибавлены за последние годы их трудом к богатству страны»²⁹.

Эта речь, произнесенная членом партии тори, исходившему из своих узкопартийных интересов (борьба тори против либералов, против манчестерской школы, неизбежаемая обида за отмену хлебных законов), обличает фритредеров.

В период ланкаширского кризиса рабочие могли на практике убедиться в лживости фритредеров, в узкоклассовом буржуазном характере манчестерской школы. Рабочие увидели на практике, что означает святой принцип манчестерцев «Free Trade» (свобода предпринимательства).

Эта свобода на деле означала свободу для капиталистов эксплуатировать рабочих. Рабочие же оказались несвободными даже в праве эмиграции, чтобы продать себя, как товар, на выгодном для себя рынке труда.

Манчестерство начинало терпеть фиаско в глазах трудящихся масс.

Огромные лишения и нужда указывали рабочему классу Англии на необходимость самостоятельной классовой политической борьбы.

²⁹ Hansard's Parliamentary Debates vol. 170, цитирую по Туган-Барановскому, назв. соч. стр. 431.

С. М. СТАМ

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ ФЕОДАЛИЗМА

Выяснение закономерностей развития феодальной формации действительно требует раскрытия того определяющего экономического противоречия, которое лежит в основе данных антагонистических отношений классов и динамики их развития. В нашей литературе этот вопрос пока что остается почти совсем не разработанным. Не получил он освещения и в «Очерке политической экономики феодализма» Б. Ф. Поршнева (М. 1956).

Настоящая статья является попыткой рассмотреть некоторые моменты, которые представляются существенными для выяснения этого вопроса.

Классовый антагонизм между феодалами и зависимым крестьянством пронизывает все отношения феодального общества. Но возникновение этого антагонизма и его постоянное воспроизводство на протяжении столетий средневековья само должно быть объяснено, и оно может быть объяснено только из коренной противоречивости самой экономической основы феодализма. Иными словами, речь идет о раскрытии экономической основы возникновения и развития данного противоречия классов.

В основе антагонистичности феодальной формации лежит тот экономический факт, что эта система производства, в которой господствует крупное землевладение, базируется на мелком производстве. Раскрывая сущность феодальной экономики, Маркс указывает, что при феодализме непосредственному производителю, **владельцу**

щему условиями труда, необходимыми для его собствен-
ного воспроизводства, противостоит земля, как находя-
щееся в чужой собственности важнейшее условие труда,
обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в
земельном собственнике¹. Противоречие между мелким
производством и крупной земельной собственностью—
коренное экономическое противоречие феодализма.

Это противоречие возникает в самом процессе станов-
ления феодализма. Внутренние противоречия свободной
земледельческой общины² нашли свое разрешение в воз-
никновении свободной мелкой земельной собственности
как формы, более всего соответствующей экономическим
потребностям мелкого производства³.

Но именно победа частной собственности с необходи-
мостью вела к тому, что мелкий производитель, сделав-
шийся самостоятельным аллодистом и лишившийся опо-
ры в общинной собственности на землю, легко разорился
и утрачивал недавно приобретенное право частной соб-
ственности на свой мелкий участок⁴. Торжество частной
собственности, в котором первоначально было заинтере-
совано развившееся под покровом общины мелкое произ-
водство, привело к уничтожению самой мелкой собствен-
ности, к возникновению за счет нее крупного землевла-
дения⁵.

¹ См. К. Маркс, Капитал, том III, стр. 807.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XXVII, стр. 695.

³ См. К. Маркс, Капитал, том III, стр. 820.

⁴ «Аллодом создана была не только возможность, но и необ-
ходимость превращения первоначального равенства земельных
владений в его противоположность.» К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
том XVI, ч. 1, стр. 392. См. также Ф. Энгельс, Происхождение
семьи, частной собственности и государства. М. 1948, стр. 188—
189.

⁵ Обезземеливание мелких производителей, лишение их права
собственности на основные условия производства,—в каких бы
конкретных формах оно ни происходило,—было предпосылкой
феодализма точно так же, как и всякого другого общественного
строения, основанного на эксплуатации. См. К. Маркс, Письмо в ре-
дакцию «Отечественных записок», Ноябрь 1877 года. К. Маркс и
Ф. Энгельс, Избранные письма. М. 1947, стр. 315—316. См. также
Ф. Энгельс, Франкский период: «... прежде чем свободные фран-
ки могли сделаться чьими-либо поселенцами, они должны были
каким-нибудь образом потерять аллод... должен был образоваться
собственный класс безземельных свободных франков». К. Маркс и
Ф. Энгельс, Сочинения, том XVI, ч. 1, стр. 397. История варвар-

Таким образом, мелкое натуральное производство в условиях господства частной собственности неизбежно порождало коренное экономическое противоречие, свойственное феодализму, а вместе с ним—и оба противоположных класса, свойственных этому обществу,—феодалов и зависимых крестьян.

Но торжество крупной собственности в условиях примитивного, натурального хозяйства не могло привести к торжеству крупного производства. Реализовать свою собственность на основное условие производства, то есть осуществить эксплуатацию рабочей силы, крупный землевладелец в этих условиях мог, только предоставив в пользование работника землю для ведения мелкого производства, только «наделив» производителя, соединив его со средствами производства. Только так, с помощью «натуральной заработной платы»—надела⁶, можно было в условиях полной неразвитости товарного производства обеспечить воспроизводство рабочей силы производителя.

Но это означало, что феодальный крестьянин должен был самостоятельно вести хозяйство на «своем» участке. Производитель соединен со средствами производства, и в этом коренится **экономическая необходимость** внеэкономического принуждения при феодализме. Но он так соединен с условиями производства, что важнейшее из этих условий—земля—ему не принадлежит. И в этом—экономическая основа **возможности** осуществления внеэкономического принуждения.

Таким образом, организовать крупное хозяйство феодальный землевладелец мог, только опираясь на мелкое крестьянское производство.

Но и мелкое производство не могло теперь функционировать самостоятельно. Только у крупного землевладельца мог разоренный мелкий производитель получить

ских обществ раннего средневековья, особенно история развития прекарных отношений у вестготов, франков, баваров, лангобардов, развертывает яркую картину разорения и обезземеления основной массы простых свободных как предпосылки их закрепощения. См. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956 г

⁶ См. В. И. Ленин, Сочинения, том 3, стр. 158

средства производства и основное условие труда—земельный надел⁷.

Мелкое производство при феодализме было лишь составной частью феодальной системы эксплуатации, «собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина—средствами к жизни, а помещика—рабочими руками⁸.

В отличие от феодала—собственника земли—зависимый крестьянин только «владел» землей. Он не имел права распоряжаться ею по своему усмотрению, а пользоваться ею мог только при условии выполнения феодальных повинностей. Иными словами, присвоение феодальной ренты помещиком, феодальная эксплуатация, была при феодализме условием крестьянского владения землей.

Противостоящие друг другу мелкое производство и крупное землевладение были теснейшим образом взаимосвязаны экономически. Основное экономическое противоречие феодализма давало этому способу производства внутреннюю силу устойчивости. На данной стадии развития производительных сил это противоречие могло лишь постоянно воспроизводиться.

Монополия земельной собственности была реальной основой могущества класса феодалов. Казалось бы, крупный землевладелец был заинтересован в обеспечении наибольшей полноты своей власти над землей, в устранении мелких держателей, которые, хотя и не являлись собственниками, но осуществляли права владения на своих участках. Но, для того чтобы получать доходы со своих земельных владений, феодал был вынужден разделять свои земли между мелкими зависимыми держателями, — наделять своих работников—зависимых крестьян—землей. Только так могла реализоваться феодальная монополия земельной собственности⁹.

Мало того, чем более развивалось феодальное обще-

⁷ Эта экономическая зависимость составляла реальную основу юридической и всякой иной зависимости крестьянина от феодала.

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, том 3, стр. 158.

⁹ Монопольное право земельной собственности феодалов предполагало возникновение держательских прав мелких производителей. Но существование этих прав не могло отменить монополии.

ство, чем дальше уходило оно от времен рабства, чем выше становилась производительность труда в крестьянском хозяйстве,—тем более феодалы видели свой прямой интерес в максимальном сокращении барской запашки и разделе наибольшей части поместья между мелкими зависимыми держателями.

С этим связана и эволюция крестьянского надела. Его экономическая сущность на протяжении всего средневековья определялась прежде всего его основной функцией в качестве «натуральной заработной платы». При господстве отработочной ренты этим почти полностью ограничивалось его значение, хотя и тогда в какой-то мере на наделе производилась и часть прибавочного продукта, поглощавшегося оброком,—история феодализма почти не знает «совершенно чистых» форм ренты. Затем, с переходом к более прогрессивным формам ренты, полнее использовавшим известную заинтересованность работника в повышении производительности труда, надел превращался, так сказать, в основную производственную ячейку, где производился как необходимый, так и прибавочный продукт.

Развитие экономических функций крестьянского надела, превращение его из натурального обеспечения средств существования работника в барщинном хозяйстве раннего средневековья в основную сферу приложения труда при господстве ренты продуктами и денежной ренты отражало прогрессивное развертывание экономических возможностей феодализма.

Сокращение крестьянского надела в барщинном хозяйстве позднего средневековья снова до минимальных размеров, обеспечивавших лишь воспроизводство необходимых средств существования крестьянина, отражало попятное развитие, реакционную эволюцию феодальной экономики в условиях так называемого «второго издания крепостничества».

Противоречивая взаимосвязанность крупного землевладения и мелкого производства при феодализме обуславливала и некоторые специфические черты эксплуататорских отношений между помещичьим и крестьянским хозяйством. Поскольку крестьянский надел был своеобразной натуральной заработной платой, поскольку его основная экономическая функция состояла в обеспечении

воспроизводства рабочей силы зависимого крестьянина. — постольку феодал оказывался непосредственно заинтересованным в сохранении и функционировании крестьянского хозяйства. Разорившийся крестьянин не мог воспроизвести своей рабочей силы, не мог произвести необходимого продукта, а значит,—и продукта прибавочного.

Отсюда—вся средневековая система «покровительства» феодала в отношении его зависимых крестьян. Феодал защищал своих крестьян от посягательств таких же феодалов—соседей, чтобы не лишиться работников и обеспечивающих их содержание их мелких хозяйств, чтобы ни с кем не делиться производимым ими прибавочным продуктом¹⁰. Иначе и быть не могло, ибо, как отмечал Ленин, «собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства»¹¹. Понятно, что помещик не мог не считаться с этим важнейшим условием существования своего собственного хозяйства.

У либеральных историков это феодальное покровительство апологетически изображалось как «гармония» интересов лорда и виллана в средние века. Буржуазные либералы, утратив антифеодальный пыл, оправдывали феодальную эксплуатацию, потому что хотели оправдать эксплуатацию капиталистическую. Поэтому они охотно принимали за чистую монету все те иллюзии, которые создала данная эпоха о самой себе.

Реальный смысл феодального «покровительства» состоял: 1) в предоставлении мелкому производителю условий производства в целях получения помещиком феодальной ренты (наиболее яркое проявление—прекарная система) и 2) в обеспечении данному феодалу монополии эксплуатации данного мелкого производителя.

Таким образом, в действительности феодальное «покровительство», порожденное основным экономическим противоречием феодализма, прикрывало глубокую antagonистичность феодальных производственных отношений, жестокую эксплуатацию зависимого крестьянина помещиком.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М. 1948, том II, стр. 152.

¹¹ В. И. Ленин, Сочинения, том 3, стр. 158.

Основное экономическое противоречие феодализма—противоречие между мелким производством и крупной собственностью на землю—было главной пружиной развития этой формации. Это противоречие вызвало к жизни, сделало необходимым производство зависимыми крестьянами прибавочного продукта и присвоение его феодалами в форме феодальной ренты. Оно определяло собою и основное направление экономического прогресса в рамках этой формации, и смену форм феодальной ренты, и присущую одному феодализму двойственность собственности на землю, и роль внеэкономического принуждения в качестве неотъемлемого атрибута процесса производства, и характер классового деления и классовой борьбы при феодализме.

Развитие производительных сил в рамках основного экономического противоречия феодальной формации приводило и к отделению города от деревни. Вырваться из этого противоречия, разорвать связь с гнетущим его крупным землевладением мелкое производство в условиях феодализма могло, только порвав связь с землей, то есть перестав быть сельскохозяйственным производством. Это стало возможным лишь с развитием ремесла и началом его отделения от земледелия.

Поскольку мелкое ремесленное производство не было или почти не было связано с землей, исчезала реальная почва для его зависимости от крупного землевладения¹², и это в корне подрывало позиции феодала, еще пытавшегося удержать власть над возникшим городом. С другой стороны, ремесло с самого начала не могло не быть товарным производством, и это давало ему новую силу в борьбе с феодальным гнетом. Эти два важнейших хозяйственных факта и образовывали экономическую основу раннего развертывания и успешности освободительной борьбы горожан.

Старая экономическая связанность мелкого производства с крупным землевладением, а значит, и старое эко-

¹² «Отделение города от деревни можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т. е. собственности, основанной только на труде и обмене». К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том IV, стр. 41.

номическое противоречие порывались, уступая место новым, свойственным феодальному городу, но уже не основным для феодализма противоречиям. Но все крестьяне не могли стать ремесленниками и убежать в город; такой разрыв старого противоречия по самой своей природе мог быть только частным, индивидуальным и не разрешал основного противоречия феодализма в целом. Крестьяне, бежавшие в город и становившиеся ремесленниками, освобождались как индивидуумы, а не как класс, отмечают Маркс и Энгельс¹³. Ликвидация крупного землевладения и разрешение основного экономического противоречия феодализма были возможны только в результате утверждения нового экономического строя, торжествующего с буржуазной революцией и подготовленного всем ходом развития феодальной экономики.

Феодальный способ производства вытеснил рабовладение благодаря тому, что, создав условия для известной заинтересованности работника, обеспечил более высокую производительность труда. Экономической основой этой заинтересованности был надел крестьянина. И здесь была сфера наиболее активного приложения сил, наиболее интенсивного, какое возможно было в тех условиях, возрастания производительности труда. Барщинный труд, открыто принудительный, резко отделенный от труда на «своем», держательском, участке и во многом близкий к старому рабскому труду, был гораздо менее производительным¹⁴.

Смена форм феодальной ренты в своей основе была обусловлена развитием производительных сил, причем прежде всего—в крестьянском хозяйстве. Рост производительных сил, достигнутый в условиях господства старой формы ренты, перерастал ее рамки и требовал перехода к новой форме.

Очевидно, в этом был заинтересован прежде всего крестьянин: в повышении производительности труда на своем наделе он видел средство не только полностью обеспечить себе необходимый продукт (часть которого нередко также присваивалась феодалом), но и увеличить массу

¹³ См. там же.

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XV, стр. 640.

прибавочного продукта сверх того, что поглощалось феодальной рентой. Поскольку зависимый крестьянин «владел» своим участком и сам вел «свое» хозяйство, он был заинтересован (и с развитием товарного производства — все более) в максимальной самостоятельности своего хозяйства, в наибольшей свободе распоряжения своей землей и произведенным на ней продуктом. В сущности, крестьянин желал полного избавления от феодального обирательства, отмены феодальной ренты в любой ее форме. Эта прогрессивная тенденция нашла яркое выражение в крестьянских восстаниях и выдвинутых в их ходе программах, особенно начиная с XIV века.

Таким образом, крестьянин был заинтересован в отмене старой формы ренты. Но в замене ее новой формой феодальной ренты был заинтересован, по существу, помещик: тот, кто «заведовал» данным процессом производства и присваивал прибавочный труд крестьянина.

Феодал не мог не видеть, что производительность труда зависимого крестьянина на «своем» участке выше и что она тем выше, чем выше у крестьянина степень свободы распоряжения «своим» участком и произведенным на нем продуктом.

Чем больше производил крестьянин, тем больше мог рассчитывать присвоить помещик. Поэтому материальные интересы вынуждали феодала максимально использовать заложенный в феодальной системе производства стимул роста производительности труда — заинтересованность крестьянина в развитии «своего» хозяйства. При этом феодал, вынужденный приспособляться к новым экономическим условиям, сам оказывался заинтересованным в переходе к новым формам ренты, открывавшим больший простор для развития крестьянской инициативы и для большей свободы самостоятельного хозяйствования крестьянина (рента продуктами и денежная рента). А для этого он вынужден был основательно перестраивать хозяйственную систему поместья¹⁵.

В том же направлении феодалов толкала освободительная борьба зависимого крестьянства.

¹⁵ Это особенно ярко проявилось в связи с коммутацией крестьянских повинностей в 14 веке.

Но каждый раз такой переход к новым формам феодальной ренты осуществлялся феодалами и, в сущности,—в интересах феодалов. За всеми красивыми словами королевских ордонансов о «прирожденной свободе» всех людей ясно видна корыстная заинтересованность сеньеров в переходе к денежной ренте и в «освобождении» сервов.

История этих «освободительных» ордонансов 13—14 веков и связанных с ними событий ясно показывает, кто более всего был заинтересован во введении новой формы ренты. Но, может быть, особенно ценно в этом отношении откровенное признание безансонского архиепископа. В грамоте 1347 года об освобождении сервов в некоторых своих поместьях, жалуясь на то, что «мэн-мортабли работают нерадиво, говоря, что они работают на другого, и потому только портят поле», он, вместе с тем, выражал уверенность, что, получив личную свободу и право наследования «они будут работать и наживать от всей дунни; ...земли, в настоящее время пустующие и необработанные, будут возделаны и застроены, благодаря чему доходы сеньера возрастут и приумножатся»¹⁶.

Переходя от отработочной ренты к продуктовой и денежной, феодал стремился усилить степень эксплуатации крестьянина, укрепить в новых условиях власть крупного землевладения над мелким производством. Освобождение сервов во Франции в 13—14 вв. сопровождалось не только непомерно высокими выкупными платежами, которые нередко побуждали крестьян отказываться от столь разорительной свободы¹⁷, не только введением новых поборов и баналитетов, но, зачастую, и прямым повышением старых феодальных повинностей. Так, например, капитул Этампа повысил десятину: помимо каждого десятого снопа «освобожденные» сервы обязаны были теперь отдавать также каждый двенадцатый сноп, каковой благочестивые каноники цинично называли «снопом свободы»¹⁸.

Но, чем дальше, тем больше переход к новым формам

¹⁶ C.-J. Perreclot, *De l'Etat civil des personnes et de la condition des terres dans les Gaules*. Paris, 1845—46, t. III, *Preuves*, № 126.

¹⁷ С.м., например жалобу крестьян коповского поместья Pierrefonds в парижский парламент: *Ocim*, t. II, p. 74, VIII; также дополнение Людовика X к его ордонансу 1315 г.

¹⁸ См. Doniol, *Serfs et vilains au Moyen Age* Paris, 1901, p. 144.

ренты приводил к расширению свободы распоряжения держательским участком со стороны крестьянина, к возрастанию независимости держателя, к ослаблению экономических позиций крупного землевладения. Возрастание возможностей самостоятельного экономического развития крестьянского хозяйства, связанного с рынком, и возможностей накопления в нем увеличивало притязания и возможности крестьянства в борьбе за полное уничтожение феодальной зависимости, за полную свободу распоряжаться произведенным продуктом и полную собственность крестьянина на землю.

Таким образом, приспособление феодалов к новым экономическим условиям и переход к новым формам ренты вели не к ослаблению, а к обострению коренного классового антагонизма феодального общества. Вторая половина средневековья, как известно, ознаменована неслыханным дотоле размахом антифеодальной борьбы крестьянства. Но это едва ли может быть просто объяснено непрерывным и постоянным возрастанием феодальной ренты, как это представляется Б. Ф. Поршневу. Дело, очевидно, обстояло сложнее.

Переходя к новым формам ренты, феодал, как было отмечено, стремился повысить норму эксплуатации зависимого крестьянина. Но чем более крестьянское хозяйство превращалось из натурального в товарное, чем более понижалась степень его феодальной зависимости, — тем быстрее оно развивалось и, по своей производительности, экономичности, обгоняло старое, натуральное по своей природе помещичье хозяйство.

А поместный обычай, выросший на старой, натурально-хозяйственной, основе и в то время очень нужный феодалам, фиксируя крестьянские повинности, способствовал, так сказать, отставанию массы присваиваемой феодалом ренты от массы производимого крестьянином прибавочного продукта. Отсюда — относительное снижение доходов феодала, как собирателя ренты, в конце средневековья.

Поэтому в условиях развития товарного производства, широких связей именно крестьянского хозяйства с рынком и господства денежной ренты можно позорить об определенной тенденции к понижению нормы фео-

дальной ренты. Но это была лишь экономическая тенденция, которую в отдельные периоды и в известной степени удавалось использовать главным образом лишь зажиточной верхушке деревни¹⁹.

Именно ввиду снижения доходности его хозяйства сеньор старался возместить вышеотмеченное отставание путем обхода старого обычая, введения новых видов повинностей, всевозможных баналитетов, ухудшения условий держания и так далее. Если какая-то часть прибавочного продукта, произведенного в крестьянском хозяйстве, и оставалась после этого непоглощенной, ее поглощали королевские налоги, стремительно растущие именно в этот период. Поскольку это касалось крестьянства, это была, несомненно, своеобразная централизованная форма феодальной ренты, присвоение правящим классом превращенной формы прибавочного продукта, произведенного трудом эксплуатируемого класса. Нередко при этом присваивалась изрядная доля и необходимого продукта.

Таким образом, заложенная в развитии товарности крестьянского хозяйства возможность превышения стоимости произведенного в нем прибавочного продукта над стоимостью, присваиваемой сеньором по обычаю феодальной ренты и, значит, возможность снижения нормы эксплуатации—отнюдь не всегда превращалась в действительность. Обладавший всей мощью политической власти в государстве и силой внеэкономического принуждения в поместье, господствующий класс в целом и его отдельные представители изыскивали способы для нейтрализации и даже преодоления (до поры до времени) указанной экономической тенденции. История Франции (также в большой мере Испании и Германии) в 15—16 вв. свидетельствует как об оскудении дворянских, особенно —мелких, поместий, так и о разнообразных и

¹⁹ Только к этой верхушке могут быть отнесены те филиппики против «роскоши крестьян», которыми именно в этот период (например, в Германии 15 века) полны трактаты моралистов (разумеется, из господ). Их бросающаяся в глаза крайняя преувеличенность свидетельствует не об объективности картины, а об остроте беспокойства господствующего класса в связи с явно наметившимся упадком феодального хозяйства, все более становившегося экономически несостоятельным.

не вполне безуспешных усилиях дворянства задержать действие тех экономических тенденций, которые, будучи порождены развитием самого феодального производства, вели к его подрыву²⁰.

Но все это, понятно, могло лишь оттянуть, но не могло предотвратить упадка феодального способа производства, вызванного его собственными противоречиями.

Таким образом, стремясь к повышению своих доходов в новых экономических условиях, феодал был вынужден использовать до конца все экономические возможности, заложенные в феодальном способе производства, но это в конечном итоге приводило к сокращению его доходов. Действуя, казалось бы, в своих интересах, феодал, в противоречивых условиях экономики феодализма, постепенно подрубал тот сук, на котором сидел. Это было необходимым результатом того коренного экономического факта, что крупное феодальное землевладение здесь опиралось на мелкое крестьянское производство.

Так, подталкиваемый вперед требованиями развившихся производительных сил и борьбой эксплуатируемого класса, интересы которого были отражением этих требований, — класс феодалов-землевладельцев был вынужден перестраивать методы своего хозяйствования и формы политического господства, тем самым все более сокращая свои возможности маневрирования и приближаясь к грани, за которой дальнейшее развитие производства означало ликвидацию его феодальной формы.

В этих условиях крупное землевладение могло только сдерживать полное превращение прежних феодальных

²⁰ В сущности, в этом кризисе феодального хозяйства типа сеньерии, где феодал выступает как собиратель фиксированных рент, — коренятся важнейшие причины и того возврата феодалов в ряде стран и при определенных экономических условиях (главным образом — в условиях втягивания их в широкие рыночные отношения) к отжившим формам феодальной эксплуатации, к отработочной ренте. Энгельс отмечал, что переход немецкого дворянства к барщинной системе в 15—16 вв. был для него единственным выходом в новых экономических условиях (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XV, стр. 642). Ленин считал товаропроизводящее барщинное поместье позднего средневековья проявлением упадка, «предвестником распада старого режима» (В. И. Ленин, Сочинения, том 3, стр. 158).

держателей в свободных мелких товаропроизводителей. Оно стало лишним. Но автоматически оно не могло исчезнуть. Его ликвидация была важнейшей задачей буржуазной революции, в которой крестьянство было важнейшей движущей силой и победа которой означала разрешение и снятие экономических противоречий феодализма.

«Развитие противоречий известной исторической формы производства, — указывает Маркс, — есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»²¹.

²¹ К. Маркс, Капитал, том 1, 1949, стр. 493. См. также В. И. Ленин, Сочинения, том 9, стр. 33; том 34, стр. 384—385.

И. В. СИНИЦЫН

ПАМЯТНИКИ РОДОВОГО ОБЩЕСТВА СТЕПЕЙ ЗАВОЛЖЬЯ

В изучении памятников родового общества бронзовой эпохи Нижнего Поволжья за последние десятилетия проведены значительные работы, позволяющие наметить основные этапы исторического процесса на протяжении III, II и начала I тыс. до н. эры. Изучение многочисленных и разнообразных памятников конца III и первой половины II тыс. до н. эры показывает закономерную преемственность в развитии местных племен. Можно признать установленным, что срубная культура раннебронзовой эпохи Нижнего Поволжья формировалась на основе предшествующей энеолитической ямной культуры.

В результате археологических исследований последних лет в Заволжье выявлены тесные связи племен срубной культуры с племенами катакомбной культуры астраханско-маньчешских степей. Вместе с тем исследования памятников эпохи бронзы Нижнего и Среднего Поволжья позволяют проследить процесс расселения племен срубной культуры с юга на север и выявить локальные варианты срубной культуры в северных районах Среднего Поволжья.

Однако не все вопросы получили разрешение с равной полнотой и бесспорностью. Для выяснения этниче-

ской истории, общественных порядков, хронологических уточнений все еще недостаточно фактического материала. Предстоит еще большая и сложная работа не только в смысле монографического изучения отдельных культур, но и накопления дополнительных материалов и введения их в научный оборот.

Настоящая статья имеет целью ввести в научный оборот сравнительно небольшой, но очень важный материал для выяснения местных особенностей культуры племен эпохи бронзы, в частности, данные о наличии коллективных—семейных захоронений, свидетельствующих о сложившихся патриархальных отношениях у племен срубной культуры Нижнего Поволжья.

Публикуемый материал был добыт в результате исследований, произведенных нами в 1937, 1938 и 1941 гг. в районе г. Энгельса и в степном Заволжье на р. Камелик, у с. Максютово Саратовской области.

ОПИСАНИЕ РАСКОПОК КУРГАНОВ

1) Курганы у г. Энгельса

Левобережная полоса Волги в районе нынешнего г. Энгельса в древности была густо заселена. Здесь на протяжении 8—10 км с севера на юг находится большое количество разновременных памятников, начиная от древнейших поселений и курганов III—II тыс. до н. эры и кончая памятниками позднего средневековья (XIV—XV вв.).

С северной стороны Энгельса, на левом берегу р. Саратовки, при впадении ее в Волгу, расположено известное Покровское поселение эпохи бронзы¹. С восточной и юго-восточной стороны Энгельса, на высокой береговой Волжской террасе сосредоточено значительное количество курганов, представляющих как бы несколько само-

¹ А. А. Спизин, Саратовские стоянки медного века. Тр. О-ва Ист., Арх. и Этн. при Саратовском Университете, вып. 34, ч. I, 1923 г., стр. 34. Т. М. Минаева, Керамика Покровского селища. Труды секции археологии, том IV, РАНИОН, М. 1928, стр. 316.

стоятельных групп. Небольшая часть курганов (около 40) была исследована во время раскопок, произведенных

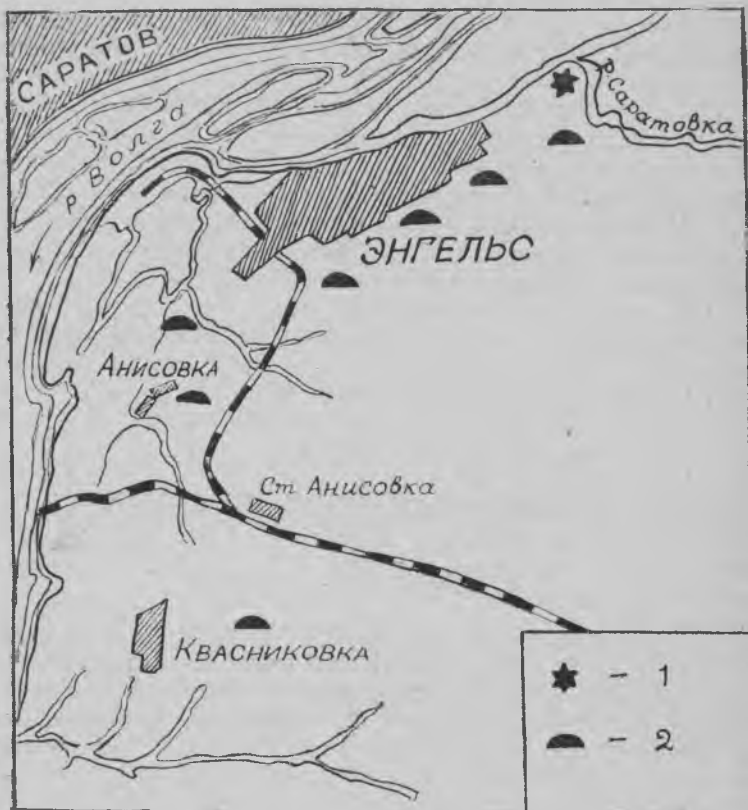

Рис. 1. План древних памятников в окрестностях г. Энгельса

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Поселения эпохи бронзы.

2. Курганные группы

Саратовским университетом и Саратовским областным музеем в 20-х годах текущего столетия². В настоящее время курганы, расположенные с восточной стороны города, полностью находятся под его застройками и бес-

² Известия краеведческого института изучения южно-волжской области при Саратовском государственном университете, т. I, 1926 г., и т. III, 1928 г.

следно исчезли. Лишь к югу от города, за полотном линии железной дороги и ст. Покровск, у дороги на Анисовку за большим оврагом сохранилась небольшая группа курганов, состоящая из 11 насыпей. Курганы сосредоточены на небольшой возвышенной площадке, расположенной непосредственно на первой высокой надпойменной террасе левого берега Волги (рис. 1.).

По своим размерам насыпи курганов неодинаковы. Среди них самый большой курган имеет высоту 2,50 м, диаметр—40 м. Вокруг большого кургана группируются небольшие и средние курганы диаметром 13—25 м и высотой от 0,5 м до 1,20 м. Один курган (Золотоордынский) небольшого размера—диаметр 7 м, высота 0,40 м, насыпи курганов повреждены проселочными дорогами. На одном кургане следы прежних раскопок³.

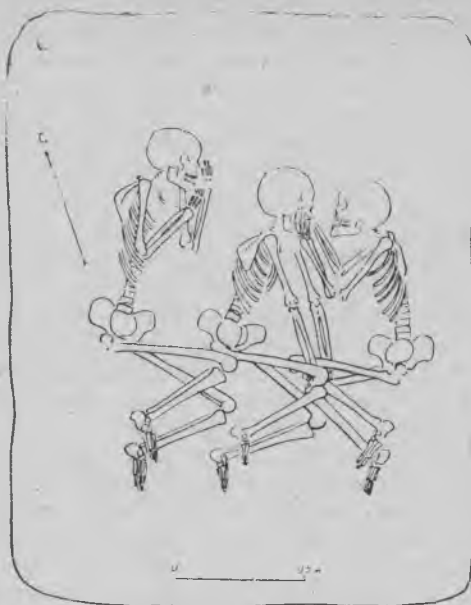
В 1937 году при устройстве шоссейной дороги из г. Энгельса на Анисовку и Квасниковку в этой группе была срезана полностью насыпь одного кургана (курган № 1) и наполовину разрезана насыпь самого большого кургана, обозначенного нами за № 2. В процессе исследования в кургане № 1 было обнаружено две грунтовые могилы, относящиеся к эпохе бронзы. Курган № 2 по техническим условиям работы полностью не мог быть исследован. В центральной части кургана исследована основная могила, содержащая погребение ямной культуры.

В 1941 году раскопки в этой группе были мною продолжены. Дополнительно было раскопано 2 кургана, содержащих разновременные погребения. Описание исследованных курганов и их нумерацию мы приводим в порядке последовательности раскопок.

Курган № 1 расположен на линии дороги, с северо-восточной стороны группы, на расстоянии 70 м от центрального большого кургана. Диаметр насыпи 16 м, высота 0,60 м. Под насыпью кургана обнаружены две грунтовые могилы.

Погребение № 1 (вводное, коллективное) находилось в северо-восточном секторе кургана, на расстоянии 1,50 м от центра. Могила прямоугольно-удлинен-

³ Этот курган был раскопан в 1927 году П. Д. Рау и опубликован в его работе «Hockergräber der Wolgasteppe, Pokrawsk, 1928 г., стр. 28, Кург. Е—4.

1

3

2

4

Рис. 2. Погребения и вещи из курганов у г. Энгельса.
1—Курган № 1, погребение № 1; 2—курган № 2, погребение № 1;
3—бронзовый нож из кургана № 2; 4—курган № 3, погребение № 1.

ной формы, ориентированная с СВ на ЮЗ. Длина могилы 2,30 м, ширина 2,10 м и глубина 0,80 м. в грунте. Сверху могильная яма перекрыта массивными бревнами, положенными поперек ямы. Могильная яма заполнена остатками перегнившего дерева.

На дне могилы обнаружены три скелета взрослых людей. Все они лежали в скорченном положении, головою на северо-восток. Два скелета — мужчины и женщины, лежали лицами плотно друг к другу. Скелет мужчины лежал на левом боку, скелет женщины — на правом (рис. 2—1). Руки женщины согнуты в локтях, кисти их находились на лице мужчины. Ноги женщины сильно согнуты в коленях и помещались между бедрами мужчины. Третий скелет взрослого человека лежал за спиной мужского скелета, тоже на левом боку, руки согнуты в локтях и кистями находились перед лицом. Дно могилы покрыто темно-серым слоем от подстилки. Расположение скелетов не вызывает сомнения в одновременности захоронения всех трех погребенных. Никаких предметов в могиле не обнаружено.

Погребение № 2 (основное) находилось под центральной частью кургана. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии В—З. Длина ее — 2,20 м, ширина 1,60 м и глубина 1,50 м в грунте. Материковый выброс из могилы располагался, главным образом, с северной и южной стороны могильной ямы. Сверху могила была перекрыта толстыми бревнами, следы которых хорошо прослежены по краям могильной ямы и в засыпке.

На дне могилы лежал скелет женщины средних лет, на спине, головой на В, ноги согнуты коленями вверх, руки вытянуты вдоль туловища. До обвала перекрытия ноги завалились вправо. Дно могилы и кости погребенного густо посыпаны красной краской (охрой). Мелкие кусочки краски находились по дну могилы. Никаких предметов в могиле не оказалось.

Курган № 2 расположен в центре группы. По своим размерам является самым крупным курганом в данной группе. Диаметр его—35 м, высота 2,5 м. В процессе строительства дороги вся восточная и центральная часть насыпи была срыта до грунта. Сохранилась нетронутой западная пола кургана.

По ходу строительных работ удалось проконтролировать грунт лишь в центральной площади кургана.

В центре кургана обнаружена грунтовая могильная яма, сверху перекрытая накатником из больших бревен, имевших до 4 м в длину и до 0,60 м в толщину. Бревна уложены поперек могильной ямы.

Могила имела удлиненно-прямоугольную форму и ориентирована по линии с СВ на ЮЗ. Длина могилы — 3 м, ширина 2,40 м, глубина 1,70 м в грунте. В могильной засыпке по всей площади встречались куски дерева от перекрытия. На дне могилы лежал скелет мужчины средних лет, на спине, головой на СВ, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук помещались на тазовых костях, ноги согнуты коленями вверх, позже завалились вправо (рис. 2—2). Кости скелета и дно могильной ямы посыпаны красной краской.

Около ступни левой ноги находился медный плоский нож листовидной формы с черенком для насадки (рис. 2—3) длина ножа 15 см, ширина лезвия у рукоятки 4 см. Около ножа лежал кусок красного песчаника. Сохранность костей плохая.

Курган № 3 расположен с северной стороны группы у дороги. Насыпь частично повреждена при устройстве складочного помещения на поверхности кургана. В насыпи кургана в юго-восточном секторе на глубине 0,60 м обнаружено погребение⁴. Скелет взрослого человека лежал на правом боку, скорченно, головой на восток. Правая рука вытянута и кистью помещалась между бедрами. Левая рука согнута в локте и кистью помещалась на плечевой кости (рис. 2—4). В ногах, около пяток стоял глиняный сосуд, с округло-выпуклыми боками, слабо выраженным дном и невысоким загнутым внутрь краем. Поверхность сосуда почти сплошь покрыта мелкозубчатым штампом, образующим елочный орнамент (рис. 4—1). Высота сосуда 13 см, диаметр по верхнему краю 18,5 м.

Курган № 4 расположен на расстоянии 70 м к западу от кургана № 2, на краю террасы. Насыпь сильно расплывшаяся. Диаметр насыпи—26 м, высота 1,20 м. Курган исследован снятием всей насыпи методом кольцевых траншей, с оставлением меридиальной и ши-

⁴ Курган исследован неполностью.

ротной бровки шириной 0,30 м. Насыпь кургана состояла из суглинистой с прослойками мешаной земли.

При снятии насыпи на разной глубине и в разных пунктах были обнаружены вводные погребения. В северо-западном секторе, ближе к центру, на глубине 0,90 м от вершины кургана, обнаружены следы большого кострища, диаметров до 3 м, с толщиной зольного слоя и пережженной земли до 0,25 м. Кострище расположено непосредственно на древнем горизонте и образовалось, следовательно, до устройства насыпи кургана.

В кургане было обнаружено 14 погребений, расположенных в насыпи и в грунте (рис. 3). Три вводных моги-

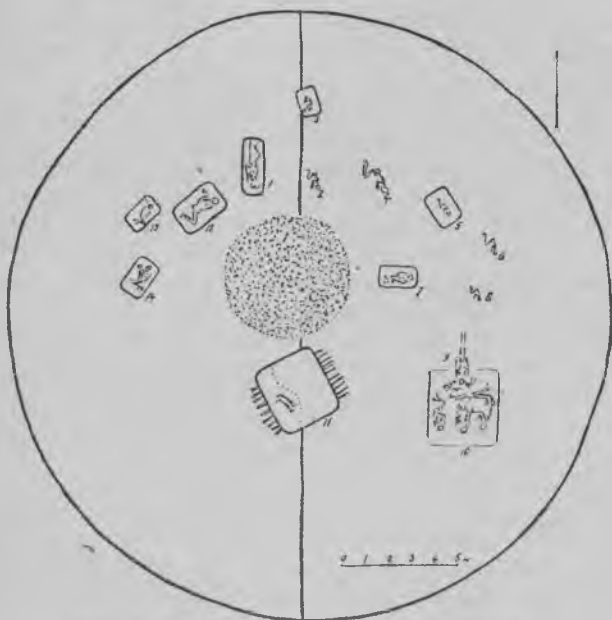

Рис. 3. План кургана № 4 у г. Энгельса.

лы (погребение № 1, 7 и 9) относятся к скифо-сарматскому времени, одиннадцать погребений — эпохи бронзы. Среди погребений эпохи бронзы два относятся к ямной культуре (№ 11 и 12), остальные к разным этапам срубной культуры. Могила № 11 являлась основной, все остальные были устроены позже, в насыпи или под на-

сыпью кургана. Последовательность захоронений хорошо прослеживается по выкидам грунта из могил и разрезам насыпи.

Описание погребений дано по мере их открытия и расположения от поверхности кургана.

Погребение № 1 (вводное) находилось в СЗ секторе, в насыпи кургана на глубине 0,50 м, на расстоянии 1,50 м от меридиальной и 5 м от широтной бровки. Скелет взрослого человека лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг. Правая нога согнута в коленях и образует тупой угол. У локтя левой руки лежал кусок мела. Никаких предметов обнаружено не было. Судя по ритуалу, погребение относится к сарматскому времени.

Погребение № 2 расположено в СВ секторе кургана, на расстоянии 2 м к востоку от первого погребения около меридиальной бровки. Скелет подростка лежал в насыпи на глубине 0,75 м от поверхности кургана, на левом боку, головой на юго-восток, ноги сильно согнуты в коленях, голени прижаты к бедрам, руки согнуты в локтях и кистями помещались у подбородка. Кости плохой сохранности. Никаких вещей при погребении не было.

Погребение № 3 находилось в северной половине кургана под меридиальной бровкой, на расстоянии 2,50 м от погребения № 2. Скелет ребенка 3—4 лет обнаружен на глубине 0,90 м от поверхности кургана, в слое древней почвы. Могила углублена в грунт на 10—15 см и имела прямоугольную форму. Длина ее — 0,90 м, ширина 0,60 м и ориентирована с СЗ на ЮВ. В могиле скелет ребенка лежал на левом боку с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, кистями перед лицом, головой на ЮВ. Перед лицом погребенного поставлен лепной горшок баночной формы (рис. 4—2). Поверхность горшка сплошь покрыта горизонтально расположенными рядами прямоугольных оттисков штампа, образующего квадратные вдавления в виде «рогожного» орнамента. Высота горшка 11 см, диаметр устья 13 см, диаметр дна 7 см. Кости скелета плохой сохранности.

Погребение № 4 находилось в СВ секторе, на расстоянии 2 м к востоку от погребения № 2, в почвенном слое на глубине 1 м от поверхности кургана. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку, с подогнутыми

1

2

3

4

5

6

Рис. 4. Глиняные сосуды из курганов у г. Энгельса

1—из погребения № 1, кург. № 3; 2—из погребения № 3, кург. № 4;
3—из погребения № 10, кург. № 4; 4—из погребения № 13, кург. № 4;
5—из погребения № 14, кург. № 4; 6—бронзовая подвеска
из погребения № 3, кург. № 4 у с. Максютово.

ногами и руками, головой на ЮВ, кисти рук — перед лицом. Вещей при погребении не было.

Погребение № 5 находилось в СВ секторе, на расстоянии 2 м к юго-востоку от погребения № 4. Могила прямоугольной формы, длиной 1,50 м, шириной 0,60 м и глубиной 0,20 м в грунте. На дне могилы костяк ребенка 4—5 лет лежал скорченно, на левом боку, с подогнутыми ногами и руками — кисти рук перед лицом, головой на ЮВ. На дне могилы прослежены слабые следы красной краски. Скелет плохой сохранности. Никаких вещей в могиле не было.

Погребение № 6 находилось в том же СВ секторе, на расстоянии 1,50 м к юго-востоку от могилы № 5. Скелет ребенка 3 — 4 лет лежал в насыпи на глубине 0,60 м от поверхности кургана, на левом боку, скорченно, с подогнутыми ногами, головой на ЮВ. Руки согнуты в локтях и кистями положены перед лицом. Вещей при костяке не было.

Погребение № 7 расположено в СВ секторе, на расстоянии 3,50 м от меридиальной и 2 м от широтной бровки.

Погребение относится к скифскому времени⁵.

Погребение № 8 находилось на расстоянии 2 м к востоку от погребения № 7, около широтной бровки.

На глубине 0,65 м от поверхности насыпи кургана лежал скелет ребенка 3—4 лет, на левом боку, скорченно, головой на ЮВ. Кости плохой сохранности. Вещей при костяке не было.

Погребение № 9 расположено в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 6,50 м от меридиальной и 0,59 м от широтной бровки в насыпи на глубине 0,65 м. Скелет женщины лежал на спине, вытянуто, головой на Ю. На груди около шейных позвонков находились стеклянные бусы голубого цвета (всего 15 штук). Около кисти правой руки помещалось глиняное пряслице конусовидной формы. Погребение относится к сарматскому времени.

Погребение № 10 (коллективное) находилось в юго-восточном секторе ниже погребения № 9. На глубине 1 м от поверхности насыпи кургана на древнем горизонте об-

⁵ Погребение опубликовано в Трудах Саратовского областного музея краеведения, вып., I, 1956. стр. 64, рис. 10—3.

Рис. 5. Коллективное погребение № 10 из кург. № 4 у г. Энгельса

наружена могильная яма прямоугольной формы, ориентированная с С на Ю. Длина ямы по линии СЮ—3,20 м; ширина — 3 м, глубина в почвенном слое — 0,20 м.

На дне могилы лежали скелеты пяти человек; три скелета помещались в центре могилы в один ряд (рис. 5). Все они лежали скорченно, головами на Ю. Два скелета — женщины и ребенка лежали вдоль северной стенки могилы, в ногах первых трех скелетов, и обращены головами на запад.

Первый скелет, лежавший вдоль восточной стенки, принадлежал мужчине средних лет. Костяк лежал скорченно, на левом боку, ноги сильно подогнуты, левая рука согнута так, что кисть ее помещалась под черепом, правая согнута в локте и кисть ее помещалась у локтя левой руки перед животом.

Второй скелет (средний) — женский, лежал на правом боку, лицом обращен к первому скелету, ноги также сильно скорчены. Берцовые кости правой ноги находились под коленом левой ноги первого скелета. Правая рука чуть согнута и кистью помещалась на бедре правой ноги, левая согнута в локте и кистью положена на живот. Около черепа, с левой стороны, обнаружена бронзовая плохо сохранившаяся проволочная височная подвеска.

Третий скелет лежал рядом с женским также на правом боку, ноги согнуты и коленями примыкали к ступне левой ноги женского скелета, руки согнуты в локтях, кисти рук лежали на животе. Костяк принадлежал подростку лет 9-10. У черепа с левой стороны стоял лепной горшок округлой формы с невысоким горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 4—3). Сосуд орнаментирован по плечикам тремя горизонтально расположенными желобчатыми линиями, между которыми в два ряда нанесены мелкие круглые вдавления. Такие же желобчатые линии и круглые ямки нанесены на стенках сосуда, образуя треугольники, обращенные вершинами вниз. На плечиках сосуда с двух противоположных сторон имеются небольшие лепные выступы в виде шишечек. Вокруг дна небольшой выступающий ободок. Высота сосудика — 13 см, диаметр устья 9 см, диаметр дна 4 см.

Четвертый скелет маленького ребенка и пятый скелет женщины пожилых лет лежали вдоль северной стенки, в ногах вышеописанных трех скелетов. Скелет ребенка лежал на левом боку, скорченно, головой на запад, лицом к женскому скелету. Скелет женщины лежал на правом боку с подогнутыми ногами и согнутыми руками так, что кисть правой руки находилась под черепом, левая согнута в локте и кистью помещалась около черепа ребенка. Ступни ног всех погребенных посыпаны красной краской — охрой. Дно могилы покрыто темно-серым перегноем от подстилки из травы. Взаимоположение скелетов не вызывает сомнения в их одновременном захоронении.

Погребение № 11 (основное) находилось в южной половине кургана, ближе к центру. Могила почти квадратной формы с закругленными углами.

Длина могилы — 3 м, ширина — 2,80 м и глубина 2,70 м. Могила ориентирована длинными сторонами с СЗ на ЮВ. Вокруг ямы, на древней поверхности хорошо

заметен глинистый слой — выкид из могилы. Это позволяет считать могилу основной, все остальные вводными.

Вдоль длинных стенок могилы на древней поверхности сохранились концы толстых бревен от перекрытия. На краю могилы, у северо-западной стенки, лежали кости овцы — череп и две передние ноги, отрубленные до колен, кости коровы — четыре ноги с копытами (ноги отрублены у колен). В могильной засыпке на разной глубине встречались отдельные кости взрослого человека. Погребение оказалось разрушенным. Сохранилась непо потревоженной лишь часть дна могильной ямы вдоль юго-западной стенки. На этой площади *in situ* находились берцовые кости и ступни ног. Судя по сохранившейся части скелета, погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами коленями вверх, головой на СВ. Кости скелета и сохранившаяся часть дна могилы посыпаны красной краской. Под костями ног следы перегиба темно-серого цвета с заметными травянистыми волокнами.

Погребение № 12 находилось в северо-западном секторе на расстоянии 3 м от меридиальной и 3 м от широтной бровки. Могила прямоугольной формы, ориентированная по линии с СВ на ЮЗ. Длина могилы 2,20 м, ширина 1,40 м, глубина 0,85 м. Могильная засыпка состояла из чернозема материковой глины, перемешанной с зольной массой, углями и кусками докрасна обожженной земли из кострища, расположенного с юго-восточной стороны могилы.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека на спине, головой на СВ, ноги согнуты коленями вверх, (позже завалились на левую сторону), руки согнуты в локтях, кисти рук лежали на животе. Около плеча правой руки лежал кусок красной краски, одна сторона сильно сглажена. Около черепа с левой стороны находились три астрагала овцы. Дно покрыто темным слоем травянистой подстилки.

Погребение № 13 находилось рядом с могилой № 12, с западной стороны. Грунтовая могила прямоугольной формы, ориентированная длинной стороной по линии с СВ на ЮЗ. Длина ее 1,20 м, ширина—0,75 м, глубина 0,80 м. Сверху могила была перекрыта дубовыми бревнами, положенными поперек ямы. На дне скелет подростка 12—14 лет, лежал на спине, головой на СВ, ноги согнуты

коленями вверх, руки несколько согнуты в локтях и кистями лежали на тазовых костях.

Около правого плеча стоял глиняный горшок, с несколько выпуклыми боками, широким горлом и плоским дном (рис. 4—4). На плечиках сосуда горизонтально расположено шесть параллельных линий, оттиснутых веревочкой. Ниже плечек стенки сосуда сплошь покрыты вертикально расположенными короткими линиями, нанесенными мелкозубчатым чеканом. Высота горшка 13 см, диаметр устья 15 см, диаметр дна 8 см. На костях скелета и на дне могилы заметны следы красной краски.

Погребение № 14 расположено также в северо-западном секторе, на расстоянии 1,50 м от погребения № 13, с южной стороны. Могила прямоугольной формы, ориентированная с СВ на ЮЗ. Длина могилы 1,70 м, ширина 0,95 м, глубина 0,90 м.

На дне скелет юношеского возраста лежал на спине, головой на СВ, ноги согнуты коленями в правую сторону, руки чуть согнуты в локтях и кистями положены на тазовые кости. Около правого плеча стоял глиняный горшок округлой формы, с широким горлом, несколько отогнутым наружу венчиком. Сосуд имеет высокий поддон (рис. 4—5). Стенки сосуда от плечиков и до дна сплошь покрыты оттисками мелкозубчатого чекана, образующего елочный орнамент. Высота сосуда 11 см, диаметр устья 13 см, диаметр дна 6 см. На дне могилы прослежены следы красной краски.

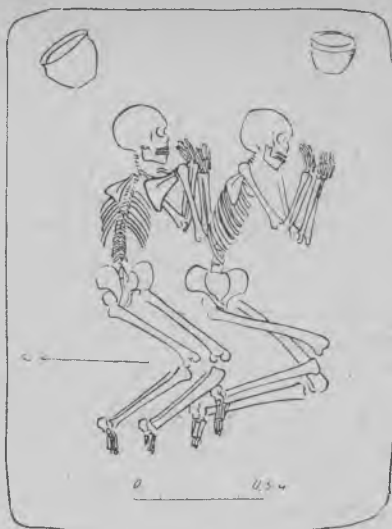
2) Курганы у с. Максютово

На правом берегу р. Камелик (левый приток Иргиза), в 2-х км к юго-востоку от с. Максютово, Клинцовского района, Саратовской области расположено поселение эпохи бронзы. В 1938 году нами были произведены раскопки этого поселения⁶ и одновременно исследованы курганы, расположенные на расстоянии 1 км от поселения, в северо-восточном направлении. В группе насчитывается до 10 курганов, расположенных на одном из увалов, идущих параллельно реке. Курганы не подвергались распах-

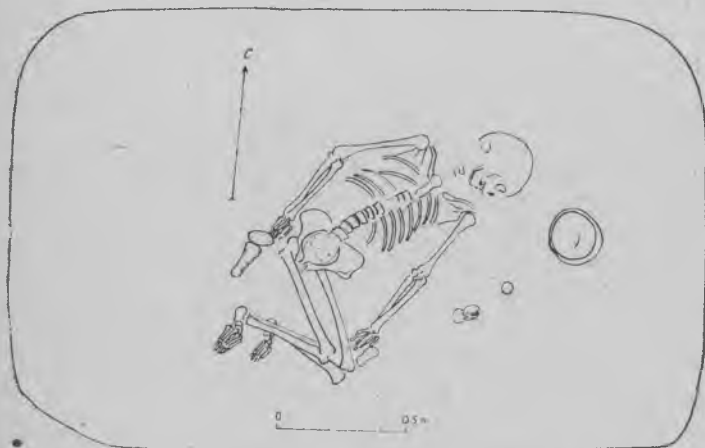
⁶ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. Совет. археология, т. XI, 1949 г., стр. 195.

1

2

3

Рис. 6. Погребения из курганов у с. Максютово
1—погребение № 2, кург. № 2, 2—погребение № 4, кург. № 3;
3—погребение № 1, кург. № 1.

ке, и поверхность их покрыта плотным дерном. Высота курганов от 0,30 м до 0,80 м, диаметр от 8 м до 16 м. В группе раскопано 4 кургана. Курган № 4 содержал погребение времени Золотой Орды и в данную публикацию не включен.

Курган № 1 расположен в центре группы. Диаметр насыпи 13 м, высота 0,70 м. В центральной части насыпи кургана, на глубине 0,25—0,35 м, обнаружены отдельные кости ребенка и взрослого человека. Кости взрослого человека встречались и ниже на глубине 0,50 м. После снятия насыпи под курганом обнаружено 4 грунтовых могилы⁷.

Погребение № 1 (основное) находилось в южной половине кургана, ближе к центру. Могила прямоугольно-удлиненной формы с закругленными углами, ориентированная по линии В-З. Длина могилы 2,70 м, ширина 1,70 м и глубина 0,90 м в грунте. Сверху могила была перекрыта дубовыми бревнами, положенными поперек могилы.

На дне могилы лежал скелет мужчины, на спине, головой на В с отклонением на СВ. Ноги согнуты коленями вверх и завалились на левую сторону. Руки протянуты вдоль туловища (рис. 6—3).

С правой стороны около черепа стоял лепной горшок со слегка выпуклыми в верхней части стенками и низким прямым горлом (рис. 8—1). Венчик с наружной стороны орнаментирован мелкой насечкой. На плечиках и в нижней части сосуда короткие линии чекача, образующие елочный орнамент. Высота горшка 14,5 см, диаметр устья 18 см, дно 9,5 см. На уровне левого плеча помещались: круглый цилиндрической формы меловой камень, здесь же большая морская раковина и кабаньих клык. У кисти левой руки находился каменный пест округлой формы длиной 11 см толщиной до 4 см. Около кисти правой руки находилось два каменных песта; один продолговато-овальной, яйцевидной формы из красного мелкозернистого песчаника, конец имеет сработанную плоскость. Длина песта 9 см, при максимальной толщине 5 см (рис. 8—2). Второй пест большего раз-

⁷ Погребения № 2, 3 и 4 относятся к позднему средневековью.

1

3

2

4

Рис. 7. Вещи и погребения из курганов у с. Максютово
1,2—бронзовый нож и бронзовое шило из погребения № 2, кург. № 2;
3—погребение № 1, кург. № 3; 4—погребение № 6, кург. № 2.

мера—длина его 13 см, книзу утолщен и конец тщательно заполирован.

Дно могилы, берцовые кости и ступни ног густо посыпаны красной краской.

Курган № 2 расположен рядом с первым. Диаметр насыпи 16 м, высота 0,80 м. Насыпь исследована последовательными продольными траншеями шириной в 3 м. В кургане обнаружено 6 погребений, из которых 3 погребения относятся к сарматской культуре (погр. 1, 4 и 5).

Погребение № 2 находилось в ЮВ секторе кургана. Могила прямоугольно-удлиненной формы, ориентированная с В на З. Длина могилы 2 м, ширина 1,30 м, глубина 0,85 м. На дне могилы лежал скелет взрослого мужчины на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях и кистями положены перед лицом. Ноги сильно согнуты—берцовые и бедренные кости лежали параллельно друг другу (рис. 6—1).

На груди у левого плеча ниже ключицы находилось костяное кольцо, вырезанное из ножной кости овцы. Около живота лежала округлая зернотерка из белого гладкого камня. Зернотерка сильно сглажена с обеих сторон. Диаметр ее—17 см, толщина—8 см. В ногах около ступней ног находился бронзовый нож с лезвием листовидной формы (рис. 7—1). Ручка ножа была обтянута ремнем. Благодаря окислению ремень частично сохранился; ширина его до 3 см. Длина ножа 12,5 см. Около ножа находилось бронзовое четырехгранное шило с остатками деревянной ручки. Стержень шила имел изогнутый вид (рис. 7—2). Длина шила—13 см, толщина в середине—0,5 см. У ступней ног находился кусок желтоватой массы в виде серы и кусок кремня. Ступни ног густо посыпаны красной краской.

Северо-восточный угол могилы был разрушен грабительским раскопом, скелет частично потревожен; на месте не оказалось черепа, плечевой кости правой руки, лопатки и отсутствовали ребра правой стороны.

Погребение № 3 расположено рядом с могилой № 2, с северной стороны. Погребение было разрушено грабительским раскопом. Могила имела прямоугольную форму длиной по линии восток-запад 2 м, шириной 1,40 м

и глубиной 1,30 м. В могильной засыпке от древнего горизонта до дна находились разрозненные кости взрослого человека, черепки от большого горшка, покрытого сплошь горизонтальными полосками штампового орнамента, и черепки от второго горшка с крашеной поверхностью и орнаментированной оттиском веревочки.

Погребение № 6 находилось в СВ секторе кургана на расстоянии 3 м от центра. Могильная яма, ориентированная по линии ВЗ, имела в длину 1,40 м, ширину—0,60 м и глубину 0,65 м. Вдоль южной стенки на глубине 0,25 м образована пологая приступка. Под северной стенкой устроен подбой, равный длине входной ямы. Глубина подбоя 0,75 м, высота — 0,55 м.

В подбое—катакомбе лежал скелет взрослого человека на спине, наклоненный на левый бок, головой на В, ноги сильно скорчены, руки согнуты в локтях и кистями лежали на животе (рис. 7—4). У левого плеча перед лицом стоял глиняный толстостенный горшок баночной формы (рис. 8—3). На закрайке горшка имеется желобобразный слив, вокруг шейки горизонтально расположен ряд глубоких ямок, вдавленных круглой палочкой. Высота горшка 16 см, диаметр устья 15 см, диаметр дна 14 см. Около горшка находилась кость овцы — нога, отрубленная до колен.

Курган № 3 расположен в 80 м от первого кургана, с юго-восточной стороны. Диаметр насыпи 12 м, высота 0,65 м. Курган исследован снятием всей насыпи. В кургане обнаружено 7 погребений, расположенных в центре. Все погребения относятся к бронзовой эпохе.

Погребение № 1 находилось в северо-восточном секторе кургана, ближе к центру, в насыпи, на глубине 0,55 м от поверхности кургана. Скелет взрослого человека лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-восток, руки согнуты в локтях, и кисти их лежали перед лицом. Около бедра правой ноги находился небольшой кусок вара (рис. 7—3).

Погребение № 2 находилось под погребением № 1, с ЮЗ стороны. Могила прямоугольной формы, ориентирована по линии с СЗ на ЮВ. Длина могилы 1,80 м, ширина 0,65 м и глубина 0,35 м в грунте. Юго-западный край могилы врезался в могильную засыпку погребения № 3, расположенного здесь же в центре кургана.

Скелет взрослого человека лежал на правом боку, головой на СЗ, ноги согнуты в коленях и несколько опустились в засыпку могильной ямы № 3. Такое положение скелета позволяет заключить, что захоронение было совершено после того, как перекрытие в могиле основного погребения уже обрушилось, но засыпка не получила еще достаточной осадки. Никаких вещей при погребении не было.

Погребение № 3 (основное—коллективное) расположено в центре кургана. Могильная яма прямоугольной формы, ориентированная с В на З. Длина ее 1,80 м, ширина 1,60 м, глубина 0,90. Вокруг ямы отчетливо прослежен выброс из могилы. Сверху могила была перекрыта толстыми бревнами, положенными поперек могилы. Около края могилы, с задней стороны, лежали жертвенные кости коровы, четыре ноги в сочленении и череп. Ноги отрублены до колен и положены попарно, а между ними находился череп.

На дне могилы лежали скелеты двух взрослых людей: первый скелет, лежавший вдоль южной стенки, принадлежал, по-видимому, женщине молодого возраста. Скелет лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях и кистями помещались перед лицом. Около кистей рук—две коровьи «бабки» и у колен один альчик овцы. В ногах стоял глиняный лепной горшок из темносерой глины с примесью толченых раковин. Горшок имел прямые стенки, несколько выпуклые плечики и невысокое горло. Высота горшка 16 см, диаметр устья 16 см, дно 8 см.

Второй скелет лежал рядом с первым вдоль северной стенки, также на левом боку, скорченно, головой на В, руки согнуты в локтях и кистями перед лицом. Скелет принадлежал человеку молодого возраста (17—18 лет). Кости скелетов плохой сохранности.

Погребение № 4 (коллективное) находилось на расстоянии 1 м к югу от погребения № 3. Могила прямоугольной формы, ориентированная с В на З. Длина могилы 2 м, ширина 1,50 м, глубина 0,90 м. Сверху могила была перекрыта бревнами, положенными поперек ямы. С западной стороны на краю могилы лежали в сочленении четыре ноги (ноги обрублены до колен) и череп коровы.

Рис. 8. Глиняные сосуды и бытовые вещи из курганов у с. Максютово.

1—сосуд из погребения № 1, кург. № 1; 2—каменные песты
из погребения № 1, кург. № 1; 3—сосуд из погребения № 6, кург. № 2;
4—сосуд из погребения № 4, кург. № 3; 5—сосуд из погребения № 5,
кург. № 3; 6—сосуд из погребения № 7, кург. № 3.

На дне могилы два скелета взрослых людей (рис. 6—2): вдоль южной стенки лежал скелет женщины молодого возраста, на левом боку, скорченно, головой на В. Под черепом находилась бронзовая височная подвеска, сделанная из желобчатой бронзовой пластинки с заходящими друг за друга концами (рис. 4—6). Около локтя правой руки лежала вторая такая же подвеска. В головах стоял лепной горшок, сильно расслоившийся на мелкие кусочки.

Второй скелет—мужской лежал рядом с первым, также скорченно на левом боку, головой на В. Берцовые кости правой ноги перекрывали ступни ног первого скелета. Руки согнуты в локтях, кистями лежали перед лицом. Около челюсти с правой стороны находилась бронзовая височная подвеска того же типа, как и у скелета № 1. У правого плеча и кистей рук найдены мелкие пастовые бусы (14 штук) и буса, согнутая из тонкого листа бронзы. Около черепа в северо-восточном углу глиняный горшок, с прямыми и округлыми у плечиков стенками, прямым невысоким горлом (рис. 8—4). Кости погребенных плохой сохранности.

Погребение № 5 расположено на расстоянии 0,70 м от погребения № 3, с северной стороны. Могила прямоугольной формы, ориентированная с В. на З. Длина могилы—1,80 м, ширина—1,60 м, глубина 0,90 м. Могила была перекрыта бревнами, положенными поперек ямы. С западной стороны у края могилы жертвенные кости коровы: четыре ноги, обрубленные до колен и череп.

На дне могилы скелет подростка лет 10—12 лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Кости плохой сохранности и потревожены сурками. В ногах, вдоль западной стенки, стояло три горшка, сделанные из темно-серой глины с большим количеством примеси раковин. Все горшки имеют баночную форму, с характерной изогнутой шейкой и несколько выступающими плечиками (рис. 8—5).

Погребение № 6 находилось в северной половине кургана, на расстоянии 1,90 м от погребения № 5. Могила прямоугольной формы, ориентированная с В. на З. Длина ее—1,45 м, ширина 1 м, глубина—0,85 м. Сверху могила перекрыта бревнами, положенными поперек ямы. На дне могилы лежал скелет ребенка 7—10 лет, на ле-

вом боку, головой на В. Ноги скорчены, ступни лежали рядом. Руки согнуты в локтях, и кисти находились перед лицом. Около локтей находились: три астрагала от овцы и четыре от коровы. В юго-западном углу стоял лепной горшок из темносерой глины с примесью толченой раковины. Горшок такой же формы, как и в вышеописанных могилах. Высота горшка 15 см, диаметр устья 18 см, диаметр дна 7 см.

Погребение № 7 расположено в юго-восточном секторе, на расстоянии 1 м к востоку от погребения № 3. Могила прямоугольной формы, ориентированная с В. на З. Длина могилы 1,40 м, ширина—1 м, глубина—0,90 м. Сверху могильная яма перекрыта бревнами. На дне скелет подростка лет 12 лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях и кистями положены перед лицом.

На груди и шейных позвонках находились мелкие бусы из сурьмы (30 штук). Около локтей находились два астрагала коровы, в ногах стоял глиняный горшок, плечики и бока имеют выпукло-закругленную линию, край отогнут наружу, поверхность покрыта широкими бороздками, идущими в разные стороны от сглаживания зубчатым чеканом или травой (рис. 8—6). Высота горшка 15 см, диаметр устья 12 см, дно 8 см.

II. Характеристика исследованных памятников

Исследованные курганы в районе г. Энгельса и села Максютובה отличаются весьма устойчивыми формами могильных сооружений, ритуалом и составом инвентаря. Не только внешний вид памятников, но и ритуальные особенности объединяют их в одну, тесно связанную между собой группу памятников родового общества степей Заволжья. В хронологической последовательности исследованные погребения относятся к разным этапам родового общества бронзовой эпохи Нижнего Поволжья.

Материалы описанных погребений позволяют разделить их на три хронологические группы:

- 1) погребения ямной культуры—III тыс. до н. эры;
- 2) погребения раннего этапа срубной культуры—первая половина II тыс. до н. эры;

3) погребения среднего и позднего этапа срубной культуры — вторая половина II тыс. и начало I тыс. до н. эры.

Устанавливая такую хронологическую последовательность, следует отметить ее условность, так как данные погребений свидетельствуют о едином процессе исторического развития. Погребения ямной культуры, погребения раннего и позднего этапа срубной культуры генетически связаны между собой и представляются переходными этапами, звеньями единого исторического процесса.

Среди исследованных погребений к ямной культуре относятся четыре погребения из курганов, раскопанных у г. Энгельса (погребение № 2 из кургана № 1, погребение № 1 из кургана № 2, погребения №№ 11 и 12 из кургана № 4). Указанные погребения характеризуются рядом черт, свойственных погребальному обряду ямной культуры Нижнего Поволжья. Характер устройства погребальных сооружений весьма однообразный: могильные ямы прямоугольной формы, сверху перекрытые накатником из бревен или плахами. Погребенные, как правило, лежат на спине с подогнутыми ногами, коленями вверх, преимущественно восточного направления ориентировкой. Обычай посыпать погребенных красной краской также является постоянным ритуальным признаком погребений этой группы. Эти черты оказываются характерными не только в период III тыс. до н. эры. Отдельные черты ритуала, например, устройство могил и способ их перекрытия бревнами, ориентировка и положение погребенных сохраняются длительное время и во II тыс. до н. эры у племен срубной культуры, свидетельствуя о преемственности в развитии местных племен.

Несмотря на то, что инвентарь исследованных погребений по своему объему весьма ограничен, все же в комплексе с материалами аналогичных погребений он является важным дополнением для выяснения хозяйственной и общественной жизни племен раннего родового общества Заволжья. Очень важно, например, отметить находки при погребениях костей домашних животных — коровы, овцы, а также находки бронзовых орудий. Находки костей домашних животных указывают на развитие скотоводства. По материалам раскопок последних лет

можно признать установленным, что скотоводство в Поволжье уже в конце III тыс. до н. эры занимало в хозяйстве степных племен более видное место по сравнению с охотой и рыболовством. Развитие скотоводства оказало влияние на общий рост производительных сил населения, обусловило возможность обменных отношений, а в связи с этим и появление медных орудий. Медные ножи, шилья являются хотя и редкими, но обычными находками в погребениях ямной культуры конца III тыс. до н. эры. В кургане № 2, раскопанном нами у г. Энгельса, обнаружен хорошо сохранившийся типичный, листовидной формы нож (рис. 2—3). Клинок ножа пластинчатый, тонкий, со слегка утолщенной серединой и очень тонкими лезвиями. Аналогичные ножи известны по находкам в погребениях поздней ямной культуры Н. Поволжья и Причерноморья.

Распространение первых металлических орудий, развитие скотоводства приводят к изменениям и других элементов материальной культуры, а также к существенным изменениям общественного строя. Эти изменения особенно ярко прослеживаются у местных племен на новом этапе развития родового общества—у племен срубной культуры, являющейся непосредственным продолжением ямной культуры.

Погребения срубной культуры, относящиеся ко II и началу I тыс. до н. эры, были обнаружены в группе курганов у г. Энгельса и близ с. Максютково. Всего в двух группах исследовано 21 погребение, материал которых характеризует дальнейшее развитие экономики и культуры местных племен.

По совокупности признаков могильного инвентаря и ритуала погребения составляют две одновременных группы. В первую группу, датирующуюся в пределах первой половины II тыс. до н. эры, относятся пять погребений (курган № 4, погребение №№ 13 и 14, г. Энгельс, курган № 1, погребение № 1, курган № 2, погребение № 2, курган № 2, погребение № 3, с. Максютково).

Наиболее характерным признаком погребений этой группы является устройство могил с соблюдением в погребальном обряде многих черт, свойственных обряду древнеямного времени. Могильные ямы также перекрывались накатником толстых бревен, во многом сохра-

няется прежний способ положения погребенных на спине, с согнутыми ногами коленями вверх. В ритуале сохраняется обычай посыпать погребенного красной краской, хотя степень окрашенности значительно уменьшается. Типично для погребений этого времени положение костяков головой на восток, иногда с отклонением на северо-восток.

Инвентарь погребений хотя и не отличается разнообразием отдельных категорий предметов, тем не менее убедительно свидетельствует о развитии техники и экономики у племен срубной культуры. Среди находок изделий из металла отметим бронзовый нож и четырехгранное шило из кургана № 2, погребение № 2 у с. Максютovo (рис. 7—1,2). По своей форме и технике изготовления предметы относятся к ранним типам бронзовых орудий. Каменные песты—терочки (курган № 1, погребение № 1, с. Максютovo), большая каменная двусторонняя зернотерка (курган № 2, погребение № 2, с. Максютovo) представляют комплекс орудий, связанных с обработкой хлебных злаков.

В керамике погребений раннесрубной культуры отмечаются более разнообразные формы сосудов, богаче представлены элементы орнамента. Вместе с тем, анализ керамики из погребений срубной культуры показывает ее преемственность от керамики ямных погребений. Сосуд из погребения № 13 (рис. 4—4) своей формой, техникой веревочного орнамента представляет яркий пример преемственности в развитии керамики раннего этапа срубной культуры от предшествующей—керамики ямной культуры. Вместе с тем, в погребениях раннего этапа срубной культуры появляются и новые формы керамики, которые получают свое дальнейшее развитие в более поздний период. Примером такого типа керамики является сосуд (рис. 4—5) из погребения № 14 (курган № 4, г. Энгельс).

Следовательно, керамика курганных погребений раннего этапа срубной культуры занимает промежуточное положение между керамикой ямных погребений (III тыс. до н. эры) и керамикой срубной культуры второй половины II тыс. и начала I тыс. до н. эры. Таким образом, изучение керамики с привлечением других комплексов материальной культуры позволяет не только установить

преемственность в развитии местных племен, но и определить хронологические рамки срубной культуры, формирование которой происходило в первой половине II тыс. до н. эры, а не во второй половине II тыс. до н. эры, как это утверждает О. А. Гракова⁸.

Погребения поздне-срубной культуры также были открыты в группе курганов у г. Энгельса и с. Максютново. Всего было исследовано 16 погребений⁹. Все они отличаются устойчивыми формами ритуала. Захоронения совершались в грунтовых прямоугольных ямах, реже в насыпи кургана. Исключение составляет погребение № 6, из кургана № 2 у с. Максютново—захоронение совершено в могиле катакомбного типа.

Объединяющим признаком погребений является форма могильных ям, устройство надмогильных перекрытий и другие ритуальные особенности. Грунтовые могилы перекрывались накатником из бревен. Общие черты ритуала ярко отражены в положении жертвенных животных; на краю многих могил находятся кости овцы или коровы—черепя и ноги, отрубленные до колен. Устойчивым признаком является также положение погребенных на левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми руками кистями перед лицом. Ориентировка погребенных в большинстве случаев на восток, северо-восток. В отдельных могилах погребенные оказались положенными головой на юг.

Могильный инвентарь, обнаруженный в исследованных курганах, является обычным для погребений поздней срубной культуры Нижнего Поволжья. Почти во всех могилах находились глиняные сосуды в количестве от одного до трех. Керамика не отличается разнообразием форм и орнамента и в большинстве своем типична для погребений позднего времени срубной культуры Нижнего Поволжья. Однако в отдельных погребениях отмечаются

⁸ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ. 1948, вып. XVII, стр. 154 и сл.; ее же Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, вып. 46, 1955, стр. 15 и след.

⁹ Группа у г. Энгельса: курган № 1, погребение № 1, курган № 4, погребения №№ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, группа у с. Максютново: курган № 2, погребение № 6, курган № 3, погребения №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

особенности форм и техники изготовления. Так, в Максютовской группе курганов преобладают сосуды с округлыми боками, несколько выпуклыми плечиками, прямым или отогнутым венчиком (рис. 8—4, 5, 6).

В глине содержится большое количество примеси толченой раковины. Резко выделяется своей формой и орнаментом сосуд коллективного погребения № 10 из кургана № 4, группы у г. Энгельса (рис. 4—3). Оригинальным по своему орнаменту является сосуд баночной формы из того же кургана № 4, погребение № 3 (рис. 4—2). Вся поверхность горшка покрыта горизонтально расположенными рядами ямок прямоугольного штампа, образующего вид так называемого «рогожного орнамента».

Кроме посуды в отдельных погребениях обнаружены украшения: височные подвески, бусы. Височные подвески сделаны из бронзовой пластинки с расширяющимися желобчатыми, заходящими друг за друга концами (рис. 4—6). Аналогичные подвески характерны для погребений срубной культуры Нижнего и Среднего Поволжья, а также известны среди памятников андроновской культуры Приуралья и Западного Казахстана¹⁰. Обычными также являются мелкие пастовые и бронзовые бусы.

Для выяснения вопроса общественного строя у племен родового общества Нижнего Поволжья важное значение имеют коллективные погребения, ритуал которых указывает на определенные изменения общественных норм у местных племен. Мы имеем в виду коллективные захоронения, обнаруженные в группе курганов у г. Энгельса и села Максютово.

В двух случаях (с. Максютово, курган № 3, погребение №№ 3 и 4) это парные погребения мужчины и женщины молодого возраста (рис. 6—2), в двух могилах коллективные погребения: в одной могиле (г. Энгельс, курган № 1, погребение № 1) три скелета взрослых людей — мужчины и двух женщин (рис 2—1) и в одном случае

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 110, рис. 35—6; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Поволжья, МИА, вып. 42, 1954, стр. 113, рис. 31.

(курган № 4, погребение № 10) коллективное захоронение пяти человек—мужчины и женщины средних лет, ребенка 8—10 лет, ребенка 2—3 лет и женщины пожилого возраста (рис. 5).

Вся обстановка указанных погребений, характер взаиморасположения погребенных показывают на одновременность захоронений.

Парные захоронения—мужчины и женщины—у степных племен Заволжья известны (как редкое явление) еще в период ямной культуры. Они уже свидетельствуют о возникновении патриархальных отношений, обусловленных развитием скотоводства. У племен срубной культуры в связи с развитием производительных сил, особенно дальнейшим развитием скотоводства, разделением труда между мужчинами и женщинами и переменами в общественном положении последних, парные погребения получают широкое распространение. В курганных группах, наиболее полно исследованных, парные погребения составляют большой процент по отношению к одиночным захоронениям. Так, например, из 39 исследованных курганов в районе г. Энгельса (так называемая Покровская группа) 11 курганов содержали парные погребения—мужчины и женщины.

Не менее ярким и убедительным примером, подтверждающим наличие у племен срубной культуры коллективных семейных захоронений, является исследованный П. С. Рыковым Чардымский курган, расположенный на берегу Волги у с. Чардым, Саратовской области. Насыпь кургана имеет средние размеры среди курганов этого района; диаметр ее по линии СЮ—20 м, по линии ВЗ—30 м, высота — 1,20 м.

В кургане обнаружено одиннадцать могил, содержащих погребения бронзовой эпохи. Из одиннадцати могил 4 содержали коллективные захоронения; в могиле № 4 находились три скелета—два молодого возраста и ребенок 7—10 лет; в могиле № 7 находилось четыре скелета взрослых людей—два из них лежали лицом друг к другу—мужчина на левом боку, женщина на правом; в могиле № 9 также одновременно захоронено четыре человека—мужчина средних лет, две женщины и ребенок; в могиле № 11 находилось два скелета—мужской на ле-

вом боку и женский на правом боку. Во всех случаях погребенные лежали скорченно, головой на СВ¹¹.

Состав могильного инвентаря — керамика, бытовые предметы, украшения — является обычным и характерным для погребений позднего этапа срубной культуры Нижнего Поволжья¹². По характеру устройства могил, ритуалу, инвентарю чардымские, как и другие коллективные погребения, не выделяются из общей массы погребений этого времени. Они отражают социально-однородные группы населения. Вместе с тем парные и коллективно-семейные погребения показывают прямую зависимость женщин от мужчин и служат ярким подтверждением развития патриархальных родовых отношений, ставших основной формой общественных норм у племен срубной культуры.

Как известно, в советской археологической литературе вопрос о совместных погребениях неоднократно затрагивался многими исследователями. Впервые наиболее обстоятельно вопросы о совместных погребениях были поставлены М. И. Артамоновым и правильно разрешены применительно к культурам эпохи бронзы степной полосы Восточной Европы¹³. Позднее С. В. Киселев на материале южносибирской бронзы, анализируя данные о коллективных погребениях, уточнил время утверждения патриархальных отношений у племен Южной Сибири¹⁴. В работах К. В. Сальникова¹⁵, А. П. Окладникова¹⁶ приводится большой фактический материал, связанный с характером коллективных погребений, свидетельствующих о сложении патриархальных отношений у племен андро-

¹¹ П. С. Рыков. Чардымское городище. Известия Саратовского Нижне-Волжского Института краеведения. 1933, том VI, стр. 85, таб. 1. Дневниковые данные раскопок Чардымских курганов за 1930 г. не опубликованы.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, вып. 45, 1955, стр. 65 и след.

¹³ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костями. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8.

¹⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА, в. 9, 1949, стр. 32 и след.

¹⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, 1951, вып. 21, стр. 141.

¹⁶ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, часть III (глазковское время), МИА, 1955, вып. 43, стр. 203 и сл.

новской культуры Приуралья и у племен глазковского времени Прибайкалья.

В одной из недавних работ М. А. Итиной, специально посвященной вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах, вновь привлекаются, наряду с этнографическими материалами, данные коллективных погребений. Правильно ставя вопрос о том, что не всегда находимые археологами совместные разнополые захоронения являются непрямым и руководящим указанием на господство в данном обществе патриархата, автор, к сожалению, делает неправильное заключение, считая, что совместные погребения относятся лишь к привилегированным лицам. «Лишь погребение людей, занимающих известное положение в обществе, будь то вожди или просто значительные лица, сопровождается человеческими жертвами. Появление такого рода привилегированных лиц свидетельствует о том, что здесь уже происходит накопление богатств в руках отдельных лиц, что здесь начался переход к патриархату, но это лишь первые шаги на пути к его господству»¹⁷.

Публикуемые археологические данные коллективных погребений убеждают нас в том, что здесь мы имеем дело не с отдельными привилегированными захоронениями, а обычными, рядовыми, семейными погребениями, в которых ярко отражена связь мужа и жены, где муж является главой всей семьи. Коллективные погребения являются прямым доказательством зависимости жены от мужа. Именно эту зависимость в патриархальной семье с особой силой подчеркивал Энгельс словами «Ниспровержение материнского права было **всемирно-историческим поражением женского пола**. Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, в рабу его похоти, в простое орудие деторождения»¹⁸.

Парные и коллективные погребения, обнаруженные в курганах у г. Энгельса и с. Максютново, служат ярким подтверждением сложившихся патриархальных отношений у племен срубной культуры Нижнего Поволжья.

¹⁷ М. А. Итина, К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. Советская этнография, 1954 г., вып. 3, стр. 67.

¹⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1945, стр. 66.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Островский В. Б. Комсомол на фронте сплошной коллективизации сельского хозяйства (1930—1932 гг.)	3
Медведев В. К. Борьба батрачества за укрепление Советов в период выборов 1928—1929 года (на материалах Нижне-волжского края)	38
Бабиков И. И. Крестьянское движение в Саратовской губернии в 90-х годах XIX века.	54
Пугачев В. В. Декабрист М. Ф. Орлов и Московский съезд Союза Благоденствия.	82
Ардабазкая А. М. Из истории борьбы русской дипломатии с прусской агрессией в 40-е годы XVIII века	115
Галактионов И. В. Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина в 1642—1643 гг.	164
Панцуктилова О. В. Из истории профсоюзного движения в Болгарии в 1900—1904 гг.	180
Остальцева А. Ф. Англо-французское соглашение 1904 г. и англо-русские отношения	204
Шапиро А. М. К вопросу о материальном положении английских рабочих в 60-е годы XIX века	252
Стам С. М. К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма	264
Синицын И. В. Памятники родового общества степей За-волжья.	278

Отпечатано издательством «Коммунист» по заказу
Саратовского государственного университета
имени Н. Г. Чернышевского

Ответственный за выпуск доцент В. С. Вышемирский

Корректоры: М. М. Назарова, Ю. В. Пешехонов

